

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

3/2025

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета**

Основан в 2010 году

№ 3 / 2025

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
 - 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
 - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
 - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN (Online) 2949-5032

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

**The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University**

Founded in 2010

№ 3 / 2025

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
 - 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
 - 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
 - 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Российский социально-гуманитарный журнал

основан в 2010 году (до сентября 2023 года журнал назывался «Вестник Московского государственного областного университета»).

Учредитель: Государственный университет просвещения.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-85734.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Главный редактор:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н.С. — д.псх.н., доц., проф., Государственный университет просвещения;
Левченко М.Н. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. — д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;
Вилков А.А. — д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;
Егоров В.Г. — д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);
Комлева Н.А. — д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;
Манойло А.В. — д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Маркаров А.А. — д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);
Мартынов М.Ю. — д.пол.н., проф., Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. — д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;
Соловьев А.И. — д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Федорченко С.Н. — д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Шириянц А.А. — д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. — д.псих.н., член-корреспондент РАО;
Карабанова О.А. — д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Скрипкина Т.П. — д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;
Суворова О.В. — д.псх.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
Цветкова Н.А. — д.псх.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
Иссерс О.С. — д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;
Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;
Маркова Е.М. — д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);
Мокиенко В.М. — д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
Никитин О.В. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;
Радченко М.В. — д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);
Симашко Т.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);
Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010.

(The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: Federal State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № ФС77-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;
Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;
Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;
Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);
Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;
Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;
Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Olga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvati);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бурангулов Э. Р.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ:

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ 8

Володенков С. В.

ТРАДИЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО VS ТЕХНОЛОГИИ

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ

ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 23

Головинов А. В.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ НАЧАЛО РУССКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В «ОБЛАСТНИЧЕСКОЙ» ПУБЛИЦИСТИКЕ

НАЧАЛА XX В. 44

Денисов Н. Е.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 58

Катков И. Е.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ

КОНТРСАНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ 73

Коротышев А. П., Рыхтик П. П.

ВЕБ-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ

В КОМПАРАТИВИСТСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ОФИЦИАЛЬНОГО

НАРРАТИВА, НАРРАТИВА СМИ И ОБЩЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА

НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ 88

Кубанцева Е. В.

ЦИФРОВОЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 115

Нестеров Е. А., Нестерова А. А.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

(2023–2024) В ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЯХ ХАМАС

И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 133

Синчук Ю. В.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ

ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ

ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ 155

ЛИНГВИСТИКА

Адамович С. В., Рычкова Л. В.

ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КОНТЕКСТОВ

СО СПЕЦИФИЧНЫМИ ДЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

СИНТАКСИЧЕСКИМИ АППРОКСИМАТОРАМИ 165

Беляков М. В.

«ЧУЖИЕ» СЛОВА КАК МАРКЕР ПОТЕРИ

ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 188

Лукьянова В. С.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АНТРОПНИМА С ГЛЮТТОНИЧЕСКИМ

КОМПОНЕНТОМ В ДЕТСКОМ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

И ЕГО ПЕРЕВОДЕ 204

Овчинникова Г. В., Федченко В. С., Погольша А. Д.

ИМПЛИЦИТНОСТЬ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

С КОМПОНЕНТАМИ «СЕРДЦЕ», «CŒUR», «CUORE», «HEART»

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ

ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ 223

Яковлева А. М., Крюкова А. И.

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННОЙ

КОНСТРУКЦИИ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ 246

POLITICS

Emil R. Burangulov

THE STATE'S APPROACH TO HIGHER EDUCATION
IN TURKMENISTAN: COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS
OF THE DEVELOPMENT STAGES 8

Sergey V. Volodenkov

TRADITIONAL STATE AND DECENTRALIZATION TECHNOLOGIES:
FEATURES OF IDEOLOGICAL TRANSFORMATIONS
IN THE DIGITAL ERA 23

Aleksandr V. Golovinov

PARLIAMENTARISM AS AN INTEGRATING PRINCIPLE
OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN THE "REGIONAL" JOURNALISTICS
OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY 44

Nikolay E. Denisov

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL IDENTITY
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY 58

Ilya Ye. Katkov

RESEARCH AREAS AND RESULTS IN THE RUSSIAN
COUNTER-SANCTIONS POLICY IN ENERGETICS 73

Aleksandr P. Korotyshev, Pavel P. Rykhtik

WEB-ANALYTICAL TOOLS IN THE OFFICIAL NARRATIVE, THE MEDIA
NARRATIVE, AND THE PUBLIC NARRATIVE COMPARATIVE STUDY
THROUGH THE FAMILY IMAGE AND FAMILY POLITICS EXAMPLES 88

Elena V. Kubantseva

DIGITAL NEOCOLONIALISM: THEORETICAL FOUNDATIONS
AND IMPLEMENTATION PRACTICES IN THE GLOBAL
TECHNOLOGICAL TRANSFORMATIONS ERA 115

Egor A. Nesterov, Albina A. Nesterova

REPRESENTATION OF THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT (2023)
IN OFFICIAL STATEMENTS OF HAMAS AND
THE RUSSIAN FEDERATION 133

Yuri V. Sinchuk

THE PROBLEM OF EFFECTIVE RESOURCE MANAGEMENT
OF EDUCATIONAL PROJECTS IN THE CONTEXT OF THE STATE
POLICY BASIC PRINCIPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE EDUCATIONAL FIELD. 155

LINGUISTICS

<i>Sviatlana V. Adamovich, Liudmila V. Rychkova</i> TRANSLATION OF CONTEXTS WITH SPECIFIC TO THE RUSSIAN LANGUAGE SYNTACTIC APPROXIMATORS INTO GERMAN	165
<i>Mikhail V. Belyakov</i> "ALIEN" WORDS AS A MARKER OF LOSS OF LINGUISTIC IDENTITY: LINGUISTIC ANALYSIS	188
<i>Valentina S. Lukyanova</i> VERBALIZATION OF ANTHROPONYMS WITH GLUTTONIC COMPONENTS IN CHILDREN'S AUDIOVISUAL TEXTS AND THEIR RUSSIAN TRANSLATION	204
<i>Galina V. Ovchinnikova, Valeria S. Fedchenko, Angela D. Pogolsha</i> SEMANTIC IMPLICITITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING COMPONENTS "SERDTSE", "CŒUR", "CUORE", "HEART" IN THE FRENCH, ITALIAN, ENGLISH, AND RUSSIAN LINGUOCULTURES	223
<i>Anna M. Yakovleva, Anastasia I. Kryukova</i> CONTRASTIVE ANALYSIS OF PREPOSITIONAL-NOMINAL CONSTRUCTIONS IN ROMANCE LANGUAGES: LINGUISTIC AND TRANSLATIONAL ASPECTS	246

УДК 316.356

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ

Бурангулов Эмиль Рауфович

- e-mail: burangulovemil@mail.ru;
кандидат политических наук,
доцент кафедры социальных и политических коммуникаций;
Уфимский государственный нефтяной технический университет
450064, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1,
Российская Федерация

Для цитирования

Бурангулов Э. Р. Государственная политика в сфере высшего образования в Туркменистане: сравнительно-исторический анализ этапов развития // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 24.06.2025
- Статья размещена на сайте 26.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Методы и результаты исследования](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель – выявление специфики исторических этапов государственной стратегии Туркменистана по реформированию высшего образования.

Процедура и методы. Проведены качественный анализ нормативных правовых актов и статистических данных, экспертный опрос.

Результаты. В истории развития государственной политики в сфере высшего образования независимого Туркменистана выделяется два этапа, особенности которых определяются личными предпочтениями президентов. Первый этап приходится на период правления С. Ниязова в 1991–2006 гг. и характеризуется укреплением таких сложившихся в позднесоветский период негативных черт, как жёсткая централизация и закрытость высшего образования для большинства граждан, которые происходят на фоне общего упадка. Второй этап приходится на правление Г. Бердымухамедова и его сына С. Бердымухамедова и характеризуется относительными подъёмом высшей школы, её оформлением в компактную модель, отвечающую интересам правящей группы, а также формированием относительно явного курса на интернационализацию и ориентации на стандарты и принципы Болонского процесса. Вместе с тем сохраняются жёсткая централизация и закрытость высшего образования.

Теоретическая и/или практическая значимость заключаются в концептуальном обобщении новых данных о высшей школе Туркменистана, в рекомендациях по оптимизации высшего образования Туркменистана и в авторском прогнозе дальнейшего развития системы высшего образования Туркменистана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

высшее образование, высшая школа, вуз, государственная политика, модернизация высшего образования, оптимизация высшего образования, Туркменистан, реформа высшего образования, университет

ВВЕДЕНИЕ

За последние почти тридцать пять лет государственная политика в сфере высшего образования Туркменистана претерпела значительные изменения. Аналитическое рассмотрение этой трансформации представляет интерес для российского академического и педагогического сообществ ввиду значи-

тельного контингента туркменских студентов в вузах нашей страны, малой исследованности темы по причине закрытого характера социально-политической системы Туркменистана, своеобразного подхода к реформам высшей школы, определяемого лично президентом страны, а также вследствие прямого влияния происходящих в системе высшего образования процессов на геополитическое состояние Туркменистана как одного из крупнейших в мире экспортёров природного газа. Поэтому в статье с помощью сравнительно-исторического метода определяется специфика исторических этапов государственной стратегии Туркменистана по реформированию высшего образования для обоснованной оценки её реализации и эффективности, а также для характеристики её текущего состояния. Такое исследование позволит дополнить современное научное знание об истории и современном развитии государственной политики в сфере высшего образования как в странах Прикаспия, так и в других, а также станет полезным для решения некоторых вопросов, возникающих в ходе модернизации отечественной высшей школы.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для рассмотрения основных особенностей и тенденций государственной политики Туркменистана в сфере высшего образования автор использовал сравнительно-исторический метод и качественный анализ нормативных правовых актов (всего 11) и информационных сообщений (всего 37), опубликованных на туркменских официальных сайтах за последние 10 лет. Для оценки эффективности и перспектив государственной политики Туркменистана в сфере высшего образования автор применил метод группового фокусированного интервью, организованного посредством приложения WhatsApp¹. Для этого были отобраны семь экспертов по принципу однородности, которые соответствовали следующим параметрам: возраст от 35 до 45 лет, работа в вузах Туркменистана как основная на момент проведения исследования, со стажем не менее пяти лет. В ходе беседы каждый участник высказал свою точку зрения по представленным вопросам согласно плану обсуждения. Ранее интервьюируемые не были задействованы в аналогичном

¹ Принадлежит компании Meta Platforms, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ

мероприятии, что уменьшает помехи и нефункциональное поведение.

Исходной посылкой автора является тезис о том, что политика в сфере высшего образования Туркменистана прямо обусловлена политическим курсом правящей группы этой страны, представляет собой электоральную автократию [1].

Система высшего образования Туркменистана относится, пожалуй, к числу наименее изученных, на неё обращают внимание очень немногие авторы [3; 6; 7].

Высшая школа Туркменистана базируется на советском наследии. К концу советского периода в Туркменистане действовало 9 вузов (8 – в столице – Ашхабаде), в которых обучалось 41800 студентов (31000 – в Ашхабаде) [5, с. 222]. При этом число студентов на 10000 человек населения было заметно ниже (112), чем в среднем по Советскому Союзу (174), а число абитуриентов, претендующих на места (например, в педвузы Туркменистана – 388 на 100 запланированных мест), значительно выше, чем в среднем по Советскому Союзу (213 на запланированных 100 мест) [5, с. 226]. Таким образом, уже в советский период оформились такие важнейшие особенности системы высшего образования Туркменистана, как чрезмерная концентрация вузов и студентов в столице, несоответствие образовательных возможностей и потребностей граждан в высшем образовании, критически слабый охват высшим образованием местного населения, жёсткая централизация в управлении.

После провозглашения независимости в стране под лозунгом ликвидации коммунистической идеологии начался первый этап реформирования туркменской высшей школы по программе президента С. Ниязова «Билим» («Образование»). Как указали эксперты в ходе опроса, согласно этой программе срок обучения в вузах был сокращён с пяти до двух лет, одной из основных частей учебных планов всех направлений стало изучение «Рыхнамы» (абитуриенты сдавали и вступительные экзамены по этому произведению С. Ниязова), были полностью отменены вечерняя и заочная форма обучения, фактически ликвидирована аспирантура, при поступлении в вузы стал требоваться двухлетний трудовой стаж, отказано в признании иностранных дипломов, введено обязательное обучение на туркменском языке. Последнее стало наиболее весомой причиной массового оттока высококвалифицированных кадров из туркменской системы высшего образования. Кроме того, в

связи с ухудшением положения на уровне общего образования (сокращением его срока с 10 до 9 лет и продолжительности учебного года на полтора-два месяца в связи обязательными работами учеников на хлопковых полях) резко снизилось качество подготовки абитуриентов [4, с. 86]. Однако в официальной риторике этот период получил высокую оценку: С. Ниязов назвал период реализации программы «Билим» «Золотой эрой», а студентов этого периода – «Золотым поколением». В свою очередь, педагогическое сообщество переименовало это пафосное обозначение в «Потерянное поколение» [9]. Несмотря на кризисные явления, количество вузов увеличилось до 16, хотя численность студентов в сравнении с 1990 г. снизилась более чем в два раза – до 17000, а вовлечённость туркменской молодёжи в возрасте от 20 до 24 лет в высшее образование сократилась с 12% в 1991 г. до 3% в 2003 г.².

Таким образом, реформы С. Ниязова привели систему высшего образования Туркменистана в состояние упадка, она утратила ряд достижений советского прошлого (прежде всего численность студентов и качество образования), но сохранила его негативные черты (отсутствие приемлемого числа региональных вузов, явно недостаточный потенциал высшей школы для удовлетворения потребностей граждан в высшем образовании, сверхцентрализованная форма управления).

С приходом к власти президента Г. Бердымухамедова система высшего образования Туркменистана вновь подверглась реформам, начался их второй этап. Практически сразу же после своего вступления в должность – 15 февраля 2007 г. – глава государства подписал указ «О совершенствовании системы образования в Туркменистане». В этом документе порывалось с наследием С. Ниязова, был восстановлен пятилетний срок обучения в вузах (в медицинских и художественных – введён шестилетний срок обучения), существенно повышена заработная плата преподавателей и сокращено количество рабочих часов (с 1250 до 850, из которых 490 – аудиторная работа), намечено регулирование качества образования. Позднее вернулось заочное обучение (2009 г.), появилась возможность платного обучения, были отменены изучение «Рыхнамы» и вступительные экзамены по этому произведению, правда, взамен было

² Численность студентов в высших профессиональных учебных учреждениях [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFramelId=720148> (дата обращения: 20.10.2024).

введено изучение текстов Г. Бердымухамедова «К новым высотам прогресса», «Образование – счастье, благополучие, успех» и др.³. Это и другие обстоятельства подтверждают сугубо субъективный характер государственной политики в сфере высшего образования в Туркменистане, её прямую зависимость от личных предпочтений и личности главы государства.

В этот период количество вузов возросло до 24 (21 в столице), было восстановлено признание иностранных дипломов, полученных в вузах, входящих в утверждённый правительством список (при условии успешной сдачи экзаменов по обществузнанию и специальности по диплому на туркменском языке). Численность студентов на сегодняшний день точно неизвестна, т. к. с 2008 г. правительство Туркменистана не публикует эти сведения. Некоторое представление могут дать разрозненные сообщения о том, что в «2019–2020 учебном году вузы Туркменистана приняли 12242 абитуриента на бюджетные места, 8054 человека планировалось принять на платной основе»⁴, причём выпускников на тот момент насчитывалось 80 тыс.⁵; в 2022 г. в вузах России обучались более 40000 туркменских граждан⁶. Эти цифры указывают на устойчивую зависимость Туркменистана (которая стала уже исторической) от импорта высшего образования.

Пожалуй, наиболее значительной особенностью периода реформ под руководством Г. Бердымухамедова является вектор интернационализации, на что явственно указывает довольно много социально-политических событий. Так, в 2014 г. был открыт рассчитанный на 2500 студентов Международный университет гуманитарных наук и развития («национального бренда академического совершенства», как написано в промо-материалах этого заведения) – единственный вуз Туркмении,

³ Аман Э. Имя – забыть, а методы – помнить. В Туркменистане проводится ревизия идеологических символов // ЦентрАзия: [сайт]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1236495660#gsc.tab=0> (дата обращения: 31.03.2025).

⁴ В туркменских вузах начались вступительные экзамены [Электронный ресурс]. URL: <http://en.centralasia.news/4514-v-turkmenskih-vuzah-nachalis-vstupitelnye-jekzameny.html> (дата обращения: 28.10.2024).

⁵ Состоялись мероприятия по случаю окончания учебного года // CentralAsia.news: [сайт]. URL: <https://tdh.gov.tm/ru/post/22752/sostoyalis-meropriyatiya-posluchayu-okonchaniya-uchebnogo-goda> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Новый российско-туркменский университет укрепит двухсторонние отношения // CentralAsia.news: [сайт]. URL: <http://central-asia.media/15696-novyyj-rossijsko-turkmenskij-universitet-ukrepit-dvuhstoronnie-otnosheniya.html> (дата обращения: 20.10.2024).

выстроенный в соответствии с международными стандартами, согласно требованиям Болонского процесса (участником которого страна не является) и Европейской системы перевода и накопления баллов (ECTS), с обучением на английском языке, со штатными преподавателями, обученными за рубежом. Похоже, что на его создание повлиял опыт Казахстана по организации Назарбаев Университета.

В 2016 г. под эгидой ЕС началась реализация проекта «Содействие сфере образования Туркменистана», в рамках которого обновляются учебные материалы, внедряются новые образовательные методики, в систему образования вводятся международные стандарты⁷ [8].

Другим нововведением стала президентская инициатива 2019 г. по направлению профессоров и преподавателей вузов в командировки в Австрию, Китай, Южную Корею, Румынию, Японию для обмена опытом, особенно связанным с цифровизацией; также была поставлена задача ввести туркменские вузы в международные рейтинги и организации⁸. Тем самым наметились признаки академической мобильности преподавателей.

Кстати, тема цифровизации стала одной из главных в выступлениях главы государства, посвящённых высшему образованию. Одной из форм практической реализации этой установки можно считать работу, которую сейчас ведёт Министерство образования Туркменистана в сотрудничестве с ЮНИСЕФ по созданию информационной системы управления образованием (ИСУО) и соответствующего программного приложения, позволяющего автоматизировать сбор и анализ данных в сфере образования. Ещё одним мероприятием в этом направлении (как и продолжением интернационализации высшего образования) можно считать проект создания Российско-Туркменского университета, в котором планируется использование российской «Системы высшего образования онлайн»⁹. При этом в стороне

⁷ Проанализирована реализация проекта ЕС «Содействие сфере образования Туркменистана» // Туркменистан. Золотой век: [сайт]. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/35604/proanalizirovana-realizatsiya-proekta-es-sodeistvie-sfereobrazovaniya-turkmenistana> (дата обращения: 20.10.2024).

⁸ Сотрудничество с ведущими вузами мира: социально-экономический эффект // Туркменистан. Золотой век: [сайт]. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/33089/sotrudnichestvo-s-veduschimi-vuzami-mira-sotsialno-ekonomicheskii-effekt> (дата обращения: 20.10.2024).

⁹ Технологии Росдистанта найдут применение в Туркменистане // Председательство Таджикистана: [сайт]. URL: <https://e-cis.info/news/569/106504> (дата обращения: 20.10.2024).

остаётся работа над рисками, которые несёт в себе цифровизация [9; 10].

Укреплением вектора интернационализации можно считать и новую редакцию Закона Туркменистана от 5 июня 2021 г. «Об образовании». Его ст. 28 устанавливает два типа высшего образования: одноуровневое (специалитет, 5–6 лет) и двухуровневое – бакалавриат-магистратура (4 года и 2 года соответственно)¹⁰, что похоже на российскую практику. Возможно, опыт России вдохновил руководство Туркменистана и на создание системы государственной аккредитации вузов¹¹.

Установленный курс продолжает и третий президент страны, сын предыдущего президента С. Бердымухамедов. Под эгидой его стратегии «Возрождение новой эпохи программы могущественного государства: Национальный социально-экономический путь развития Туркменистана в 2022–2052 годах» в сообщениях СМИ постоянно указывается на то, что обеспечение высокого качества инновационного высшего образования в условиях цифровизации является одним из главных приоритетов государственной политики, заявляется о больших успехах и о президентских инициативах «по решению различных вопросов развития национальной системы образования», по организации «гарантированного трудоустройства выпускников высших и средних специальных учебных заведений», «по формированию правовой и нравственной культуры», по «выявлению талантливых учёных, деятелей культуры и искусства среди молодого поколения», по «развитию международного сотрудничества в сфере образования»¹².

Эти декларации реализуются на практике. Так, в 2022 г. в Мировом рейтинге университетов (The World University Rankings) появился Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана. Примерно тогда же Туркменский государ-

¹⁰ Закон Туркменистана об образовании (новая редакция) // Туркменистан. Золотой век: [сайт]. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/55027/zakon-turkmenistana-ob-obrazovanii-novaya-redakciya> (дата обращения: 20.10.2024).

¹¹ Образование // Министерство иностранных дел Туркменистана: [сайт]. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/8> (дата обращения: 20.10.2024).

¹² Новый уровень развития в системе образования Туркменистана // IIRMFА: [сайт]. URL: https://iirmfa.edu.tm/ru/sahypa/novyi-uroven-razvitiya-v-sisteme-obrazovaniya-turkmenistana_4148 (дата обращения: 20.10.2024); Наша главная задача – вырастить высокообразованное поколение истинных патриотов // Туркменистан. Золотой век: [сайт]. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/84325/nasha-glavnaya-zadacha-vyrastit-vysokoobrazovannoe-pokolenie-istinnyh-patriotov> (дата обращения: 20.10.2024).

ственный университет имени Махтумкули вошёл в интернет-путеводитель «Все Университеты Инфо» (All University Info). Ещё 4 вуза – Инженерно-технологический университет имени Огузхана, Государственный энергетический институт, Международный университет нефти и газа имени Я. Какаева и Международный университет гуманитарных наук и развития – также вошли в мировые рейтинги образовательных учреждений [2, с. 719].

В ходе реформ под началом Бердымухамедовых в Туркменистане сложились 5 типов вузов:

- государственный флагманский университет (крупнейший в стране Туркменский государственный университет, Ашхабад);

- крупные государственные специализированные университеты (созданные в советский период Аграрный университет и Медицинский университет, основанный в 2016 г. Университет инженерных технологий имени Огуз хана и др.);

- международные университеты (Международный университет гуманитарных наук и развития, Международный университет нефти и газа);

- небольшие специализированные институты (Национальный институт спорта и туризма Туркменистана (бывший Институт физической культуры), Туркменский национальный институт мировых языков (бывший Институт русского языка и литературы), Туркменский государственный институт транспорта и связи, Туркменский государственный институт финансов и др.);

- региональные институты (Педагогический институт имени Сейитназара Сейди (бывший Туркменский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина), Педагогический институт в г. Мары, Педагогический институт в г. Дашогуз) [11, с. 400].

В ходе опроса эксперты подтвердили наличие на втором этапе государственной политики в сфере высшего образования Туркменистана относительно устойчивого вектора на интернационализацию. Его оформление в стране, придерживающейся изоляционизма, можно объяснить острой нуждой в компетентных специалистах, владеющих новыми технологиями, прежде всего в промышленности, в особенности в её газодобывающем секторе, приносящем основной доход стране, в сельском хозяйстве, в IT.

Эксперты отметили, что, на первый взгляд, на протяжении всей политической истории, особенно современной, значительной проблемой Туркменистана является явная нехватка вузов (24 при населении порядка 6,5 млн чел.; для сравнения: в Казахстане с населением примерно в 3 раза больше вузов начитывается почти в 6 раз больше – 116 вузов на 19 млн казахстанцев), количество которых явно не соответствует потребностям местного населения в высшем образовании и численности абитуриентов, не соответствует задачам эффективного государственного и общественно-политического развития. Однако с учётом того, что государственная политика в сфере высшего образования формируется на основе личных предпочтений главы государства, которого вместе с его окружением, скорее всего, нельзя упрекнуть в каком-либо систематическом недосмотре, можно предположить, что для туркменской системы власти целесообразна именно такая компактная модель высшего образования, имеющего действительно элитарный характер.

Централизованный контроль над высшей школой малого масштаба позволяет использовать высшее образование как инструмент поощрения и укрепления политической лояльности избранных из числа бюрократии и предпринимателей среднего уровня (в рамках политического патронажа), дети которых представляют подавляющее большинство студентов туркменских вузов, обучающихся бесплатно¹³. Для чиновников и предпринимателей высшего уровня аналогичным поощрением является направление их детей на оплачиваемое из государственного бюджета обучение в вузы главным образом Соединённого Королевства и США, а также КНР (реже – стран Западной Европы).

Эксперты указали, что на втором этапе развития государственной политики в сфере высшего образования приверженного изоляционизму и весьма избирательного во внешних отношениях Туркменистана одновременно с интернационализацией прослеживается ориентация на приближение системы высшего образования к стандартам и реалиям Болонского процесса.

¹³ Небогатые туркменские семьи, не состоящие в патронажной сети и не имеющие возможности выполнить условия коррупционной схемы поступления, направляют детей на платное обучение преимущественно в региональные российские вузы Башкортостана и Татарстана.

По словам опрошенных экспертов, общей характеристикой исторических этапов развития государственной политики в сфере высшего образования в Туркменистане является (как и во всей социально-политической системе) высочайший уровень коррупции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторское исследование подтверждает прямую зависимость между политикой в сфере высшего образования и политическим курсом правящей группы Туркменистана, позволяет выделить два этапа в политической истории развития государственной политики в сфере высшего образования Туркменистана, особенности которых определяются личными предпочтениями президентов этой страны.

Первый этап приходится на период правления С. Ниязова в 1991–2006 гг. В его рамках сохраняются возникшие в советский период исключительно государственная и централизованная форма управления высшим образованием и чрезмерная концентрация вузов и студентов в столице, укрепляется выраженное несоответствие образовательных возможностей реальным потребностям граждан в высшем образовании, заметно уменьшается охват высшим образованием местного населения, усиливается элитарный характер высшего образования. Реформы этого этапа в рамках программы «Билим» подрывают и ослабляют высшую школу (численность студентов сокращается до 17000, хотя количество вузов возрастает до 16; срок обучения уменьшается до двух лет; значительная часть содержания образования заменяется изучением «Рухнамы»; ликвидируются аспирантура, заочное и вечерняя формы обучения и т. д.).

На втором этапе, с приходом к власти президента Г. Бердымухамедова (а затем и его сына С. Бердымухамедова), система высшего образования Туркменистана вновь была преобразована и оформилась в компактную модель, отвечающую целям и задачам правящей группы: восстановлены сроки обучения в вузах, повышены социальный статус и зарплаты преподавателей, намечено регулирование качества образования, возвращены аспирантура и заочное обучение, количество вузов возросло до 24, численность студентов увеличилась в разы, расширился импорт высшего образования. Пожалуй, ключе-

вой особенностью второго этапа стали относительно явные (особенно в сравнении с первым этапом) векторы интернационализации и ориентации на стандарты и принципы Болонского процесса (при сохраняющемся общем курсе изоляционизма и сверхизбирательности во внешних отношениях). Эти явления могут быть объяснены ответом на вызовы времени, попыткой снизить зависимость от России в сфере высшего образования, а также необходимостью посредством повышения качества и уровня инновационности высшего образования восполнить нехватку компетентных специалистов, владеющих новыми технологиями, в жизненно важных для страны отраслях (в газовой промышленности, сельском хозяйстве). Вместе с тем на втором этапе сохранились и укрепились негативные черты первого этапа: жёсткая централизация и закрытость.

Представляется, что в среднесрочной перспективе высшая школа Туркменистана не претерпит сколь-нибудь значительных изменений, число вузов вряд ли превысит 30, количество студентов сильно не превысит сегодняшних показателей, сохранятся жёсткая централизация, закрытость. Какая-либо сильная трансформация возможна только при смене правящей группы, что в текущих обстоятельствах выглядит маловероятным.

Авторские выводы являются лишь первым приближением к исследованию темы, поскольку опираются на мнение незначительного числа экспертов и малый объем данных в связи с изолированностью объекта исследования. Для решения этих проблем представляется необходимым собрать значительно больший массив информации и провести более глубокий её анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. №3. С. 54–64.
2. Бяшимов Ш. М. Реформирование высшего образование в Туркменистане // Вестник науки. 2024. №5. С. 717–720.
3. Водопьянова Е. Итоги постсоветской трансформации высшей школы // Современная Европа. 2020. №5. С. 132–141.

4. Литвинова Е. В. Развитие системы образования в Республике Туркменистан // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2014. №4. С. 85–93.
5. Народное хозяйство в СССР: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
6. Оразбердыев Д. Ч. Теория и практика обучения студентов в вузах Туркменистана // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2024. №1-2. С. 128–129.
7. Погорельская А. М. Эволюция системы высшего образования в Туркменистане на фоне современных образовательных трендов // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. №5. С. 150–160. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-150-16
8. Шукушева Е. В. Опыт сотрудничества Европейского Союза и стран Центральной Азии в сфере образования // Вестник Брянского государственного университета. 2021. №2. С. 139–149. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-139-149
9. Яковлев М. В. Даркнет и политическое // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. №3. С. 408–418.
10. Ahn E. S., Jensen A. Language Teaching in Turkmenistan: An Autoethnographic Journey // Language Change in Central Asia / ed. E. S. Ahn, J. Smagulova. Boston; Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 59–99.
11. Clement V., Kataeva Z. The Transformation of Higher Education in Turkmenistan: Continuity and Change // Huisman J., Smolentseva A., Froumin I. 25 years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity. New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 387–406.

ARTICLE INFORMATION

Author

Emil R. Burangulov

- e-mail: burangulovemil@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof.,
Department of Social and Political Communications,
Ufa State Petroleum Technological University
ul. Kosmonavtov 1, Republic of Bashkortostan, Ufa 450064,
Russian Federation

For citation

Burangulov, E. R. (2025). The State's Approach to Higher Education in Turkmenistan: Comparative Historical Analysis of the Development Stages. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the specific details of the historical stages of Turkmenistan's state strategy for reforming higher education.

Methodology. The author has conducted a qualitative analysis of regulatory legal acts and statistical data and conducted an expert survey.

Results. The two stages have been distinguished in the history of the development of state policy in the sphere of higher education in Turkmenistan. Their features are determined by the personal preferences of the presidents. The first stage is the period of S. Niyazov's power in 1991–2006 which is characterized by the strengthening of negative features that developed in the late Soviet period: strict centralization, closed nature of higher education for most citizens, which occur against the background of a general decline. The second stage is the period of G. Berdimuhamedov and his son S. Berdimuhamedov's power; it is characterized by a relative rise of higher education, its formation into a compact model that meets the interests of the ruling group, as well as the formation of a relatively clear course towards internationalization and orientation towards the standards and principles of the Bologna process. At the same time, strict centralization and closed nature of higher education remain.

Research implications consist in conceptual generalization of new data on higher education in Turkmenistan, recommendations for optimizing

higher education in Turkmenistan, and the author's forecast for the further development of the higher education system in Turkmenistan.

Keywords

higher education, higher school, university, state policy, modernization of higher education, optimization of higher education, Turkmenistan, higher education reform, university

References

1. Abramov, A. V. & Alekseev, R. A. (2023). On Assessing the Transformation Trajectories of Post-Soviet Political Systems. In: *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 28, 3, 54–64 (in Russ.).
2. Byashimov, Sh. M. (2024). Reforming Higher Education in Turkmenistan. In: *Bulletin of Science*, 5, 717–720 (in Russ.).
3. Vodopyanova, E. (2020). Results of the Post-Soviet Transformation of Higher Education. In: *Contemporary Europe*, 5, 132–141 (in Russ.).
4. Litvinova, E. V. (2014). Development of the Education System in the Republic of Turkmenistan. In: *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 4, 85–93 (in Russ.).
5. *National Economy in the USSR: Statistical Yearbook*. (1991). Moscow: Finansy i statistika publ. (in Russ.).
6. Orazberdiyev, D. Ch. (2024). Theory and Practice of Student Teaching in Universities of Turkmenistan. In: *Innovation Science*, 1–2, 128–129 (in Russ.).
7. Pogorelskaya, A. M. (2021). Higher Education System Evolution in Turkmenistan Against the Background of Modern Educational Trends. In: *Higher Education in Russia*, 30 (5), 150–160. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-150-16 (in Russ.).
8. Shukusheva, E. V. (2021). Experience of Cooperation between the European Union and Central Asian Countries in Education Field. In: *Vestnik of Bryansk State University*, 2, 139–149. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-139-149 (in Russ.).
9. Yakovlev, M. V. (2022). Darknet and the Political Thing. In: *RUDN Journal of Political Science*, 3, 408–418 (in Russ.).
10. Ahn, E. S. & Jensen, A. (2016). Language Teaching in Turkmenistan: An Autoethnographic Journey. In: Ahn E. S., Smagulova J., eds. *Language Change in Central Asia*. Boston; Berlin: Mouton de Gruyter.
11. Clement, V. & Kataeva, Z. (2018). The Transformation of Higher Education in Turkmenistan: Continuity and Change. In: Huisman, J., Smolentseva, A. & Froumin, I. *25 years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity*. New York: Palgrave Macmillan.

УДК 321.019

ТРАДИЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО VS ТЕХНОЛОГИИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Володенков Сергей Владимирович

- e-mail: s.v.cyber@gmail.com;
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
государственной политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4.,
Российская Федерация

Для цитирования

Володенков С. В. Традиционное государство vs технологии децентрализации: особенности идеологических трансформаций в цифровую эпоху // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 15.04.2025
- Статья размещена на сайте 14.09.2025

СТРУКТУРА

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Цифровая децентрализация: ключевые принципы

Основные идеологии цифровой децентрализации

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить идеологическую природу цифровой децентрализации как системного вызова традиционному государственному суверенитету и определить риски для современного государства в условиях технологической трансформации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ ключевых идеологий цифровой децентрализации (криптоанархизм, киберсиндикализм, шифропанкизм), их технологических оснований и практик реализации. Осуществлён сравнительный анализ программных манифестов криптоанархистов и шифропанков (Т. Мэй, Э. Хьюз), обобщён опыт эволюции децентрализованных движений.

Результаты. Проведённый анализ показал, что синтез технологий и внесистемных идеологий формирует параллельные системы управления, подрывающие монополию государства на регулирование финансов, информации и права, а также на осуществление власти. Установлено, что угрозы для современного государства включают: эрозию доверия к институтам власти, использование децентрализованных цифровых ресурсов для протестной мобилизации, обход санкций через криптовалюты, а также рост числа регистраций граждан в виртуальных юрисдикциях, не подчиняющихся национальному праву.

Теоретическая и практическая значимость. Сформулированы предложения по адаптации государственного управления: переход от запрета технологий к диалогу с IT-сообществом и разработке превентивных мер. Введена авторская трактовка цифровой децентрализации как «инженерной автократии», где власть алгоритмов заменяет политико-правовые механизмы. Актуализирована проблематика государственного суверенитета в контексте конкуренции с децентрализованными антисистемами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственный суверенитет, децентрализованные автономные организации, идеологии цифровой децентрализации, цифровые технологии

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях глобального проникновения цифровых информационно-коммуникационных технологий в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества,

включая общественно-политическую, экономическую и иные, формируются широкие возможности по формированию и использованию новых цифровых форматов взаимодействия между людьми, сообществами, институтами. Цифровые трансформации существенным образом влияют и на процессы государственного управления, формируя целый спектр рисков, угроз и вызовов, стоящих перед традиционными институтами власти. Рост влияния технологий блокчейн, криптовалют и децентрализованных сетей порождает новые формы социальной, экономической и политической самоорганизации, которые всё чаще существуют вне зоны контроля, надзора и регулирования национальных правительств.

При этом технологические изменения во многом сопряжены с формированием и эволюцией соответствующих идеологий нового типа. В нашем случае речь идёт об идеологиях цифровой децентрализации – совокупности концепций, продвигающих идею замены централизованных систем управления и социально-экономического, а также общественно-политического взаимодействия распределёнными ресурсами, механиками, технологиями и алгоритмами, а государственных границ – виртуальными сообществами. Для России, укрепляющей цифровой суверенитет в условиях глобальной турбулентности, понимание данных тенденций становится не просто актуальным, а стратегически необходимым для заблаговременного предотвращения тех угроз, рисков и вызовов, которые могут нести идеологические течения цифровой децентрализации, а также успешной адаптации традиционных институтов власти в России к неизбежным технологическим изменениям и существованию внесистемных идеологий нового типа.

По сути, сегодня мы можем констатировать нарастающую конкуренцию между традиционными системами власти и технологическими децентрализованными антисистемами, базирующимися на соответствующих идеологиях децентрализации. При этом отличительной особенностью данного типа конкуренции является его невидимость в силу использования для распространения идей децентрализации соответствующей цифровой инфраструктуры, не всегда видимой для профильных служб и ведомств, занимающихся мониторингом информационно-коммуникационной активности в цифровом пространстве.

Такую цифровую инфраструктуру составляет значительное число ресурсов, платформ, цифровых сервисов, функционирующих на основе принципа децентрализации.

Всё большее внимание привлекают к себе децентрализованные автономные организации (DAO), существующие в такой организационной форме, при которой координация деятельности участников и управление ресурсами происходят в соответствии с заранее согласованным и формализованным набором правил, контроль за соблюдением которых выполняется автоматически. Это организации, управляемые кодом, где участники (держатели токенов) голосуют за изменения в протоколе. Здесь нет CEO или совета директоров, даже создатели DAO не могут в одностороннем порядке изменить правила. Решения в DAO принимаются общим одноуровневым голосованием анонимных участников сети. Рост популярности DAO формирует запрос на «горизонтальное управление», что противоречит традиционной вертикали власти. Очевидно, что формат самоорганизации граждан в DAO может быть применён и к общественно-политической сфере в рамках создания децентрализованных общественных организаций и политических партий. Однако при этом точный правовой статус такого метода таких организаций на сегодняшний день во многом не определён [12].

ЦИФРОВАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ

Стремительное развитие децентрализованных технологий уже сегодня ставит вопрос: *сможет ли государство остаться главным актором в цифровом мире или уступит место неподконтрольным децентрализованным алгоритмам и анонимным сообществам?*

И этот вопрос появился не сегодня. Потенциалу политического влияния цифровых трансформаций в аспекте формирования децентрализованных систем и идеологий посвящён значительный спектр работ, в которых анализируются различные аспекты цифровой децентрализации [1; 2; 6; 10; 13; 15; 16; 21; 22].

Ключевая проблема в данном аспекте видится нам в том, что цифровая децентрализация представляет собой синтез технологических инноваций и идеологических установок, направленных на перераспределение власти от традиционных

институтов к распределённым сетям. В её основе лежит принцип устранения посредников – будь то государство, корпорации или финансовые системы – и замены их алгоритмами, протоколами и самоорганизующимися сообществами. Эта парадигма опирается на три столпа:

- *технологический* – использование инструментов, обеспечивающих децентрализацию (блокчейн, P2P-сети, криптография);
- *философский* – стремление к свободе от принуждения, анонимности и коллективному самоуправлению;
- *практический* – создание альтернативных систем, конкурирующих с государственными (криптовалюты, цифровые юрисдикции).

Цифровая децентрализация – это, по сути, комплекс идей и практика их реализации, которые направлены на трансформацию традиционных вертикальных иерархий в горизонтальные сети, где власть распределяется между участниками на основе алгоритмических правил. Её суть можно выразить через следующие принципы:

- *отсутствие централизованного контроля*: управление осуществляется через консенсус участников, а не решения единого органа;
- *прозрачность*: все действия публичны и верифицируемы, но при этом анонимны или псевдоанонимны. Это создаёт парадокс: система одновременно открыта для аудита и защищена от идентификации участников;
- *самоуправление*: правила взаимодействия кодируются в протоколы (смарт-контракты), что минимизирует человеческий фактор, автоматизируя принятие решений через голосование токенохолдеров;
- *устойчивость к цензуре*: децентрализованные сети, такие как IPFS или Tor, невозможно остановить, отключив один сервер, что делает их инструментом обхода государственных ограничений.

Очевидным для нас является то обстоятельство, что сами по себе технологии цифровой децентрализации являются лишь инструментом. Без соответствующего идеологического базиса сами по себе они не представляют какой-либо угрозы традиционным государственным системам. Однако на протяжении всей истории развития человечества угрозу любым без исключения системам управления (религиозным, государ-

ственным, экономическим, социальным) всегда представляли внесистемные идеологии. Будучи подкреплёнными соответствующими технологиями, такого рода идеологии приобретают дополнительный потенциал своего существования, развития и влияния, что мы и можем видеть в случае с идеологиями цифровой децентрализации, которые по своему определению являются внесистемными и способными оказывать значимое давление на традиционные системы управления, включая государственные.

Иными словами, в отличие от классических инструментов и идеологий, технологии цифровой децентрализации не являются нейтральными, но становятся своего рода фундаментом и «бустером» развития соответствующих внесистемных идеологий, а также мультипликаторами потенциала их влияния на массовое сознание. Определение связи между идеологией и технологиями помогает нам увидеть в децентрализации не абстракцию, а реальный механизм, который уже меняет правила игры в современной политике.

Цифровая децентрализация, воплощаясь в альтернативных политических, правовых, экономических и социальных системах, создаёт многоуровневые вызовы для государственного суверенитета. Эти угрозы носят не гипотетический, а вполне осязаемый характер, что подтверждается кейсами как из мировой, так и из отечественной практики. Например, сегодня мы можем наблюдать *эрозию доверия к традиционным «вертикальным» институтам* – идеология «код вместо закона» подрывает авторитет государства.

Децентрализованные медиа (Mastodon, Mirror.xyz) и мессенджеры (Telegram, Session) также активно используются для координации протестов. Так, жёлтые жилеты во Франции (2018 г.) и акции 2020 г. в Беларуси показали, как такие инструменты позволяют обходить государственную цензуру. Распространение дезинформации в Web 3.0, включая использование нейросетей и дипфейк-технологий, работающих на блокчейне, значительно усложняет контроль за распространением фейков, в том числе экстремистского и радикального характера, со стороны профильных государственных служб, что представляет собой ещё один значимый вызов. Криптовалюты (Bitcoin, Монепо и др.) позволяют обходить государственный контроль над финансовыми потоками, в том числе и в рамках противо-

действия финансированию внесистемной оппозиции, радикальных, экстремистских и террористических организаций.

В свою очередь, децентрализованные автономные организации (DAO) уже сегодня предпринимают попытки формирования альтернативных правовых систем. Как минимум в рамках цифровой децентрализации роль государства сводится к роли «одного из участников», а не регулятора. Как максимум государство исключается из числа участников взаимодействий, становится врагом.

Таким образом, для России, сталкивающейся с внешним давлением и внутренними вызовами цифровизации, их анализ становится основой для выработки превентивных мер.

Следует отметить, что, по нашему мнению, угрозы цифровой децентрализации носят системный характер, затрагивая все уровни государственности: от монополии на эмиссию денег до контроля над информационным пространством. Для России ключевая опасность заключается в том, что децентрализованные системы могут стать инструментом внешнего вмешательства (например, финансирование оппозиции) и внутренней дестабилизации. Игнорирование такого рода вызовов способно превратить цифровые технологии из инструмента развития в оружие против государственного суверенитета.

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ ЦИФРОВОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Отметим, что на сегодняшний день существует целый спектр идеологических течений, которые относятся к концепции цифровой децентрализации. Мы рассмотрим лишь ключевые из них.

В первую очередь следует обратить внимание на такое течение, как **криптоанархизм**. Истоки криптоанархизма связаны с движением киберпанка 1980-х гг., в рамках которого технологии рассматривались как средство сопротивления тоталитаризму. Это идеологическое течение зародилось в 1980-х гг. с публикацией «Криптоанархистского манифеста» Т. Мэя, который утверждал, что криптография и распределённые сети способны уничтожить государственный контроль над личностью [3, с. 107–109]. В манифесте был введён термин «криптоанархизм», а также объявлен призыв к созданию полностью анонимных цифровых сообществ на базе шифрования для

«освобождения информации от всякой власти». Ключевым же тезисом манифеста стало положение о том, что криптография выступает орудием освобождения от государственного надзора («government cannot control what it cannot see»). Таким образом, криптоанархисты рассматривают государство как угрозу свободе, а технологии – как оружие сопротивления. Их лозунг «Код – закон» отражает веру в то, что алгоритмы могут заменить правовые системы.

Криптоанархизм представляет собой синтез анархистской философии и криптографических технологий, направленный на создание децентрализованных систем, минимизирующих роль государственного контроля и максимизирующих индивидуальную свободу. Криптоанархизм как идеология возник на стыке цифровой революции конца XX в. и традиций классического анархизма. Его ключевая парадигма заключается в использовании криптографии и распределённых технологий для обеспечения приватности, автономии и сопротивления централизованным структурам власти. В отличие от традиционного анархизма, акцентирующего коллективное действие, криптоанархизм фокусируется на технологиях как инструменте эмансипации индивида. Философски криптоанархизм наследует традиции индивидуалистического анархизма и либертарианства, акцентируя неприкосновенность личной свободы и добровольность социальных взаимодействий.

Основной постулат криптоанархизма – использование сильной криптографии как инструмента освобождения личности от государственного и корпоративного надзора. Это выражается в следующих аспектах:

- *приватность как фундаментальная ценность*: защита личных данных через шифрование рассматривается как средство противостояния тотальному контролю;

- *децентрализация власти*: отказ от централизованных институтов (государств, банков) в пользу распределённых сетей, где управление осуществляется через алгоритмы и смарт-контракты;

- *цифровая автономия*: криптоанархисты выступают за создание независимых экономических и социальных экосистем, свободных от регуляторных ограничений.

Наиболее заметным достижением криптоанархизма стало создание децентрализованных финансов (DeFi), которые исключают посредников в финансовых операциях за счёт блок-

чейн-технологий. Примером служит «биткоин» – криптовалюта, чей протокол заложил основы для реализации идеи «денег без государства». Кроме того, развитие инфраструктур на основе блокчейна (например, платформы для анонимных сделок или децентрализованные социальные сети) демонстрирует стремление криптоанархистов к практической реализации своих принципов. Так, идеология криптоанархизма стала основой блокчейн-движения, а крайние анархистские идеи приобрели дополнительную популярность и массовый характер в цифровом пространстве в условиях появления криптовалют и DeFi¹ [20].

Мы можем сделать вывод, что криптоанархизм представляет собой уникальный синтез технологического прогресса и радикальной политической мысли. Его сила – в предложении альтернатив иерархическим системам, а слабость – в недооценке сложности социальной координации без доверия. В условиях глобального развития цифровых технологий криптоанархизм выступает как одно из наиболее радикальных течений, стремящихся переосмыслить отношения власти, приватности и децентрализации в цифровом пространстве.

На наш взгляд, криптоанархизм представляет собой значимую идеологическую парадигму в условиях цифровой трансформации, предлагающую альтернативу централизованным моделям управления. Его принципы – защита приватности, децентрализация и цифровая автономия – оказывают влияние не только на криптосообщества, но и на широкие дискуссии о будущем демократии и суверенитете в цифровом мире. При этом сегодня мы можем наблюдать определённую близость трансформирующихся идей современных криптоанархистов (особенно биткоин-сообщества) к ультралибертарианству и правому анархизму [11], что порождает и потенциал соответствующих социально-политических сценариев эволюции современного общества.

Ещё одним идеологическим течением цифровой децентрализации является **киберсиндикализм** как современная версия анархо-синдикализма, где цифровые кооперативы (например, платформы типа LBRY или Mastodon) конкурируют с централизованными корпорациями (YouTube, Twitter). Цель сторонников данной идеологии – построение экономики, управляемой работниками и пользователями, а не акционерами, создание

¹ Децентрализованные финансовые сервисы – *прим. ред.*

самоуправляемых сообществ, где экономические и социальные процессы контролируются коллективами через блокчейн, децентрализованные автономные организации (DAO) и другие инструменты Web3. Неслучайно ещё М. Кастельс почти четверть века назад пророчески отмечал, что интернет трансформирует традиционные формы самоорганизации и становится «рабочим инструментом» массовых движений, включая синдикалистские практики [7].

Киберсиндикализм берёт начало в анархосиндикалистских движениях XX в., которые выступали за упразднение иерархических структур власти через организацию рабочих в независимые профсоюзы («синдикаты»), управляющие производством коллективно. Современная версия идеологии возникла как ответ на цифровизацию труда и рост влияния технологических корпораций, монополизирующих данные, алгоритмы и платформенную инфраструктуру, и представляет собой идеологическое течение, основанное на синтезе коллективизма и технологической автономии и объединяющее принципы классического анархосиндикализма и коллективного самоуправления с технологиями цифровой децентрализации. Киберсиндикализм возник на пересечении двух векторов: традиций рабочего движения, выступавшего за коллективное управление производством (синдикализм), и технологической революции, предлагающей инструменты для децентрализации власти (блокчейн, DAO, DeFi). В отличие от классического синдикализма, акцентирующего профсоюзную организацию труда, киберсиндикализм фокусируется на цифровых платформах как средстве эмансипации от государственных и корпоративных структур. Его ключевая парадигма – замена вертикальных иерархий горизонтальными сетями, где решения принимаются консенсусом участников, а ресурсы распределяются через алгоритмические механизмы.

Идеи коллективного управления, лежащие в основе киберсиндикализма, восходят к теориям Прудона и Бакунина, критиковавших централизацию власти. Однако технологический поворот связан с проектами XX–XXI вв., такими как советская ОГАС – попытка создать кибернетическую систему управления экономикой, которая должна была обеспечить прозрачность и децентрализацию планирования. Несмотря на провал ОГАС из-за бюрократического сопротивления, её принципы – устранение посредников, автоматизация управления – стали

прообразом современных DAO. Философски киберсиндикализм наследует критику капитализма, связанную с неспособностью рыночных систем решать глобальные задачи из-за примата прибыли. Однако вместо возврата к плановой экономике киберсиндикалисты предлагают альтернативу: гибридную модель, где алгоритмы заменяют бюрократию, а смарт-контракты гарантируют соблюдение правил без принуждения.

Мы можем выделить три основных столпа цифровой децентрализации, на которые опирается киберсиндикализм:

- *DAO (децентрализованные автономные организации)* – структуры, управляемые через голосование токенохолдеров. DAO устраняют необходимость в менеджменте, передавая контроль участникам сети. Например, платформы вроде Decima позволяют создавать организации с автоматизированными правилами, где вознаграждение распределяется пропорционально вкладу;

- *DeFi (децентрализованные финансы)* – системы, исключая банки-посредники. Кредитование, страхование и инвестиции осуществляются через смарт-контракты, что соответствует синдикалистскому идеалу рабочего контроля над капиталом;

- *систейдинг* (проживание в свободных сообществах вне юрисдикции какой-либо конкретной страны) и *распределённые сообщества* – проекты вроде «плавающих городов» П. Фридмана, где юрисдикции конкурируют за граждан, предлагая лучшие условия. Это воплощает идею децентрализации власти через технологическую мобильность.

Данные инструменты создают инфраструктуру для «антихрупких» экономик, устойчивых к кризисам. Например, DAO-протоколы в DeFi демонстрируют способность функционировать даже при банкротстве централизованных институтов.

По сути, киберсиндикализм предлагает радикальную альтернативу как капитализму, так и государственному социализму, переводя идеи коллективизма в цифровую плоскость. Его сила заключается в способности создавать устойчивые к кризисам системы, однако успех зависит от решения проблем регуляции, масштабируемости и включения маргинализированных групп.

В условиях роста платформенной экономики и алгоритмического контроля над трудом эта идеология предлагает альтернативу централизованным корпоративным структурам, ос-

нованную на децентрализованных сетях, рабочей автономии и технологической демократизации.

Современные примеры реализации киберсиндикалистских идей включают в себя: DAO-кооперативы (например, *Patreon DAO* или *Mirror.xyz*), где участники коллективно управляют проектами и распределяют доходы; платформы для гиг-работников, такие как *Upala* или *Fairbnb*, которые используют блокчейн для обеспечения прозрачности выплат и исключения посредников; техно-профсоюзы, как *Tech Workers Coalition*, сочетающие традиционные методы синдикализма (забастовки, коллективные переговоры) с цифровыми инструментами организации, включая анонимные чаты на основе шифрования и децентрализованные реестры жалоб.

Анализ актуальной практики демонстрирует, что сегодня децентрализованные платформы могут успешно выступать в качестве значимых «цифровых синдикатов», где работники могут кооперироваться и создавать децентрализованные профсоюзы, обеспечивающие децентрализованную профсоюзную мобильность для работников. Анализ методов коллективного действия в онлайн показывает, что сетевая организация во многом содержательно напоминает синдикализм начала XX в., но без централизации профсоюзов, которые становятся децентрализованными при помощи современных цифровых технологий [19]. Примечательно, что исследование сообществ в сети как «виртуальных профсоюзов» показывает, что сетевые сообщества осознают себя коллективом с общими интересами, что во многом определяет серьёзный потенциал идеологии киберсиндикализма [18].

Киберсиндикалистские проекты демонстрируют сегодня попытки переосмыслить отношения труда и капитала в условиях цифровой экономики, при этом сталкиваясь с вызовами масштабируемости и регуляторного давления.

Таким образом, мы можем заключить, что киберсиндикализм предстает как актуальная идеологическая модель, сочетающая анархосиндикалистские ценности с цифровыми технологиями для борьбы с капиталистической эксплуатацией в сетевой экономике. Его принципы децентрализации, коллективного управления и технологической демократизации предлагают альтернативу платформенному капитализму, однако требуют дальнейшей разработки в части устойчивости к регуляторным и техническим вызовам. В условиях роста цифровой

рабочей бедности и алгоритмического контроля киберсиндикализм может стать ключевым элементом современных левых движений, ориентированных на справедливое будущее труда.

Ещё одним идеологическим течением цифровой децентрализации, заслуживающим нашего внимания, является **шифропанкизм**. Шифропанкизм – идеологическое течение, возникшее в конце XX в. на стыке криптографии, компьютерных технологий и активизма, направленное на защиту приватности, децентрализацию власти и противодействие государственному надзору. Он оформился в 1980–1990-х гг. как ответ на растущую цифровизацию общества и усиление государственного и корпоративного контроля над информационными потоками. Его ключевая доктрина, выраженная в «Манифесте шифропанка» [4, с. 129–131], утверждает, что приватность и анонимность должны быть защищены не законами, а криптографическими алгоритмами. В отличие от криптоанархизма, акцентирующего полный отказ от государственных институтов, шифропанкизм фокусируется на технологическом сопротивлении, создании инструментов для массового использования, что делает его более прагматичным и адаптивным течением.

Истоки шифропанкизма связаны с движением хакеров и киберпанков, выступавших против цензуры и тотального контроля. Философски течение опирается на либертарианские идеи (Мильтон Фридман, Фридрих Хайек), подчёркивающие приоритет индивидуальной свободы, на концепцию «права на шифрование» как фундаментального права человека Сола Вайсса [17, р. 189], а также на критику «паноптикума цифровой эпохи» [23, р. 470–471], где сбор данных корпорациями и государствами превращается в инструмент подавления.

Что примечательно, шифропанкизм *отвергает пассивность*, утверждая, что технологии должны служить инструментом освобождения, а не угнетения. Его сторонники, включая Дж. Асанжа, Дж. Аппельбаума, Э. Мюллера, М. и Й. Циммерманнов, Б. Коэна, подчёркивают, что «в условиях массовой слежки шифрование становится актом гражданского неповиновения» [5, р. 45].

Мы можем выделить основные постулаты, на которых базируется современный шифропанкизм:

– *приватность как политический акт*: шифрование информации рассматривается как средство удаления данных из госу-

дарственного контроля, что позволяет индивиду сохранять автономию;

- *децентрализация власти*: отказ от иерархических структур через создание распределённых сетей, где управление осуществляется алгоритмами, а не бюрократией;

- *технологическая независимость*: движение подчёркивает необходимость открытых протоколов и открытого исходного кода для предотвращения монополизации технологий.

Следует заметить, что шифропанкизм оказал значительное влияние на современные цифровые экосистемы и остаётся одним из наиболее влиятельных идеологических течений цифровой эпохи, предлагая инструменты для защиты свободы в условиях тотальной слежки и представляя собой идеологическое течение, основанное на использовании криптографии и децентрализованных технологий для защиты личной свободы и борьбы с государственным и корпоративным контролем.

Шифропанки оказали решающее влияние на развитие цифровых технологий. Идеи движения легли в основу «биткойна». Децентрализованный характер криптовалюты исключает необходимость банков и правительств в финансовых операциях. Блокчейн-инфраструктуры и технологии распределённых реестров, разработанные шифропанками, стали основой для децентрализованных финансов (DeFi) и автономных организаций (DAO). Протоколы анонимных коммуникаций, такие как Tor, и системы шифрования данных (например, PGP) стали массовыми благодаря усилиям движения.

В целом шифропанкизм сыграл ключевую роль в формировании цифровой децентрализации, предложив модель общества, где технологии обеспечивают свободу и автономию. Его принципы приватности, децентрализации и открытости остаются актуальными в условиях роста алгоритмического контроля. По сути, шифропанкизм заложил определённые философские предпосылки деконструкции традиционной централизованной власти, рассматриваясь рядом учёных в качестве самостоятельного субъекта потоков информации в цифровом пространстве [9].

Помимо рассмотренных нами трёх ключевых идеологических течений цифровой децентрализации, также необходимо обозначить появление и других, пока что менее распространённых и популярных альтернативных идеологических концепций. Так, **концепции блокчейн-государства** и **концепции виртуаль-**

ных наций, таких как Bitnation или Liberland, предлагают альтернативу традиционному гражданству. Их граждане используют блокчейн для регистрации браков, подписания контрактов и даже разрешения споров через децентрализованные суды. В основу данной концепции положена идея государства как SaaS (State-as-a-Service), где юрисдикция выбирается, как приложение. Блокчейн-государства формируют альтернативные юрисдикции и предлагают виртуальное гражданство, подрывая легитимность национальных паспортов и национальных органов власти в целом. А децентрализованные суды (Kleros) разрешают споры через алгоритмы, что ставит под вопрос роль государственной судебной системы. Показательно, что в 2021 г. более 10 тыс. россиян зарегистрировались в подобных системах, стремясь избежать налогов и бюрократии. Как отмечает Лоуренс Лессиг, роль закона в «цифровых юрисдикциях» выполняет код (code is law) [14]. Код превращается в действенный эквивалент правовых норм, регулируя поведение пользователей, обеспечивая санкции (например, автоматическое исполнение условий smart contracts), и тем самым становится *де-факто* «инфраструктурной конституцией», приводя к реальным нормативным и организационным последствиям [8], а также претендуя на статус автономного законодателя, подчинение которому обеспечивается через алгоритмы и цифровую архитектуру, в рамках которой исключаются альтернативные модели и навязывается инфраструктурный порядок.

Следует заметить, что мы допускаем не только рост популярности подобных концепций, но и появление новых идеологических течений цифровой децентрализации. При этом все они по своей сути являются *внесистемными*, отрицающими роль государства и его традиционных институтов в регулировании ключевых сфер жизнедеятельности человека и общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам рассмотрения актуальной ситуации, связанной с интенсивным развитием и проникновением в ключевые сферы жизнедеятельности общества цифровых распределённых технологий, мы можем констатировать, что цифровая децентрализация – не просто технологический тренд, а идеологический вызов, переопределяющий понятия суверенитета, граждан-

ства и управления. Её сторонники стремятся к миру, где власть принадлежит алгоритмам и сообществам, а не государствам. Для государств, включая Россию, понимание этих основ критически важно – только так можно выработать стратегию, которая не подавит инновации, но и не позволит им разрушить традиционные институты.

Цифровая децентрализация перестала быть утопией технологических энтузиастов – она стала реальностью, которая перекраивает ландшафт глобальной власти. Как демонстрирует анализ текущей ситуации, её идеологии – от криптоанархизма до блокчейн-государств – бросают беспрецедентный вызов традиционным институтам, подрывая монополию на регулирование финансов, права и информации. Децентрализованные технологии создают параллельные системы управления, снижая способность государства контролировать экономические потоки, информационное пространство и правопорядок. Санкционные обходы через криптовалюты, самоорганизующиеся протесты в Telegram и «теневые юрисдикции» DAO – это не футурологические сценарии, а текущая реальность. Кроме того, цифровая децентрализация усиливает социальные риски: от роста киберпреступности до эрозии доверия к традиционным институтам власти, особенно среди молодёжи, подавляющая часть которой является активными пользователями цифровых технологий.

Современные децентрализованные практики по своей сути формируют политико-технологические процессы превращения инструментов децентрализации в нормативную архитектуру власти, задающую формы социального порядка без необходимости внешнего регулирования. Это явление радикально трансформирует саму природу управления, заменяя политико-правовую дискуссию инженерным решением, где власть закрепляется через архитектуру алгоритмического протокола. Технология может становиться не просто средством, а носителем нормативной власти, что определяет сценарии сдвига от традиционной политической легитимации к моделям инженерной автократии, в которой власть кода заменяет власть закона.

Для России, находящейся в эпицентре геополитических и технологических трансформаций, подобные вызовы приобретают особую остроту. Однако при этом, на наш взгляд, будущее государств в цифровую эпоху всё же зависит не от их способности запрещать, а от умения адаптироваться. Россия, облада-

ющая уникальным опытом балансирования между традицией и модернизацией, может стать лидером в построении новой модели управления – где технологии служат государству, а не растворяют его в децентрализованных сетях. Однако это потребует не только политической воли, но и готовности к диалогу с технологическим сообществом. Время для такого диалога наступило.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брехов Г. С. Кriptoанархизм: идеология блокчейн-технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №3. С. 393–407. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407
2. Ладлоу П. Новые основания: возникновение суверенных кибергосударств и их властных структур // Ладлоу П. Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра.Культура, 2005. С. 27–60.
3. Мэй Т. Кriptoанархистский манифест // Ладлоу П. Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра.Культура, 2005. С. 107–109.
4. Хьюз Э. Манифест шифропанка // Ладлоу П. Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра.Культура, 2005. С. 129–131.
5. Assange J., Appelbaum J., Müller-Maguhn A., et al. Cypherpunks: Freedom and the Future of the Internet. New York: OR Books, 2012. 192 p.
6. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006. 656 p.
7. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2001. 456 p.
8. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. 306 p.
9. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. New York: Viking Press, 1977. 400 p.
10. Galloway A. R. Protocol: How Control Exists after Decentralization. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 176 p.
11. Golumbia D. The Politics of Bitcoin: Software as Right-Wing Extremism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. 100 p.

12. Grant D. M., Kirby E. M., Hawkins S. Decentralized Autonomous Organizations: To Statutorily Organize or Not? [Электронный ресурс] // Wyoming Law Review. 2024. Vol. 24. No. 1. URL: <https://scholarship.law.uwyo.edu/wlr/vol24/iss1/2> (дата обращения: 08.04.2025).
13. Jordan T. Cyberpower: The Culture and Politics of Cyberspace and the Internet. London: Routledge, 1999. 254 p.
14. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999. 297 p.
15. Levy S. Crypto: How the Code Rebels Beat the Government-Saving Privacy in the Digital Age. New York: Viking Press, 2001. 352 p.
16. Nardelli P.H.J., Silva P.E.G., Siljak H., et al. Cyber-Physical Decentralized Planning for Communizing // Journal of Social and Political Sciences. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 45–59. DOI: 10.1177/10245294231213141
17. Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge: MIT Press, 2016. 312 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262034180.001.0001
18. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993. 384 p.
19. Shirky C. Here Comes Everybody: How Change Happens When People Come Together. New York: Penguin Press, 2008. 400 p.
20. Vigna P., Casey M. J. The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money Are Challenging the Global Economic Order. New York: St. Martin's Press, 2015. 304 p.
21. West S. M. Survival of the Cryptic: Tracing Technological Imaginaries across Ideologies, Infrastructures, and Community Practices // New Media & Society. 2022. Vol. 24. No. 6. P. 1001–1020. DOI: 10.1177/1461444820983017
22. Zhuk A. Crypto-anarchy: a paradigm shift for society and the legal system // Journal of Computer Virology and Hacking Techniques. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 697–723. DOI: 10.1007/s11416-024-00525-1
23. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Sergey V. Volodenkov

- e-mail: s.v.cyber@gmail.com,
Dr. Sci. (Politology), Prof., Department of State Policy,
Faculty of Political Sciences,
Lomonosov Moscow State University
prosp. Lomonosovsky 27 4, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Volodenkov S. V. Traditional State and Decentralization Technologies: Features of Ideological Transformations in the Digital Era. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reveal the ideological nature of digital decentralization as a systemic challenge to traditional state sovereignty and to identify risks for modern states amid technological transformation.

Methodology. The core of the study comprises an analysis of key digital decentralization ideologies (crypto-anarchism, cyber-syndicalism, cypherpunk), their technological foundations, and implementation practices. A comparative analysis of foundational manifestos by crypto-anarchists and cypherpunks (T. May, E. Hughes) was conducted, and the evolution of decentralized movements was synthesized.

Results. The analysis demonstrated that the synergy of technologies and extra-systemic ideologies creates parallel governance systems undermining the state's monopoly on regulating finance, information, law, and the exercise of power. Threats to modern states include: erosion of trust in institutions, use of decentralized digital resources for protest mobilization, sanctions evasion via cryptocurrencies, and increased citizen registrations in virtual jurisdictions operating beyond national law.

Research implications. Proposals for state adaptation are formulated: shifting from technology bans to dialogue with IT communities and developing preventive measures. The author introduces an original interpretation of digital decentralization as "engineering autocracy", where algorithmic power replaces political-legal mechanisms. The study reframes

issues of state sovereignty in the context of competition with decentralized anti-systems.

Keywords

state sovereignty, Decentralized Autonomous Organizations, ideologies of digital decentralization, digital technologies

References

1. Brekhov, G. S. (2022). Cryptoanarchism: The Ideology of Blockchain Technologies. In: *RUDN Journal of Political Science*, 24, 3, 393–407. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407 (in Russ.).
2. Ludlow, P. (2005). New Foundations: The Emergence of Sovereign Cyberstates and Their Power Structures. In: Ludlow P. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopia*. Moscow: Ultra.Kultura publ., pp. 27–60 (in Russ.).
3. May, T. (2005). The Crypto-Anarchist Manifesto. In: Ludlow P. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopia*. Moscow: Ultra.Kultura publ., pp. 107–109 (in Russ.).
4. Hughes, E. (2005). The Cypherpunk Manifesto. In: Ludlow P. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopia*. Moscow: Ultra.Kultura publ., pp. 129–131 (in Russ.).
5. Assange, J., Appelbaum, J., Müller-Maguhn, A., et al. (2012). *Cypherpunks: Freedom and the Future of the Internet*. New York: OR Books.
6. Benkler, Y. (2006). *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven: Yale University Press.
7. Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press.
8. De Filippi, P. & Wright, A. (2018). *Blockchain and the Law: The Rule of Code*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
9. Deleuze, G. & Guattari, F. (1977). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. New York: Viking Press.
10. Galloway, A. R. (2004). *Protocol: How Control Exists after Decentralization*. Cambridge, MA: MIT Press.
11. Golumbia, D. (2016). *The Politics of Bitcoin: Software as Right-Wing Extremism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
12. Grant, D. M., Kirby, E. M. & Hawkins, S. (2024). Decentralized Autonomous Organizations: To Statutorily Organize or Not? In: *Wyoming Law Review*, 24, 1. URL: <https://scholarship.law.uwyo.edu/wlr/vol24/iss1/2> (accessed: 08.04.2025).

13. Jordan, T. (1999). *Cyberpower: The Culture and Politics of Cyberspace and the Internet*. London: Routledge.
14. Lessig, L. (1999). *Code and Other Laws of Cyberspace*. New York: Basic Books.
15. Levy, S. (2001). *Crypto: How the Code Rebels Beat the Government-Saving Privacy in the Digital Age*. New York: Viking Press.
16. Nardelli, P. H. J., Silva, P. E. G., Siljak, H., et al. (2023). Cyber-Physical Decentralized Planning for Communizing. In: *Journal of Social and Political Sciences*, 6, 1, 45–59. DOI: 10.1177/10245294231213141.
17. Peters, B. (2016). *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/9780262034180.001.0001
18. Rheingold, H. (1993). *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley.
19. Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: How Change Happens When People Come Together*. New York: Penguin Press.
20. Vigna, P. & Casey, M. J. *The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money Are Challenging the Global Economic Order*. New York: St. Martin's Press.
21. West, S. M. (2022). Survival of the Cryptic: Tracing Technological Imaginaries across Ideologies, Infrastructures, and Community Practices. In: *New Media & Society*, 24, 6, 1001–1020. DOI: 10.1177/1461444820983017
22. Zhuk, A. (2024). Crypto-anarchy: a paradigm shift for society and the legal system. In: *Journal of Computer Virology and Hacking Techniques*, 20, 4, 697–723. DOI: 10.1007/s11416-024-00525-1
23. Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: PublicAffairs.

УДК 32(091)

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В «ОБЛАСТНИЧЕСКОЙ» ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XX В.

Головинов Александр Викторович

- e-mail: alex-golovinov@mail.ru;
кандидат философских наук,
доцент кафедры конституционного и международного права;
Алтайский государственный университет
656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61,
Российская Федерация

Для цитирования

Головинов А. В. Парламентаризм как интегрирующее начало русской государственности в «областнической» публицистике начала XX в. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 06.05.2025
- Статья размещена на сайте 15.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Нарратив представительных учреждений и федерализации

Актуализация земского вопроса в Сибири

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить и показать концепт парламентаризма как интегрирующего фактора русской государственности, разрабатываемый в нарративах публицистики представителей идеологии сибирского демократического регионализма (областничества) в начале XX в.

Процедура и методы. На основе инструментария политической текстологии анализу подвергаются письменные нарративы политической дискуссии о развитии представительных органов Сибири и всей Азиатской части России. Гносеологическую роль для познавательных замыслов сыграла также методология «новой политической истории», которая позволяет направить дискурсивный анализ на общественные группы.

Результаты. Установлено, что в начале XX в. активизировался нарратив о перспективах развития законосовещательных и представительных органов в периферийных и окраинных территориях нашего Отечества. Дискурс имел концептуальное и системное содержание. Складывалась чёткая холистическая схема: с учреждением и развитием земства как формы местного самоуправления активно будут формироваться и эффективно действовать легислатуры на уровне регионов, что позволит учитывать истинные проблемы территориальных образований на уровне единого общероссийского парламента.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут способствовать развитию изучения отечественной политической мысли дореволюционной России, в которой наследие сибирских областников пока представлено фрагментарно. Значение для укрепления основ русского государственного строя могут иметь парадигмальные концепты учения демократических регионалистов, согласно которым парламентаризм, местное самоуправление и федерализм имеют интегрирующее начало отечественной государственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сибирский демократический регионализм, областничество, парламентаризм, интеграция, «Сибирские записки», «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь»

ВВЕДЕНИЕ

Политическая публицистика во все времена выступала действенным средством выражения общественного мнения, именно она формировала социально-политическую повестку дня и участвовала в агрегировании политического сознания. Так, Азиатская часть нашего Отечества как особое территориальное пространство с такими макрорегионами, как Сибирь и Дальний Восток, выступала объектом политической рефлексии в публицистике общественных деятелей, разделявших положения идеологии сибирских демократических регионалистов (областников). Данное общественное движение было ярким явлением социально-политической истории сибирского региона. Оно возникло ещё во второй половине XIX столетия как культурно-просветительское сообщество, ратующее за развитие отчего края. Характерно, что в начале XX в. с его политической турбулентностью, революциями и конфликтами дискуссия о направлениях развития Азиатской части России развернулась с особым масштабом и политическим контекстом. Тогда движение сибирских областников, некогда действующее как преимущественно культурно-просветительская система умонастроения, активно подключилось к ходу политических размышлений о перспективах развития Отечества, месте в нём родного края – Сибири и будущности их сосуществования на интегративно-федеративных началах. На страницах сибирских периодических изданий, таких как «Сибирская жизнь», «Сибирские записки», «Восточное обозрение», активно обсуждалось состояние и рассматривались перспективы развития парламентаризма на региональном уровне. В данном корпусе актуальной политической публицистики объектом политического анализа выступили также проблемы активности общественных групп и общие текущие дела. Полагаем, что обращение к стихии публицистического слова на основе политико-текстологического анализа позволит выявить и показать направления дискурсов такой рефлексии.

Основу проводимого исследования составляет корпус публицистических материалов, размещённый в журнале «Сибирские записки», газетах «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь». На основе инструментария политической текстологии анализу подвергаются письменные нарративы политической дискуссии о развитии представительных органов Сибири и всей Азиатской части России. Гносеологическую роль для по-

знавательных замыслов сыграла также методология «новой политической истории», которая позволяет направить дискурсивный анализ на общественные группы, не отвлекаясь на механизмы осуществления государственной власти.

Характерно, что к идеологии областничества, широко представленной в актуальной публицистике, наблюдается стабильный интерес. Причём фокус познания сущности и форм проявления данной идеологии типичен не только для региональных, прежде всего сибирских, учёных. К данной группе исследователей целесообразно относить В. А. Должикова [2], Д. Н. Шевелева и К. А. Конева [7], М. В. Шиловского [8], Н. С. Ларькова [5], Ю. А. Зуляр [3] и др.

Авторы из центральных частей нашей необъятной Родины также посвящают свои работы данному направлению политической мысли. Это прежде всего труды А. В. Малинова [11], Н. П. Медведева [6], В. И. Коваленко [4], А. И. Авакова [1], С. Я. Щебровой [9] и др.

Зарубежные исследователи всё чаще обращаются к «областнической» публицистике. Так, работы американского историка А. Джонсона [10] и польского исследователя Т. Шишлага [12] посвящены некоторым аспектам сибирского областничества и его публицистическому наследию.

НАРРАТИВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

Начало XX столетия было наполнено масштабными политическими событиями – революциями, мировыми войнами и социальными катаклизмами. На уровне сибирских газет также шёл процесс обсуждения этой непростой и даже угрожающей обстановки, для которой имманентно также был присущ дух парламентаризма. Так, в известной газете провинциального происхождения «Восточное обозрение» в той или иной мере рисовалась панорама общественно-политической жизни огромной страны в представлении русской периферии в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

Так, в газете сообщалось, что Манифестом 17 октября вносятся существенные изменения в характер состава и компетенции Государственной Думы. На второй странице издания за октябрь 1905 г. находим: «Пунктом вторым категорически предreshено привлечь теперь же для участия в Государствен-

ной Думе возможности всех классов на внецензовой основе ... Для законодательного почина перед избранием народных представителей должны быть приняты следующие меры: полная свобода печати, свобода сходок и собраний, отмена административного произвола и др.»¹. Очевидно, что попытки либерализации режима вызывали сочувствие и местами внушали оптимизм, но отдалённость региона от эпицентра политических акций сказывалась на общественном мнении.

На этом фоне актуализировалась и без того важная для сибирской общественности идея федерализации. Справедливо-сти ради напомним, что газета «Восточное обозрение» выступала одной из дискуссионных площадок идеологии сибирского демократического регионализма (областничества). Данное общественное течение поддерживало тезис о целесообразности государственного устройства на началах альянса русских многочисленных территорий, представляющего собой интегративный союз федеративного типа.

И. И. Попов в 1905 г. прямо связывал возможность интегративного базиса с развитием в перспективе целой сети представительных и законосовещательных учреждений. «Ясно, – отмечал он тогда, – что в необъятном пространстве Сибири и Туркестана со временем явятся десятки областей, центральный объединяющий орган которых должен быть тот, что и для всей России, только последнему могут быть даны права суверенитета. Представительное же собрание всей России, уже по самому своему составу не может быть централизующим, оно должно быть проникнуто идеями федерализма. До сего времени, – сожалел публицист, – Сибирь сплачивала воедино только то положение, в котором она находилась как забытая окраина, лишённая реформ»².

Таким образом, за представительными органами виделось светлое будущее русского исполинного государства. В действительности император Николай II по итогам «Первой отечественной революции» пошёл на некоторые уступки, в результате чего в России зарождались хрупкие элементы парламентаризма. В этом смысле сибирский регион был представлен в Думе и Государственном совете. У представителей областной идеологии это обстоятельство вызывало явное одобре-

¹ Восточное обозрение. 1905. №236. С. 2.

² Попов И. И. Областность и «Сибирский Вестник» // Восточное обозрение. 1905. №192. С. 2.

ние. Однако, несмотря на это, вопрос о земстве в Сибири так и не был решён. Потому дискуссии о земских учреждениях и парламентских структурах в регионе стали разворачиваться в местном сообществе с новой силой, и прежде всего в областнических кругах.

В 1906 г. некогда популярная сибирская газета «Восточное обозрение» угасла навсегда. Вместе с тем другие периодические издания в регионе продолжали многогранно освещать текущую политическую повестку дня. Так, уже в 1917 г. лидер движения сибирских областников Г. Н. Потанин на столбцах многотиражной томской газеты «Сибирская жизнь» продолжал развивать нарратив о необходимости формирования парламентских структур в Азиатской части России.

«Для Сибири, – специально объяснял тогда Г. Н. Потанин, – организация власти ввиду грозного экономического и политического положения имеет исключительное значение. Поэтому Чрезвычайный съезд постановил созвать Сибирское Учредительное собрание, которое должно образовать в согласии с всероссийским автономную власть в Сибири ... Чрезвычайный съезд для предупреждения полного развала учредил Временную Областную Думу с законодательной властью по местным делам»³.

Таким образом, «большой сибирский дедушка», ратуя за развитие демократических институтов, был убеждён в том, что именно законосовещательный орган в регионе должен стать единственным источником власти, который непременно положит конец политической и экономической турбулентности.

Ярким представителем позднего этапа движения областников являлся этнограф и историк Николай Николаевич Козьмин, который последовательно отстаивал идею учреждения в регионе специальных органов с законодательной компетенцией. Учёный подчёркивал, что «сибирская областная дума нужна, прежде всего, для спасения самой Сибири от государственной, экономической, финансовой разрухи». «Сибирь, – замечал областник, – должна рассчитывать лишь на свои силы. И, как организованное целое, она должна будет затем принять участие в восстановлении государственного союза российских областей и народов. Вот задача момента»⁴.

³ Потанин Г. Н. Временная Сибирская Областная Дума // Сибирская жизнь. 1917. №279. С. 2.

⁴ Козьмин Н. Н. Областничество // Сибирские записки. 1918. №1. С. 54.

Учёный-этнограф был уверен в том, что областничество как раз поставлено лицом к лицу с данным ответственным историческим моментом. Он понимал, что в регионе по преимуществу только представители областнической идеологии одновременно могут считаться и с государственным распадом, и с политической неразвитостью народа и интеллигенции.

В действительности Временная Сибирская областная дума просуществовала очень недолго. С прекращением её деятельности уходили в забвение надежды и чаяния о дальнейших перспективах развития парламентаризма в регионе на демократических принципах. Нарратив такого разочарования был красочно представлен в публицистике позднего областника Вл. М. Крутовского, главного редактора первого «толстого» журнала в Сибири – «Сибирские записки». В четвёртом номере издания за 1918 г. находим: «после целого ряда последовавших печальных событий мы, сибирские патриоты-областники, очутились вновь у разбитого корыта: Сибирского правительства нет, уже покончила самоубийством Сибирская Областная Дума и Сибирская автономия более не существует»⁵.

Характерно, что все публицисты-областники придерживались конструкции единой государственной власти, построенной с учётом принципа федералистского разнообразия. В этой парадигме представительные органы выступали основополагающими элементами интеграционных процессов в условиях неизбежного единства в многообразии.

Важно отметить, что в 1917 г. лидером движения областников была опубликована одна из программных статей для областнической идеологии – «Прекрасный финал». В материале логически объяснялся концепт, что объединяющим началом общерусской федерации является именно Всероссийский парламент, действующий с учётом решений региональных легислатур.

«Сибирские областники, – резюмировал в 1917 г. Г. Н. Потанин, – сознавая себя членами русского народа и не желая с ним порвать связь, распространяют свой идеал на всё государство, они мечтают, что вся Россия будет разделена на области, что у каждой будет свой парламент и министерства, что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей этой федерацией будет стоять объединяющая Госу-

⁵ Крутовский Вл. М. Областное обозрение // Сибирские записки. 1918. №4. С. 90.

дарственная Дума. Общегосударственные вопросы будут выделены из компетенции областных дум»⁶.

Как видно с высоты XXI в., данный комплекс политических идей выглядит весьма прогрессивно. В действительности вполне очевидно, что в настоящее время действует как раз подобная конституционная конструкция, основанная на разграничении предметов ведения центральных и региональных законодательных органов. Понятно, что деятели областнического направления оптимальной формой организации власти огромного полиэтничного государства считали федеративный братский союз.

Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о востребованности для текущей политико-правовой жизни страны проекта созидательной регионализации, разрабатываемого мыслителями-областниками, а с другой – демонстрирует реализм политической концепции демократических регионалистов, нацеленность её положений на позитивный практический результат.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗЕМСКОГО ВОПРОСА В СИБИРИ

Характерно, что именно в период начала XX в. в областнической публицистике снова был поднят вопрос о земстве в Сибири. Данный концепт формировался ещё во второй половине XIX в., но оставался только идеалом, в связи же с зарождающимся парламентаризмом «эпохи войн и революций» он приобретал очертания практико-ориентированного компонента идеологии сибирских демократических регионалистов (областников). Так, в 1913 г. один из сотрудников газеты «Сибирская жизнь» провёл беседу с Г. Н. Потаниным о земском вопросе. Издание опубликовало постулаты о необходимости земских органов в регионе, обозначенные лидером областнического движения.

По мысли Г. Н. Потанина: «теперь вопрос о существовании земского самоуправления стоит перед общественными силами окраины во весь рост и вызывает вопрос: какое земство нужно Сибири. Местное самоуправление должно таить свои корни в низах и оттуда пользоваться энергией. Потому для Си-

⁶ Потанин Г. Н. Прекрасный финал // Сибирская жизнь. 1917. №124. С. 2.

бири необходимо местное волостное земство, мелкая единица как наиболее подвижная ячейка»⁷.

Как видно, институт местного самоуправления, нацеленный на решение вопросов местного значения путём принятия низовых решений с учётом интересов населения, представлялся в такой политической мысли как реальное подспорье для эффективной деятельности региональных парламентов.

Ещё раз заметим, что земский вопрос по существу был программным в политической концепции сибирских областников, концептуальное оформление он получил в наследии классиков демократического регионализма Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина ещё во второй половине XIX в. Либерализация политического процесса на фоне русских революций только лишь активизировала нарратив о необходимости земского самоуправления на сибирских просторах нашего Отечества.

Так, яркий представитель позднего этапа движения областников Вл. М. Крутовский на правах главного редактора литературного и политического журнала «Сибирские записки» в 1916 г. вновь поднял вопрос земских преобразований в Сибири. Публицист был вынужден констатировать, что резолюции групп сибирских общественников о скорейшем введении земства в Сибири у чиновничье-бюрократического аппарата региона почти не вызывали никакого сочувствия.

«В прениях, – как писал тогда поздний областник, – некоторые члены высказались за неотложность введения в Сибири демократического земства и демократизации городских самоуправлений. Была предложена резолюция о борьбе с дороговизной, принятая в октябре на съезде уполномоченных московского потребительского союза. Пристав потребовал от председателя предварительного предъявления резолюции ему и цензору. Председатель отказал, ссылаясь на незаконность требования пристава. Пристав запретил оглашение резолюции и закрыл собрание»⁸. В целом автор приходил к выводу, что в регионе земские учреждения так и останутся в сфере политических мечтаний.

⁷ Потанин Г. Н. О Земстве в Сибири // Сибирская жизнь. 1913. №280. С. 3.

⁸ Крутовский Вл. М. К вопросу о земстве в Сибири // Сибирские записки. 1916. №2. С. 139.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, политико-текстологический анализ актуальной публицистики областнического направления в начале XX в. позволяет констатировать, что в данный период отечественной политической истории серьёзно активизировался нарратив о перспективах развития законосовещательных и представительных органов в периферийных и окраинных территориях нашего Отечества.

Дискурс имел концептуальное и системное содержание. Складывалась чёткая холистическая схема: с учреждением и развитием земства как формы местного самоуправления активно будут формироваться и эффективно действовать легислатуры на уровне регионов, что позволит учитывать истинные проблемы территориальных образований на уровне единого общероссийского парламента. Данные парадигмальные концепты, согласно учению демократических регионалистов, выступают прочной основой русского федерализма как имманентно оптимальной формы государственного устройства.

Таким образом, парламентаризм, местное самоуправление и федерализм имеют интегрирующее начало отечественной государственности. Сибирское областничество в такой системе координат может быть понято как идеология созидательной регионализации, базовое положение которой – интегративная инкорпорация разнообразных русских территорий в единый братский союз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аваков А. И. Сибирь и Дальний Восток: проблемы регионального развития и пути их решения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. №1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 18.04.2025).
2. «Америка меня поразила – это Сибирь через 1000 лет»: поездка Н. М. Ядринцева в Соединенные Штаты Америки в 1893 г. / В. А. Должиков, А. В. Головинов, К. А. Ишеков, Ю. В. Головинова // Былые годы. 2025. №20. С. 433–441. DOI: 10.13187/bg.2025.1.433
3. Зуляр Ю. А. Регионализм как матрица современной сибирской региональной политической культуры // Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы Всероссийской политологической конференции с международным участи-

ем, Иркутск, 08–23 апреля 2022 г. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 225–241.

4. Коваленко В. И. Идеи федерализма в русской политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. №3. С. 62–72.
5. Ларьков Н. С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. №456. С. 172–181. DOI: 10.17223/15617793/456/20
6. Медведев Н. П. Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. №1. С. 20–28. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.002
7. Шевелев Д. Н., Конев К. А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г. Н. Потанина 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. №91. С. 80–89. DOI: 10.17223/19988613/91/9
8. Шиловский М. В. Сибирские корни славянского единства // Русин. 2023. №73. С. 194–205. DOI: 10.17223/18572685/73/12
9. Щеброва С. Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. №1. С. 75–87. DOI: 10.21638/spbu02.2024.105
10. Johnson A. Captives of the Empire: Siberian Regionalism and the Siberian Separatist Affair // Journal of the North Carolina Association of Historians. 2022. No. 29. P. 32–39.
11. Malinov A. V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // Sibirica. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 69–88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203
12. Szyszlak T. Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej // Wschodnioznawstwo. 2023. No. 17. P. 395–416. DOI: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741

ARTICLE INFORMATION

Author

Aleksandr V. Golovinov

- e-mail: alex-golovinov@mail.ru,
Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof.,
Department of Constitutional and International Law,
Altai State University
prosp. Lenina 61, Barnaul 656049, Altai region, Russian Federation

For citation

Golovinov, A. V. (2025). Parliamentarism as an Integrating Principle of the Russian Statehood in the "Regional" Journalistics of the Beginning of the 20th Century. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify and demonstrate the concept "parliamentarism" as an integrating factor of the Russian statehood, presented in the journalistic narratives created by the representatives of the Siberian democratic regionalism (regionalism) ideology at the beginning of the 20th century.

Methodology. With use of tools of political textology, the written narratives containing political discussions on the development of representative bodies in Siberia and the entire Asian part of Russia are analyzed. The methodology of the "new political history" also played an epistemological role for cognitive purposes, which make it possible to direct discursive analysis to social groups.

Results. It was established that at the beginning of the 20th century, the narrative about the prospects for the development of legislative and representative bodies in the peripheral and outlying territories of our Fatherland has become more active. It was revealed that the discourse had conceptual and systemic content. A clear holistic scheme was emerging by establishing and developing the zemstvo as a form of local self-government, legislatures at the regional level will be actively formed and effectively operate, which will make it possible to consider the true problems of territorial entities at the level of a single all-Russian parliament.

Research implications. The results of the study can contribute to the development of the study of domestic political thought in pre-revolutionary

Russia, in which the legacy of Siberian regionalists is still fragmentary. The paradigmatic concepts of the teachings of democratic regionalists, according to which parliamentarism, local self-government and federalism have an integrating principle of national statehood, they can be of importance for strengthening the foundations of the Russian state system.

Keywords

Siberian democratic regionalism, regionalism, parliamentarism, integration, "Siberian Notes", "Eastern Review", "Siberian Life"

References

1. Avakov, A. I. (2013). Siberia and the Far East: Problems of Regional Development and Their Solutions. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 18.04.2025) (in Russ.).
2. Dolzhikov, V. A., Golovinov, A. V., Ishekov, K. A. & Golovinova, Yu. V. (2025). "America Amazed Me – It is Siberia in 1000 years": N. M. Yadrintsev's Trip to the United States of America in 1893. In: *Bylyye gody*, 20, 433–441. DOI: 10.13187/bg.2025.1.433 (in Russ.).
3. Zulyar, Yu. A. (2022). Regionalism as a Matrix of Modern Siberian Regional Political Culture. In: *Fifteenth Baikal Social and Humanitarian Readings: Materials of the All-Russian Political Science Conference with International Participation, Irkutsk, April 08–23, 2022*. Irkutsk: Irkutsk State University publ., pp. 225–241 (in Russ.).
4. Kovalenko, V. I. (2015). Ideas of Federalism in Russian Political Thought. In: *Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science*, 3, 62–72 (in Russ.).
5. Larkov, N. S. (2020). "Potaninsky Circle" in Siberia in 1917–1919: From Styding to Having Power. In: *Bulletin of Tomsk State University*, 456, 172–181. DOI: 10.17223/15617793/456/20 (in Russ.).
6. Medvedev, N. P. (2023). Ethnopolitical Regional Studies: History and Modernity (Based on Publications in Scientific Journals in 2022). In: *Issues of Political Science*, 1, 20–28. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.002 (in Russ.).
7. Shevelev, D. N. & Konev, K. A. (2024). Siberia as a Socio-Cultural Space in the Journalism of G. N. Potanin in 1917–1919. In: *Tomsk State University Journal of History*, 91, 80–89. DOI: 10.17223/19988613/91/9 (in Russ.).
8. Shilovsky, M. V. (2023). Siberian Roots of Slavic Unity. In: *Rusin*, 73, 194–205. DOI: 10.17223/18572685/73/12 (in Russ.).

9. Shchebrova, S. Ya. (2024). Regionalism in the Fate of Grigory Gurkin. In: *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 69 (1), 75–87. DOI: 10.21638/spbu02.2024.105 (in Russ.).
10. Johnson, A. (2022). Captives of the Empire: Siberian Regionalism and the Siberian Separatist Affair. In: *Journal of the North Carolina Association of Historians*, 29, 32–39.
11. Malinov, A. V. (2024). Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. In: *Sibirica*, 23 (2), 69–88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203
12. Szyszlak, T. (2023). Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej In: *Wschodnioznawstwo*, 17, 395–416. DOI: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Денисов Николай Евгеньевич

- e-mail: denisov.nik@gmail.com;
аспирант кафедры российской политики, факультета политологии;
Московский государственный университет имени Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4.,
Российская Федерация

Для цитирования

Денисов Н. Е. Новые тенденции развития гражданской идентичности в современном российском обществе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.04.2025
- Статья размещена на сайте 14.09.2025

СТРУКТУРА

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Состояние гражданской идентичности накануне начала Специальной военной операции

Специальная военная операция как катализатор изменений гражданской идентичности

Новые институциональные проявления гражданской идентичности

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности влияния Специальной военной операции на общероссийскую гражданскую идентичность.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал вторичный анализ социологических данных. Проведён анализ представлений россиян о гражданской идентичности, также в оптике концепции трансформирующей агентности изучены гражданские движения и организации, ведущие общественно-политическую деятельность.

Результаты. Сделан вывод, что СВО создала условия для появления новых форм гражданской идентичности. Показано, что низовая инициатива становится драйвером возникновения и роста новых институциональных структур гражданского взаимодействия и помощи государству. Вместе с тем отмечен риск конфликта между новыми институциональными структурами и государственными органами на фоне сохраняющейся проблемы социального неравенства и запроса на реформы.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании релевантности концепции трансформирующей агентности для изучения социально-политических трансформаций современного российского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гражданская идентичность, Специальная военная операция, институциональное предпринимательство, трансформирующая агентность, параллельные институты

ВВЕДЕНИЕ

Влияние Специальной военной операции на развитие общероссийской гражданской идентичности к настоящему моменту представляется недостаточно изученным. Некоторые аспекты современных особенностей её становления в условиях обострения геополитического противостояния затрагивались в ряде научных работ последних лет лишь фрагментарно. Так, освещались проблемы формирования устойчивых политических ориентаций, неразработанности механизма укрепления гражданской идентичности [3, с. 286]. Указывалось и на отно-

сительно слабое проявление интегрирующих факторов культурного и ценностного характера [14, с. 613].

Необходимо отметить, что основным консолидирующим фактором российского общества мыслится государство [8, с. 26]. Подчёркивается, что для России характерна именно государственно-гражданская идентичность, где общность конституируется принадлежностью к государству, а непосредственно гражданский компонент, т. е. ощущение права участвовать в политической жизни, выражен не столь отчётливо [6, с. 495]. Отмечается и проблема низкой агентности россиян – в частности, указывается, что представления о гражданской ответственности за судьбу страны разделялись российским обществом весьма слабо, данная ответственность закреплялась прежде всего за государством [1, с. 105].

Вместе с тем в недавних исследованиях влияния событий Спецоперации на российское общество подчёркивалось усиление именно низовой активности россиян – появление новых элементов гражданского общества [15, с. 132], развитие волонёрского движения [19, с. 23–25], укрепление влияния новых форм коммуникации общества и власти [22, с. 424].

Подобные расхождения между указаниями на низкую агентность россиян и одновременно на рост низовой активности могут говорить о формировании в ходе проведения Специальной военной операции новой траектории развития гражданской идентичности, которая характеризуется высокой степенью непосредственной вовлечённости индивидов в общественно-политические процессы. Исходя из этого, целью данной работы выступает выявление особенностей влияния Специальной военной операции на общероссийскую гражданскую идентичность.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что Специальная военная операция выступила катализатором новых тенденций развития гражданской идентичности. Поощрение государством низовой активности создало уникальные условия для возникновения институционального предпринимательства, направленного на переопределение границ гражданской идентичности.

В рамках проверки гипотезы определены следующие задачи:

1. рассмотреть состояние гражданской идентичности накануне начала Специальной военной операции;

2. определить основные изменения в состоянии гражданской идентичности в период проведения Специальной военной операции;

3. выявить новые тенденции развития гражданской идентичности в контексте институционального предпринимательства.

Теоретико-методологической основой исследования служит концепт трансформирующей агентности Дж. Мейера, постулирующий, что институциональные структуры способны не только ограничивать агентность индивидов, но и катализировать её развитие [25, р. 9]. Структура в определённых условиях выступает как среда, легитимирующая деятельность индивидов по её изменению [24, р. 225]. Данные изменения воплощаются посредством внедрения новых образцов поведения с помощью активности определённых акторов, продвигающих новые ценности [24, р. 101].

Методика исследования заключается в идентификации и комплексном рассмотрении проявлений трансформирующей агентности в современном российском обществе с помощью вторичного анализа данных социологических исследований.

СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАКАНУНЕ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Одним из наиболее значимых событий в становлении российской гражданской идентичности стало вхождение Крыма и Севастополя в состав России в 2014 г. Подобный шаг полностью совпал с ожиданиями подавляющего большинства политически активного населения и породил феномен «крымского консенсуса» – солидаризации с действиями государственных институтов и высокого доверия к власти [13, с. 50]. Активные действия российского руководства на международной арене позволили устранить из конструкции коллективной идентичности негативные ассоциации с «неполноценностью» страны, подтолкнули общество к осознанию особого пути России [21, с. 155].

Вместе с тем консолидация общества и укрепление гражданской идентичности в условиях «крымского консенсуса» не привели к значимому росту агентности – на протяжении второй половины 2010-х гг. представления о деятельности индивидов как о составной части гражданской идентичности были

выражены слабо [1, с. 107]. Патриотическая повестка, не в полной мере подкреплённая участием граждан в политической жизни, к концу 2010-х гг. начала конкурировать с социальной [13, с. 50]. Серьёзным испытанием для российского общества стала пандемия коронавируса, из-за которой вырос уровень социальной напряжённости и тревоги [21, с. 157].

Вместе с тем в данный период закладывались предпосылки нового этапа развития гражданской идентичности, которые в полной мере проявят себя после начала Специальной военной операции. Так, были заложены институциональные основания государственной поддержки и регулирования добровольчества, которые позволили упростить работу волонтеров икратно увеличить их количество [18, с. 77]. Кроме того, во время пандемии отмечался относительный рост доверия к негосударственным социальным институтам: профсоюзам, общественным организациям, политическим партиям [9, с. 52].

Тем самым в терминах концепции Дж. Мейера можно проследить постепенную трансформацию механизмов целеполагания российской гражданской идентичности, когда акторы начинают действовать не ради личных интересов, а из идеалистических принципов общего блага [25, р. 7]. Присоединение Крыма и Севастополя создало основу для консолидации общества вокруг идеи о России как о великой державе, однако непосредственное участие россиян в воплощении этой идеи стало в полной мере осуществляться только с началом СВО. При этом предпосылки для массовой низовой самоорганизации были заложены благодаря институциональным новациям в сфере добровольческой деятельности.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Российское общество отреагировало на начало Специальной военной операции существенным повышением уровня доверия к государственным институтам всех уровней [23, с. 30]. При этом показатели роста одобрения деятельности Президента, по оценкам исследователей, оказались практически идентичны тем, которые отмечались после присоединения Крыма и Севастополя [17, с. 168]. Одним из наиболее ярких индикаторов изменения общественно-политического фона в сторону позитивного отношения к власти стала динамика оценок работы

правительства. По данным ФОМ, начало Специальной военной операции позволило переломить многолетний тренд преобладания негативных оценок – причём разрыв в пользу положительных оценок к концу первого полугодия 2022 г. оказался более чем двукратным¹.

Рост уровня поддержки власти позволил исследователям проводить параллели между ситуациями 2014 и 2022 гг., характеризуя новую политическую реальность как углубление «крымского консенсуса» и его трансформацию в более устойчивую форму [17, с. 159]. Вместе с тем представляется, что Специальная военная операция не только привела к возникновению новой формы общественного консенсуса, но и во многом изменила сами направления гражданской активности.

Отмечается, что за счёт беспрецедентного уровня внешних угроз гражданское общество в России кардинально трансформировалось, низовое участие в социально-политической жизни выросло, причём возникли его новые формы [15, с. 132]. В первую очередь изменился проблемный аспект, который конституировал гражданскую активность. Если ранее наиболее значимой для общества проблемой выступало экономическое расслоение и ощущаемая обществом приоритизация узкогрупповых экономических интересов, что иногда приводило к спорадическим протестам, то с 2022 г. наибольшую актуальность получило идеологическое размежевание между теми, кто поддержал СВО, и теми, кто выступил против [16, с. 172].

Тем самым Спецоперация выступила катализатором мировоззренческих противоречий, а также стала своего рода подтверждением представлений о России как цивилизации, которая столкнулась с экзистенциальной угрозой. Подобные настроения отчётливо отразились в пространстве социальных медиа [2, с. 11]. Отметим, что события Спецоперации отождествлялись с событиями Великой Отечественной войны, которая выступает в качестве центрального элемента символического пространства российской идентичности [4, с. 93]. Тем самым ощущения экзистенциального кризиса и цивилизационного противостояния стимулировали институциональное предпринимательство, появление новых форм выражения гражданской идентичности.

¹ Доминанты. Поле мнений. Выпуск 23 июня 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d242022.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

НОВЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Благодаря Специальной военной операции появился уникальный в современной российской истории феномен гражданско-военного партнёрства. Интересно отметить, что в предшествующие годы сфера военно-гражданских отношений рассматривалась как малопродуктивная [7, с. 23]. В подобной обстановке бурный рост общественных объединений, зачастую неформальных, мог быть вызван главным образом социокультурными факторами, которые проявились с началом Специальной военной операции [19, с. 23]. Волонтёрские объединения на регулярной основе начали обеспечивать снабжение воинских подразделений, что позволило некоторым исследователям сделать вывод, что в России сформировался «негосударственный сегмент оборонно-промышленного комплекса» [19, с. 25].

Гражданская помощь вооружённым силам стала одной из основных линий солидаризации российского общества. В информационных потоках социальных медиа тематика армии выступает заметным консолидирующим фактором, при этом основным приёмом солидаризации является акцент на значимости именно добровольческой активности [5, с. 163]. Тем самым волонтёрство стало важным инструментом трансформирующей агентности, когда создавались новые неформальные институты коммуникации с воинскими частями и добровольческими подразделениями [11, с. 29]. Данный феномен получил характеристику «помогающего поведения», когда индивиды компенсируют недочёты и «слепые зоны» в работе профильных государственных институтов [12, с. 16].

Необходимо также отметить развитие гражданского активизма уже на внутриполитической арене. Так, в период с 2022 по 2024 гг. значительную популярность приобрели общественные сетевые организации, наиболее крупной из которых является «Русская община». Активисты регулярно участвуют в совместных мероприятиях с силовиками, поддерживая общественный порядок². Возникновение таких организаций также возможно отнести к проявлениям трансформаций гражданской идентичности, когда появляются структуры, которые дей-

² Чем занимается «Русская община» и нужна ли она России // УРА.РУ: информационное агентство: [сайт]. URL: <https://ura.news/articles/1036290909> (дата обращения: 31.03.2025).

ствуют совместно с профильными государственными институтами.

Таким образом, в ходе Специальной военной операции общероссийская гражданская идентичность приобрела ярко выраженное проактивное измерение, что выразилось в готовности индивидов не только действовать в институциональных рамках добровольческой деятельности, сформированных государством, но и создавать автономные параллельные институты. В этом контексте показательны данные о росте ощущения ответственности за происходящее в стране [20, с. 20], а также о широком распространении представлений о необходимости реформ [10, с. 22–23]. Представляется, что это может говорить о наличии в обществе запроса на расширение участия в социально-политических процессах, в том числе в аспекте решения проблемы социального неравенства [12, с. 19].

Вместе с тем можно отметить определённый риск конфликта между государственными и параллельными гражданскими институтами, если власти решат пересмотреть изменения институциональной конфигурации и сократить возможности новых акторов. В этом случае новые формы гражданского участия, которые приобрели определённую легитимность в глазах россиян, окажутся под угрозой исключения из легального пространства, что может создать противоречия с общественными представлениями о справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были рассмотрены новые тенденции развития гражданской идентичности в современном российском обществе. Возможно отметить, что гражданское самосознание россиян в настоящий момент переживает процесс трансформации, который запустили события Специальной военной операции. Резкая актуализация символов цивилизационного противостояния и экзистенциального противоборства привела к всплеску гражданской активности.

Основным вектором этой активности стало участие в деятельности общественных организаций, которая направлена на помощь государственным институтам в реализации их функционала. Тем самым гражданская идентичность, которая ранее воспринималась скорее как ощущение принадлежности к государству, теперь выражается в новых формах соци-

ально-политической активности. Общественные организации действуют параллельно государственным институтам, в ряде случаев сотрудничая.

Вместе с тем возможно отметить определённые риски конфликтов между государственными институтами и новыми формами гражданской активности. Текущая конфигурация агентности, предусматривающая параллельное участие горизонтальных сетевых структур в решении социально-политических задач, нуждается в легитимации и упорядочении со стороны государства.

Теоретическая значимость исследования заключается прежде всего в апробации концепта трансформирующей агентности в качестве инструмента для изучения политических трансформаций современного российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М., Рыжова С. В. К некоторым результатам исследовательского проекта: содержательные основы общероссийской гражданской идентичности // Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16–17 ноября 2022 г. М.: РГГУ, 2023. С. 103–115.
2. Бубнов А. Ю., Савельева М. А. Герои и символы Специальной военной операции: практики коммеморации в цифровой среде // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. №1. С. 7–26. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-7-26
3. Вдовиченко Л. Н. Роль политической культуры в процессе формирования общей гражданской идентичности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. №3–2. С. 277–287. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-277-287
4. Дейнека О. С., Максименко А. А. Отражение решения о Специальной военной операции в массовом сознании // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. №1. С. 89–112. DOI: 10.38098/iran.sep_2023_29_1_03
5. Домбровская А. Ю., Бродовская Е. В. Когнитивные карты информационных потоков консолидирующей и деконсолидирующей направленности в российских социальных медиа (2023–

- 2024 годы) // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. №3. С. 155–176. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-155-176
6. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261
 7. Ковалев А. А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. 2017. №9. С. 18–28. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-9-18-28
 8. Кочетков А. П. Инклюзивный капитализм как проект глобалистов и российская цивилизация // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, №3. С. 23–27. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-3-23-27
 9. Левашов В. К., Новоженина О. П. Актуальная социально-политическая устойчивость общества // Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 47–71.
 10. Левашов В. К., Шушпанова И. С., Новоженина О. П. Социально-политическая устойчивость и потенциал гражданского общества в Российской Федерации // Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 15–49.
 11. Никовская Л. И. Запрос на перемены: общественные ожидания и модальность предъявления // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. №4. С. 27–33. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-27-33
 12. Никовская Л. И. Ожидаемые социальные перемены: чего хочет общество? (по результатам обобщения социологических исследований) // Местное право. 2024. №4. С. 15–21.
 13. Мустакимов А. В., Рогачев С. В. Влияние международного санкционного давления на консолидацию российского общества (2014–2023 гг.) // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. №5. С. 46–56. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56
 14. Полунов А. Ю. Содержательные аспекты общероссийской гражданской идентичности: проблемы и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. №4. С. 610–618. DOI: 10.21638/spbu23.2023.407
 15. Радиков И. В. Гражданское единство россиян как фактор упрочения национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20. №1. С. 122–137. DOI: 10.21638/spbu23.2024.111

16. Рогачев С. В. Интересы общества и социальная консолидация // Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 168–179.
17. Туманян Г. В., Ширинкина А. В. Консолидация россиян в период «Крымского» и «Донбасского» консенсусов: социальный и электоральный эффект // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. №2. С. 156–171.
18. Федоренко К. А., Мирошниченко И. В. Государственная политика РФ в сфере добровольчества: институциональные основания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. №1. С. 70–85. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-70-85
19. Цыбаков Д. Л. Российское гражданское общество военного времени: специфика развития в условиях СВО // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10. №1. С. 20–29. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-1-20-29
20. Шестопад Е. Б. Глубинная трансформация ценностных и идентификационных матриц российского общества: размышления над итогами круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. Т. 1. №6. С. 7–30. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30
21. Шестопад Е. Б., Рогач Н. Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. №2. С. 150–165. DOI: 10.21638/spbu23.2023.201
22. Шматов А. С. Гражданское общество в современной России в период СВО: состояние и перспективы // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г. СПб.: Сциентиа, 2023. С. 423–424.
23. Шушпанова И. С. Консолидация и тревоги гражданского общества // Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 12–46.
24. Jepperson R. L., Meyer J. W. Institutional theory: The cultural construction of organizations, states, and identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 336 p.
25. Meyer J. W. World society, institutional theories, and the actor // Annual review of sociology. 2010. Vol. 36. №1. P. 1–20. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102506

ARTICLE INFORMATION

Author

Nikolay E. Denisov

- e-mail: denisov.nik@gmail.com,
Postgraduate student, Department of Russian Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky pr-t 27 4, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Denisov N. E. New trends in the development of civil identity in modern Russian society. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reveal the features of the influence of the Special Military Operation on the all-Russian civil identity.

Methodology. The key research method was a secondary analysis of sociological data. An analysis of Russian society's ideas about civil identity was conducted, and civil movements and organizations conducting socio-political activities were studied in the light of the concept of transformative agency.

Results. It has been concluded that the Special Military Operation provided conditions for the emergence of new forms of civil identity. It was shown that grassroots initiative is becoming a driver for the emergence and growth of new institutional structures of civil interaction and assistance to the state. At the same time, the risk of conflict between new institutional structures and government bodies is revealed by virtue of background of the persistent social inequality problem and the demand for reforms.

Research implications. Substantiating the relevance of the concept of transformative agency for studying the socio-political transformations of modern Russian society is an implication of the study.

Keywords

civic identity, special military operation, institutional entrepreneurship, transformative agency, parallel institutions

References

1. Arutyunova, E. M., Kuznetsov, I. M. & Ryzhova, S. V. (2022). On Some Results of the Research Project: Substantive Foundations of the All-Russian Civic Identity. In: *Russia: Unity and Diversity: On the 10th anniversary of the Formation of the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 16–17, 2022*. Moscow: RSUH publ., pp. 103–115 (in Russ.).
2. Bubnov, A. Yu. & Savelyeva, M. A. (2024). Heroes and Symbols of the Special Military Operation: Practices of Commemoration in the Digital Environment. In: *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 1, 7–26. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-7-26 (in Russ.).
3. Vdovichenko, L. N. (2023). The Role of Political Culture in the Process of Forming a Common Civil Identity. In: *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*, 3–2, 277–287. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-277-287 (in Russ.).
4. Deineka, O. S. & Maksimenko, A. A. (2023). Reflection of the Decision on the Special Military Operation in the Mass Consciousness. In: *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 8 (1), 89–112. DOI: 10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03 (in Russ.).
5. Dombrovskaya, A. Yu. & Brodovskaya, E. V. (2024). Cognitive Maps of Information Flows of Consolidating and Deconsolidating Orientation in Russian Social Media (2023–2024). In: *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 19 (3), 155–176. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-155-176 (in Russ.).
6. Drobizheva, L. M. (2020). The Meanings of the All-Russian Civic Identity in the Mass Consciousness of Russians. In: *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261 (in Russ.).
7. Kovalev, A. A. (2017). Civil Society of Russia and Strengthening of Military Security in the Era of Confrontation of Civilizations. In: *Management Consulting*, 9, 18–28. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-9-18-28 (in Russ.).
8. Kochetkov, A. P. (2024). Inclusive Capitalism as a Project of Globalists and Russian Civilization. In: *Social and Political Sciences*, 14 (3), 23–27. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-3-23-27 (in Russ.).
9. Levashov, V. K. & Novozhenina, O. P. (2022). Current Socio-political Stability of Society. In: Levashov, V. K., ed. *Russian Society and State in the Context of Global Multipolarity. Socio-Political Situation of Russia in 2022*. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 47–71 (in Russ.).

10. Levashov, V. K., Shushpanova, I. S. & Novozhenina, O. P. (2024). Socio-Political Sustainability and Potential of Civil Society in the Russian Federation. In: Levashov, V. K., ed. *Russian Society and State: Foundations of Sustainability and Trends of Change. Social and Socio-Political Situation*. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 15–49 (in Russ.).
11. Nikovskaya, L. I. (2024). Request for Change: Public Expectations and Modality of Presentation. In: *Social and Political Sciences*, 14 (4), 27–33. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-27-33 (in Russ.).
12. Nikovskaya, L. I. (2024). Expected Social Changes: What Does Society Want? (Based on the Results of Generalization of Sociological Research). In: *Local law*, 4, 15–21 (in Russ.).
13. Mustakimov, A. V. & Rogachev, S. V. (2023). The Impact of International Sanctions Pressure on the Consolidation of Russian Society (2014–2023). In: *Social and Political Sciences*, 13 (5), 46–56. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56 (in Russ.).
14. Polunov, A. Yu. (2023). Substantive Aspects of the All-Russian Civic Identity: Problems and Prospects. In: *Political Expertise: POLITEX*, 19 (4), 610–618. DOI: 10.21638/spbu23.2023.407 (in Russ.).
15. Radikov, I. V. (2024). Civil Unity of Russians as a Factor in Strengthening National Security. In: *Political Expertise: POLITEX*, 20 (1), 122–137. DOI: 10.21638/spbu23.2024.111 (in Russ.).
16. Rogachev, S. V. (2023). Interests of society and social consolidation. In: Levashov, V. K., ed. *Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022*. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 168–179 (in Russ.).
17. Tumanyan, G. V. & Shirinkina, A. V. (2023). Consolidation of Russians during the period of the “Crimean” and “Donbass” consensuses: social and electoral effect. In: *Citizen. Elections. Power*, 2, 156–171 (in Russ.).
18. Fedorenko, K. A. & Miroshnichenko, I. V. (2023). State policy of the Russian Federation in the sphere of volunteerism: institutional foundations. In: *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and municipal administration*, 10 (1), 70–85. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-70-85 (in Russ.).
19. Tsybakov, D. L. (2024). Russian civil society during wartime: specifics of development in the conditions of the SVO. In: *Social and humanitarian knowledge*, 10 (1), 20–29. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-1-20-29 (in Russ.).
20. Shestopal, E. B. (2023). Deep transformation of value and identification matrices of Russian society: reflections on the results of the round table. In: *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 1 (6), 7–30. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30 (in Russ.).

21. Shestopal, E. B. & Rogach, N. N. (2023). Stages of transformation of the psychological state of Russian society: political and psychological analysis. In: *Political expertise: POLITEX*, 19 (2), 150–165. DOI: 10.21638/spbu23.2023.201 (in Russ.).
22. Shmatov, A. S. (2023). Civil society in modern Russia during the period of the Civil War: state and prospects. In: *Russian society today: values, institutions, processes: materials of the all-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 16–18, 2023*. St. Petersburg: Scientia publ., pp. 423–424.
23. Shushpanova, I. S. (2022). Consolidation and concerns of civil society. In: Levashov, V. K., ed. *Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022*. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 12–46 (in Russ.).
24. Jepperson, R. L. & Meyer, J. W. (2021). *Institutional theory: The cultural construction of organizations, states, and identities*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Meyer, J. W. (2010). World society, institutional theories, and the actor. In: *Annual review of sociology*, 36 (1), 1–20. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102506

УДК 327.5(470)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ КОНТРСАНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ

Катков Илья Евгеньевич

- e-mail: il.kat.2803@mail.ru;
аспирант кафедры российской политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Катков И. Е. Основные направления и результаты исследований российской контрсанкционной политики в области энергетики // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 24.01.2025
- Статья размещена на сайте 15.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Технологический аспект контрсанкционной энергетической политики России в трудах отечественных исследователей](#)

[Дипломатический аспект контрсанкционной энергетической политики России в исследованиях отечественных авторов](#)

[Институциональный аспект контрсанкционной энергетической политики России в трудах отечественных исследователей](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Систематизация исследований российских авторов, специализирующихся на вопросах изучения наиболее эффективных механизмов и методов контрсанкционной политики России в области энергетики.

Процедура и методы. В представленном исследовании автором был проведён анализ взглядов отечественных учёных – представителей различных социально-гуманитарных дисциплин, предлагающих своё видение противодействия ограничительным мерам недружественных стран.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что работы отечественных учёных можно подразделить на смысловые группы, образованные по принципу схожего набора механизмов и мер, нацеленных на относительно безболезненный обход Россией режима санкций, введённых недружественными странами.

Теоретическая и практическая значимость. Предложена классификация подходов к контрсанкционной деятельности России в сфере энергетики, среди которых выделяются приоритетно-технологический, дипломатический и комплексно-институциональный. Согласно выводам, представленным в итоговой части данной работы, санкционное воздействие требует постоянного изучения и всестороннего междисциплинарного рассмотрения ввиду сложности и комплексности проблематики. По своей сути механизмы и методы противодействия санкциям недружественных стран не могут в полной мере быть охарактеризованы как специфические и экстраординарные мероприятия. В этой связи автор приходит к выводу, что отечественные исследователи склонны придерживаться точки зрения, согласно которой противодействие санкциям недружественных стран реализуется посредством адаптации корпоративных и государственных систем, а также корректировки уже известных институционально оформленных мер, реализуемых применительно к актуальной ситуации, складывающейся ввиду возрастающего давления на отечественный топливно-энергетический комплекс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

контрсанкционная политика, недружественные страны, политика, Россия, санкции, ТЭК, энергетическая политика

ВВЕДЕНИЕ

Последовательное обострение ситуации на Донбассе в конце 2021 г. привело к началу Специальной военной операции (далее – СВО) на Украине по защите населения ДНР и ЛНР 24 февраля 2022 г. В связи с данными обстоятельствами государства Европы и США предприняли комплексные меры по сдерживанию и ограничению России в экономическом и международно-политическом контексте. В течение достаточно непродолжительного промежутка времени после начала активных боевых действий и наступления российских войск западные компании начали закрывать свои представительства и филиалы в России, а бывшие организации-партнёры российских корпоративных структур стали сворачивать совместные проекты и расторгать ранее планировавшиеся взаимовыгодные сделки.

Вопрос противодействия санкционным мероприятиям недружественных стран на сегодняшний день является одним из наиболее приоритетных для государственной политики современной России. Давление, планомерно оказываемое на все ключевые сферы отечественной экономики и общественно-политической жизни России, уже давно стало специфическим триггером, заставляющим отечественные государственные институты, а также коммерческий сектор адаптироваться и трансформироваться ввиду активного действия потоков негативного влияния извне. В связи с этим особенности внешнего воздействия, практика применения, характер и масштаб ограничительных мероприятий являются ключевыми аспектами, которые ставятся во главу угла при разработке государственных стратегий, различных программ отраслевого развития, а также учитываются при рассмотрении вопросов, касающихся корректировки принятых решений для приведения последних в соответствие с общим вектором проводимой контрсанкционной политики.

Одним из ключевых экономических направлений, представляющим для России стратегическую значимость, является сегмент ТЭК, который ещё с советских времён был объектом давления и различного рода нападок со стороны государств-оппонентов.

В рамках изучаемой тематики автором проанализирован существенный объём работ, посвящённый проблеме исследования комплексных мер противодействия ограничениям стран

Запада, организованных в рамках государственной энергетической политики Российской Федерации, принимаемых как профильными органами власти, ответственными за выработку ключевого вектора государственной контрсанкционной политики в области энергетики, так и структурами высшего менеджмента крупных корпораций российского топливно-энергетического комплекса. Анализ и классификация научных трудов по тематике, связанной с поиском и выявлением наиболее перспективных направлений контрсанкционной политики Российской Федерации в области энергетики, суть цель автора данной работы.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНТРСАНКЦИОННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Среди научных изысканий, посвящённых проблематике поиска возможных мер, направленных на снижение воздействия санкций, особо выделяются труды исследователя А. М. Мастепанова [9, с. 15–18]. В своей работе «Энергетическое сотрудничество в новых геополитических условиях: некоторые оценки и перспективы» автор выдвигает небезосновательные прогнозы касательно технологического будущего мировой энергетической системы, которое потенциально должно развиваться по четырём направлениям: 1) поиск новых технологий производства, энергоресурсов и видов энергии; 2) развитие технологий, обеспечивающих эффективный транспорт традиционных энергоресурсов на большие расстояния; 3) развитие технологий, обеспечивающих значительный рост эффективности использования энергии, а также её аккумулирования и хранения; 4) обширное внедрение технологий управления потоками энергии и её потреблением. В этой связи автор отмечает, что будущее российского нефтегазового комплекса, конкурентоспособность его продукции на мировом рынке во многом будут зависеть от того, насколько отечественной науке и российским компаниям удастся не просто сохранить свою эффективность в условиях внешних ограничений, а совершить уверенный шаг вперёд к созданию новых, прорывных технологий, применимых по всей цепочке от разведки до потребления углеводородов, в том числе и для освоения углеводородных ресурсов арктического шельфа и ресурсов нетрадиционных

источников нефти и газа. Таким образом, А. М. Мастепанов рассматривает технологический суверенитет и разработку отечественных технологий в качестве ключевой меры противодействия санкционному давлению извне. В этой же работе автор подчёркивает положительный эффект санкций, который, по его мнению, должен оказать стимулирующее воздействие на российскую энергетическую отрасль, усилив программы по внедрению российской технологической продукции в производственно-энергетические процессы. Безусловно, особую роль в качестве меры противодействия санкциям в энергетике играет импортозамещение. Так, исследователь В. А. Тётушкин аналогичным образом придерживается той позиции, что государство, проводя политику импортозамещения в ТЭК, преследует цель повышения конкурентоспособности отечественного энергетического сектора. Подчёркивая важность принимаемых мер, направленных на поддержку отечественных производителей, автор делает акцент на модернизацию производства и повышение его эффективности в качестве приоритетного механизма для реализации программы импортозамещения в российской энергетике. Специалисты А. В. Акулиничев и Р. П. Васильев [3] отмечают, что политика перехода на продукцию отечественных производителей, проводимая по причине введённых санкций, представляет собой весьма сложную систему мер, направленных на создание прежде всего благоприятных условий для развития уникального внутреннего производства. Авторы также подчёркивают, что научный и производственный прогресс будет затруднителен без всесторонней поддержки государства в данном направлении. Отдельно процесс импортозамещения рассматривается исследователями Л. В. Абдрахмановой, Е. С. Щигорцовой [1, с. 114], П. А. Шашкиной и Е. В. Родионовой [15]. Анализируя практические особенности развития российских СПГ-проектов (сжиженный природный газ) в условиях санкций Запада, эксперты А. С. Абдулкадырова и Х. С. Мальсагова [2] придерживаются того мнения, что благодаря системному подходу в вопросе импортозамещения в ТЭК отечественные производители уже приступили к выпуску необходимой номенклатуры технологических товаров и оборудования, которое ранее импортировалось. Однако для достижения ещё более существенных показателей программы внедрения техники и технологий российского авторства требуется всесторонняя поддержка государства на постоянной основе.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНТРСАНКЦИОННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

Специалисты В. В. Бушуев, А. М. Мастепанов, В. В. Первухин, Ю. К. Шафраник в монографии «Глобальная энергетика и геополитика» [5, с. 88] неоднократно подчёркивают тот факт, что важность углубления партнёрства России со странами азиатского региона обусловлена «стремлением сторон данного взаимодействия к повышению устойчивости своих экономик в условиях роста внешних вызовов и внутренних угроз в связи с изменением конъюнктуры западных рынков углеводородов, ростом экологических ограничений экспорта и политическими факторами». Важность сотрудничества со странами региона АТР подтверждает и исследователь Я. В. Мищенко, которая в своей работе «Азиатско-Тихоокеанский регион в международном энергетическом сотрудничестве России в XXI веке», ссылаясь на принятую в Российской Федерации «Энергетическую стратегию Российской Федерации до 2030 года», а также на «Энергетическую стратегию Российской Федерации на период до 2035 года», говорит о высокой степени важности энергетического сотрудничества с такими государствами региона, как КНР, Япония, Южная Корея, дабы увеличить долю экспортируемых российскими операторами нефти, газа, а также продуктов из углеводородного сырья. В подобном ключе проводит своё исследование и специалист А. А. Никонова [11, с. 161–164], выдвигающая идею о том, что сотрудничество со странами Востока повысит эффективность энергетической системы России, а также будет способствовать её укреплению с позиции безопасности и конкурентоспособности.

Более того, по мнению автора, проблемы развития отечественного ТЭК в восточном направлении потенциально могут сыграть свою роль в решении задачи «развития отдалённых от центра территорий, создания современной инфраструктуры и сокращения на этой основе оттока населения из районов Восточной Сибири и Дальнего Востока». Упомянутый ранее специалист А. М. Мастепанов [8, с. 18–20] в качестве мер, направленных на выстраивание долгосрочного сотрудничества со странами Азии, весьма точно подмечает важность совместной разработки многосторонних рамочных соглашений на поставку энергоносителей в страны региона АТР, а также необходи-

мость утверждения единообразных правил формирования тарифов на энергоносители наряду с принципами государственного регулирования этих тарифов. В свою очередь, специалист Г. П. Мелян [10, с. 82] в рамках рассмотрения вопроса российско-азиатского энергетического сотрудничества предостерегает от слишком масштабного привлечения ближневосточных и азиатских технологий для российского нефтегазового комплекса, ведь это, по его мнению, может создать невыгодные условия для развития отечественных производителей и в определённой степени поставит российский ТЭК в зависимость от действий партнёров, что отразится на общем фоне реализации стратегий российских корпораций и государственной энергетической политики.

Эксперт В. В. Семикашев [12, с. 32], рассматривая экономическую политику ключевых отраслей российского ТЭК в условиях санкций, предлагает комплексный методический подход к развитию отечественной энергетической системы: исследователь говорит о важности увеличения экспорта в страны восточной Азии, а также об организации поставок углеводородов в третьи страны, однако делает оговорку, что на данный момент реализовать столь масштабные трансформации России будет не так просто по причине нехватки соответствующей экспортной инфраструктуры. Научный коллектив в лице М. Г. Кудиновой, В. В. Козлова, Т. Г. Елистратовой, Л. В. Цивилевой и Р. В. Павлова [14, с. 282], давая оценку состоянию российского ТЭК после введения запрета на поставки российской нефти и газа в Европу, отмечает, что российские партнёры, такие как Индия, Китай и Турция, отказались поддерживать вводимые Западом ограничения и продолжают сотрудничать с Россией. Эксперты положительно оценивают стремление России в общем и отечественного ТЭК в частности к выстраиванию новых партнёрских взаимоотношений с Ираном, Венесуэлой, Кубой, Сирией, а также к стратегическому сотрудничеству с государствами африканского континента. Аналогичной точки зрения придерживается и исследователь И. Н. Серенко [13], которая, иллюстрируя сотрудничество России с новыми партнёрами по линии ТЭК, приводит в пример проект нового газопровода, который будет строиться с долевым участием российского «Газпрома», – экспортный трубопроводный проект «Пакистанский поток». Рассматривая данный трансграничный газопровод, И. Н. Серенко подмечает его обоюдную выгоду для сторон и

существенную роль в деле интенсификации взаимоотношений между странами. Наряду с этим исследователь И. С. Виноградов [4] подчёркивает перспективы более тесного сотрудничества России с Китаем в энергетике. В качестве примера автор приводит создание нового газопровода «Сила Сибири – 2», который сможет удовлетворить растущий спрос Китая на газ в ближайшие десятилетия.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНТРСАНКЦИОННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Безусловно, важной вехой в исследовании проблемы особенностей формирования и реализации энергетической политики России в условиях санкций является изучение вопроса институционализации применения мер, реализуемых в рамках государственной энергетической политики России в условиях санкционных ограничений Запада. В этой связи исследователи предпринимают попытки осмыслить и оценить действия государства, направленные на минимизацию негативного влияния санкций на сектор отечественной энергетики. Стоит отметить, что, фокусируясь на указанной проблематике, специалисты оперируют данными ключевых стратегических документов, которые позволяют не только говорить об актуальных государственных приоритетах в ТЭК, но и делать выводы об их видоизменении ввиду ограничительных мер извне. Группа экспертов С. Н. Сильвестров, В. П. Бауэр, С. А. Побываев и Н. В. Лапенкова [7, с. 40–43], оценивая «Энергетическую стратегию России на период до 2030 г.», приходит к тому мнению, что большая часть её утверждений соответствует реальному положению дел в отечественном энергетическом секторе по состоянию на период с 2014–2018 гг. даже с учётом усиливающейся геополитической турбулентности и неустойчивости мировой экономической системы. Однако для того, чтобы ещё более существенно снизить потенциальные кризисные риски для российской энергетики, был принят новый стратегический документ – «Энергетическая стратегия России на период до 2035 года», который, как отмечают авторы, содержит важные пункты и корректировки касательно более динамичного развития внешней энергетической политики России в азиатском направлении, что реализуется в соответствии с планом по ди-

версификации потоков поставок ресурсов, направленных из Российской Федерации на экспорт. Согласно взгляду авторов на данный вопрос, более активное сотрудничество с регионом АТР и странами СНГ должно происходить на фоне роста доли российских компаний на азиатском энергетическом рынке и при значительном увеличении поставок жидких углеводородов в Китай, Южную Корею, Японию, а также страны бывшего Советского Союза, расположенные в Азии. При этом европейский энергетический рынок специалисты рассматривают в качестве ключевого, однако в этой связи подмечают, что сохранение партнёрских отношений с традиционными потребителями отечественных энергоресурсов должно просто оставаться на стабильном уровне.

Научный коллектив в составе С. Н. Сильвестрова, В. П. Бауэра, С. А. Побываева и Н. В. Лапенковой также выдвигает идею о том, что в складывающихся реалиях стратегической для России является защита интересов в формирующейся системе регулирования мировых энергетических рынков, которая должна быть выстроена таким образом, чтобы в ней были не только защищены интересы и энергетическая безопасность потребителей, но и утверждены гарантии окупаемости вложений в крупные инфраструктурные проекты, производителей энергетического сырья и его продуктов.

Д. А. Кашулин и И. И. Кузнецов также говорят о важности внесённых корректировок в «Энергетическую стратегию России на период до 2030 года» и о фактически его закономерном перетекании в документ «Энергетической стратегии России на период до 2035 года». Исследователи подчёркивают важность осуществления оптимизации товарной структуры экспорта энергоресурсов, которая нацелена на снижение зависимости бюджета от цен на нефть. «Налоговый маневр», который рассматривается в качестве меры в этом ключе, характеризуется авторами как мера, стимулирующая компании вкладывать средства в основной капитал, модернизировать мощности и развивать собственную сбытовую сеть за рубежом. В своём исследовании эксперты также затрагивают проблему неэффективности существующих международных институтов, целью которых являлось изначально справедливое регулирование энергетических рынков, однако из-за политизации существующей энергетической повестки и фактической подконтрольности подобных якобы независимых межгосудар-

ственных структур странам Европы и США решения принимаются исключительно в интересах этих сторон. Исследователь Е. С. Маханьков [8] описывает реализацию государственной энергетической политики России как комплексный процесс, формируемый государственными органами власти, крупнейшими корпорациями и независимыми компаниями сферы отечественного ТЭК. С данным мнением солидарны исследователи Л. А. Исмаилова и Е. Е. Будник [6, с. 19–21], которые рассматривают суммирование отрицательных эффектов санкций и развитие положительных результатов их влияния в качестве основной задачи правительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследовательские работы отечественных учёных можно подразделить на три смысловые группы, образованные по принципу набора механизмов и мер, нацеленных на относительно безболезненный обход Россией режима санкций, введённых недружественными странами.

Вполне оправдано будет выделить следующие авторские подходы к контрсанкционной деятельности России в сфере энергетики:

1) *приоритетно-технологический* (авторы придерживаются концепции детерминантности отечественного технологического суверенитета и идеи импортозамещения как ключевых принципов противодействия санкциям недружественных стран);

2) *дипломатический* (предполагает укрепление корпоративных и межгосударственных связей российских компаний и государственных структур с партнёрами из стран, которые не присоединились к режиму антироссийских санкций; также подразумевает поддержание контактов с бывшими партнёрами из числа недружественных стран для потенциального восстановления отношений в перспективе);

3) *комплексно-институциональный* (исследователи, рассматривающие комплексные меры институционального характера, предполагают, что стратегия противодействия санкциям недружественных стран должна основываться на принципах адаптации корпоративных и административно-политических институтов к ограничительным мероприятиям стран Европы и США, а также выстраивать должную систему защиты от новых волн санкций).

Подводя итог, важно отметить, что взгляды авторов по тематике контрсанкционной политики России в области энергетики, начиная с момента возвращения Крыма в состав России в 2014 г. и продолжая СВО с весьма размытыми перспективами окончания в обозримом будущем, претерпели существенные изменения в части подходов и методов.

Если изначально большая ставка делалась на трансформацию импорта энергетического сырья посредством перенаправления поставок углеводородов через территорию готовых к сотрудничеству регионов Европы (как, к примеру, в случае с «Северными потоками») и в страны Азии, то после описываемых геополитических событий исследователи предлагают более серьезные меры в части укрепления технологического суверенитета, а также выстраивания более плотных взаимосвязей с потребителями из числа стран Юго-Восточной Азии. Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что руководство государства и крупнейшие структуры отечественного ТЭК предпринимают оптимальные и своевременные шаги, нацеленные на минимизацию негативного эффекта от искусственно создаваемых ограничительных барьеров, организованных силами стран Европы и США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманова Л. В., Щигорцова Е. С. Антироссийские санкции Запада: оборотная сторона // Научное обозрение. 2015. №10-2. С. 112–115.
2. Абдулкадыров А. С., Мальсагова Х. С. Современная проблематика импортозамещения критического оборудования в нефтегазовой отрасли России // Журнал прикладных исследований. 2022. №4. С. 306–310.
3. Акулиничева А. В. Импортозамещение, преимущества переориентации товаропотоков в международной торговле в период продления санкций // Молодой ученый. 2016. №10. С. 583–586.
4. Виноградов И. С. Китай и Россия во внешней политике и экономике Туркменистана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. №27. С. 240–253.
5. Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир) / В. В. Бушуев, А. М. Мастепанов, В. В. Первухин, Ю. К. Шафраник. М.: Энергия, 2015. 88 с.

6. Исмагилова Л. А., Будник Е. Е. Дуалистический аспект влияния санкции на развитие топливно-энергетического комплекса России // *Sciences of Europe*. 2016. №6. С. 17–24.
7. Институционализация энергетических стратегий России и ЕС на примере сравнительного анализа документов долгосрочного планирования в области энергетики / С. Н. Сильвестров, В. П. Бауэр, С. А. Побываев, Н. В. Лапенкова // *Journal of Economic Regulation / Вопросы регулирования экономики*. 2018. №2. С. 37–55.
8. Маханьков Е. С. Организационные основы формирования глобальных стратегий вертикально-интегрированных нефтяных компаний в России // *Вестник университета*. 2016. №2. С. 16–21.
9. Мастепанов А. М. Энергетическое сотрудничество в новых геополитических условиях: некоторые оценки и перспективы // *Энергетика и геополитика*. 2020. №1. С. 13–23.
10. Мелян Г. П. Структурные изменения нефтегазовой отрасли региона в условиях санкций // *Проблемы экономики и менеджмента*. 2015. №12. С. 80–84.
11. Никонова А. А. Системные принципы экономических взаимодействий как основа сотрудничества России и стран АТР // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. №3. С. 150–172.
12. Семикашев В. В. Экономическая политика для отраслей ТЭК России в условиях санкций // *Энергетическая политика*. 2022. №8. С. 28–41.
13. Серенко И. Н. Вхождение России в «Пакистанский поток» в русле взаимовыгодного экономического сотрудничества // *Восточная аналитика*. 2022. №1. С. 36–47.
14. Стратегия развития нефтегазовой отрасли России в условиях экономических санкций / М. Г. Кудинова, В. В. Козлов, Т. Г. Елистратова, Л. В. Цивилева, Р. В. Павлов // *Инновации и инвестиции*. 2022. №11. С. 279–284.
15. Шашкина П. А., Родионова Е. В. Импортозамещение в условиях санкций: итоги первого года // *Стандарты и качество*. 2015. №10. С. 107–108.

ARTICLE INFORMATION

Author

Ilya Ye. Katkov

- e-mail: il.kat.2803@mail.ru, Postgraduate student, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Katkov, I. Ye. (2025). Research Areas and Results in the Russian Counter-Sanctions Policy in Energetics. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To systematize results of Russian authors' research specializing in studying the most effective mechanisms and methods of Russia's counter-sanctions policy in the energetics.

Methodology. In the presented study, the views of domestic scientists representing various social and humanitarian disciplines are analyzed, offering different vision on countering the restrictive measures of unfriendly countries. Based on the results of the study, it was concluded that the works of domestic scientists can be divided into semantic groups based on similar set of mechanisms and measures aimed at relatively painless bypass by Russia of the sanctions regime imposed by unfriendly countries.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that the works of Russian scientists can be divided into semantic groups based on a similar set of mechanisms and measures aimed at Russia's relatively painless circumvention of the sanctions regime imposed by unfriendly countries.

Research implications. The classification of approaches to Russia's counter-sanction activities in the energetics has been proposed, among which the priority-technological, diplomatic and complex-institutional approaches stand out. According to the conclusions presented in the final part of this work, the impact of sanctions requires constant study and interdisciplinary scrutiny due to the complexity and comprehensiveness. The mechanisms and methods of countering sanctions from unfriendly countries cannot be fully characterized as specific and extraordinary measures. In this regard,

it was concluded that domestic researchers tend to think that countering sanctions from unfriendly countries is implemented through the adaptation of corporate and government systems, as well as the adjustment of already known institutionally formalized measures implemented in relation to the current situation, which is developing due to the increasing pressure on the domestic fuel and energy complex.

Keywords

counter-sanctions policy, unfriendly countries, politics, Russia, sanctions, fuel and energy complex, energy policy

References

1. Abdrakhmanova, L. V. & Shchigortsova, E. S. (2015). Sanctions against Russia in the West: The Other Side. In: *Scientific Review*, 10-2, 112–115 (in Russ.).
2. Abdulkadyrov, A. S. & Malsagova, H. S. (2022). Modern Issues of Import Substitution Critical Equipment in the Russian Oil And Gas Industry. In: *Journal of Applied Research*, 4, 306–310 (in Russ.).
3. Akulinicheva, A. V. (2016). Import Substitution, Advantages of Trade Flow Reorientation in International Trade During the Extension of Sanctions. In: *Young Scientist*, 10, 583–586 (in Russ.).
4. Vinogradov, I. S. (2022). China and Russia in the Foreign Policy and Economy of Turkmenistan. In: *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 27, 240–253 (in Russ.).
5. Bushuev, V. V., Mastepanov, A. M., Pervukhin V. V. & Shafranik Yu. K. (2015). *Global Energy and Geopolitics (Russia and the World)*. Moscow: Energiya publ. (in Russ.).
6. Ismagilova, L. A. & Budnik, E. E. (2016). Dualistic Aspect of the Sanctions Impact on the Development of the Fuel and Energy Complex of Russia. In: *Sciences of Europe*, 6, 17–24 (in Russ.).
7. Silvestrov, S. N., Bauer, V. P., Pobyvaev, S. A. & Lapenkova N. V. (2018). Institutionalization of Energy Strategies of Russia and the EU Based on Comparative Analysis of Long-Term Planning Documents in the Energetics. In: *Journal of Economic Regulation*, 2, 37–55 (in Russ.).
8. Makhankov, E. S. (2016). Organizational Formation Foundations for the of Global Strategies of Vertically Integrated Oil Companies in Russia. In: *Vestnik universiteta*, 2, 16–21 (in Russ.).
9. Mastepanov, A. M. (2020). Energy Cooperation in New Geopolitical Conditions: Some Assessments and Prospects. In: *Energy and Geopolitics*, 1, 13–23 (in Russ.).

10. Melyan, G. P. (2015). Structural Changes in the Oil and Gas Industry of the Region under Sanctions. In: *Problems of Economics and Management*, 12, 80–84 (in Russ.).
11. Nikonova, A. A. (2016). Systemic Economic Interactions Principles as Basis for Cooperation between Russia and the Asia-Pacific Countries. In: *National Interests: Priorities and Security*, 3, 150–172 (in Russ.).
12. Semikashev, V. V. (2022). Economic Policy for the Russian Fuel and Energy Sector in the Context of Sanctions. In: *Energy Policy*, 8, 28–41 (in Russ.).
13. Serenko, I. N. (2022). Russia's Entry into the "Pakistan Stream" in the Mainstream of Mutually Beneficial Economic Cooperation. In: *Eastern Analytics*, 1, 36–47 (in Russ.).
14. Kudinova, M. G., Kozlov, V. V., Elistratova, T. G., Tsyvilyova L. V. & Pavlov R. V. (2022). Development Strategy for the Oil and Gas Industry of Russia in the Context of Economic Sanctions. In: *Innovations and Investments*, 11, 279–284 (in Russ.).
15. Shashkina, P. A. & Rodionova, E. V. (2015). Import Substitution in the Context of Sanctions: Results of the First Year. In: *Standards and Quality*, 10, 107–108 (in Russ.).

ВЕБ-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ В КОМПАРАТИВИСТСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ОФИЦИАЛЬНОГО НАРРАТИВА, НАРРАТИВА СМИ И ОБЩЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Коротышев Александр Павлович

- e-mail: aleks_korotyshev@mail.ru;
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий
факультета социальных наук;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23,
Российская Федерация

Рыхтик Павел Павлович

- e-mail: rykhtikpavel@fsn.unn.ru;
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий
факультета социальных наук;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23,
Российская Федерация

Для цитирования

Коротышев А. П., Рыхтик П. П. Веб-аналитические инструменты в компаративистском исследовании официального нарратива, нарратива СМИ и общественного нарратива на примере образа семьи и семейной политики // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 26.03.2025
- Статья размещена на сайте 15.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Введение

Лексема «крепкая семья» в информационном пространстве Рунета

Интернет-нарратив по вопросам семьи и семейной политики

Введение школьного курса «Семьеведение» как пример значимого инфоповода в динамике интернет-нарратива

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Статья посвящена методологическому аспекту проблемы исследования нарративов массового сознания.

Процедура и методы. Методика применения веб-аналитического инструментария в рамках социально-политических исследований феноменов массового сознания и технологий их формирования рассматривается на примере анализа сферы ценностного нарратива. Семантической темой веб-аналитического мониторинга в статье выступает сфера государственной семейной политики и её отражение в эмпирических показателях сетевой активности пользователей в русскоязычном пространстве сети Интернет. Для построения выводов об уровне общественного интереса вводится понятие «эмпирические показатели сетевого нарратива» как дискурсивной суммы трёх групп веб-аналитических показателей: официального нарратива, нарратива СМИ и общественного нарратива.

Результаты. По результатам мониторинга делаются выводы о взаимосвязи различных нарративов, затрагивающих вопросы ценностей и формирование образа государственной политики. Общественный нарратив в целом следует за нарративом СМИ, но не определяется им.

Формируя собственный нарратив, крупнейшие информагентства ориентируются в первую очередь на заявления официальных лиц и публикации официальных информационных источников политической власти. В свою очередь, более мелкие, в особенности региональные, СМИ склонны ориентироваться преимущественно на общественный запрос, общественный интерес к теме. Охват СМИкратно превосходит возможности социальных сетей в тех случаях, когда они опираются на официальный нарратив. Однако как только официальный нарратив ослабевает или переключается на другую повестку, мелкие СМИ и социальные медиа получают преимущественное влияние на аудиторию.

Теоретическая значимость. Авторами предлагается модель применения специализированного веб-аналитического инструментария для задач сбора и первичной обработки эмпирических данных при исследовании общественных нарративов в сети Интернет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

веб-аналитика, интернет, нарратив, средства массовой информации, социальные сети, новые медиа, образ семьи, семейная политика

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования и ЭИСИ, проект №1024021300036-4-5.4.1 «Архитектоника образа будущего российского государства в сознании молодёжи современного мегаполиса: региональные модели, факторы формирования, идейно-ценностные размежевания».

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы Российское государство уделяет повышенное внимание семейной социальной политике, что выражается как в реализации масштабных федеральных проектов (таких как завершающийся в 2024 г. нацпроект «Демография» и расширенный нацпроект «Семья», стартующий в 2025 г.), так и в обширной информационной кампании, направленной на продвижение семейных ценностей.

После 2022 г., когда традиционные российские духовно-нравственные ценности, включая и семейные, получили официальное толкование и нормативное закрепление в форме

Президентского указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», начал формироваться официальный нарратив по вопросам семьи и семейной политики. Он был представлен заявлениями и выступлениями официальных лиц, программными статьями, публикациями крупных СМИ. Ответной реакцией общества стал нарратив общественный. Он возник как реакция граждан на государственные инициативы и информационную кампанию в СМИ и развивался главным образом на небольших интернет-площадках, в социальных сетях, в комментариях к новостям. При этом СМИ, с одной стороны, следовали общей логике официальной позиции, а с другой, ориентировались на интересы и запросы своей аудитории.

Сравнительное изучение двух тесно взаимосвязанных, но всё же не повторяющих друг друга нарративов (официального и общественного) представляет большой интерес, поскольку:

- во-первых, именно под их воздействием в общественном сознании создаётся образ государственной семейной политики, который во многом формирует представления граждан о перспективах создания семьи и в конечном итоге конструирует мотивации социального и политического поведения;
- во-вторых, выявление синергетических взаимосвязей, существующих между официальным нарративом и его восприятием аудиторией, позволит оценить эффективность государственной информационной политики;
- в-третьих, важное значение имеет разработка прикладных методов мониторинга нарративов в информационном пространстве.

Настоящая работа ставит своей целью компаративистский анализ официального нарратива, нарратива СМИ и общественного нарратива по вопросам семьи и семейной политики.

«Нарратив» как семантическая категория достаточно часто встречается в отечественной политологии: как в теоретических [11, с. 86], так и в прикладных [4, с. 60–62] исследованиях. Предполагается, что нарративы не только отражают реальность, но и формируют её, указывая на способы интерпретации человеческого опыта и ценностные установки в рамках определённой языковой среды. Кроме того, нарратив имеет субъективный, аксиологичный и эмоциональный характер, что делает его частью семантических технологий, позволяющих

создавать политически окрашенные тексты, воздействующие на процессы формирования массовых мнений и оценок. При этом продолжаются поиски прикладных методов мониторинга, количественного и содержательного анализа различных нарративов [6, с. 120].

Среди важных областей политологии, связанных с проблематикой нарратива, можно отметить: проблемы противодействия «фейковой» политической информации в СМИ [2, с. 100]; противостояние деструктивным практикам мобилизации памяти [9, с. 99]; обеспечение цифрового суверенитета РФ [5, с. 848]. Методически проблемным элементом исследований в данной сфере выступает главным образом этап сбора эмпирических данных, качественные и количественные характеристики которых в дальнейшем позволяют выстраивать содержательные выводы о закономерностях развития социально-политического процесса.

Постепенно складывается практика, когда исследования проблем политического нарратива строятся на базе анализа не только нормативных актов, выступлений официальных лиц и материалов СМИ классического формата, но и «новых медиа» [8, с. 30]. В отдельных методических работах отмечается, что важным инструментарием для эмпирического изучения «новых медиа» служат коммерческие программные алгоритмы или веб-аналитические системы мониторинга медиа, предоставляющие различные типы данных о публикациях в сети [3, с. 43]. Данный тип эмпирики, помимо текста самой публикации, содержит важные метаданные о реакции на текст пользователей глобальной сети: статистику «лайков», репостов, число просмотров и комментариев и др. Специальные веб-аналитические сервисы позволяют осуществлять мониторинг этих показателей [7, с. 70]. В связи с тем фактом, что технологии политической коммуникации по своей форме мало отличны от технологий коммуникации с аудиторией в сфере маркетинга и рекламы [10, с. 173] – лишь структурой группы акторов, распространяющих социально-политическую информацию, и характеристиками целевой аудитории [1, с. 21], становится возможным использовать указанные инструменты и при сборе данных для анализа социально-политических проблем, связанных с процессами формирования дискурсов и нарративов. В частности, они вполне применимы к изучению официального и общественного нарративов по вопросам семьи и семейных ценностей.

ЛЕКСЕМА «КРЕПКАЯ СЕМЬЯ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА

В рамках настоящей статьи проводилось эмпирическое исследование информационного пространства Рунета на предмет развития нарративов по вопросам семьи и семейных ценностей.

В качестве программно-технологического инструментария исследования выступил онлайн-сервис «Пресс-индекс»¹. «Пресс-индекс» – это сетевая онлайн-платформа мониторинга и анализа сетевой активности, обладающая обширной базой источников (более 5 000 печатных СМИ, более 80 000 интернет-СМИ, более 600 информационных агентств и более 30 000 зарубежных СМИ). Обращаясь напрямую к API-интерфейсу социальных сетей, мессенджеров, агрегаторов, новостных сайтов (Телеграмм, ВКонтакте, Одноклассники, Дзен, Rutube, Пикабу, Twitter, YouTube, Facebook², Instagram³, Tiktok и др.), «Пресс-индекс» позволяет делать подборки пользовательских сообщений с любыми интересующими исследователей лексемами. Кроме того, авторы обращались к онлайн-сервису «WordStat» от компании «Яндекс»⁴, который предоставляет статистику пользовательских запросов в едином поисковом сервисе. Активность поисковых запросов отражает степень общественного интереса к исследуемой тематике: как прямого (когда пользователи искренне интересуются данной проблемой), так и косвенного (когда проблему актуализируют административными методами, например, задавая школьникам эссе про семейные ценности). Число поисковых запросов является одним из наиболее объективных показателей общественного интереса, поскольку пользователи вводят в поисковую строку только то, что по каким-либо причинам их действительно интересует. В настоящий момент считается, что этот показатель не подвер-

¹ «Пресс-индекс» – сервис, предоставляющий программное обеспечение для задач мониторинга медиа. URL: <https://pressindex.ru> (дата обращения: 22.08.2024).

² Принадлежит Meta Platforms Inc., которая признана экстремистской организацией на территории РФ – (прим. ред.).

³ Принадлежит Meta Platforms Inc., которая признана экстремистской организацией на территории РФ – (прим. ред.).

⁴ «WordStat» – сервис компании Яндекс, предоставляющий данные о запросах пользователей в поисковом сервисе «Яндекс». URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 22.08.2024).

жен искажениям, вызываемым проплаченным постингом и другими подобными технологиями интернет-продвижения.

Вначале приведём некоторые общие оценки распространённости в информационном пространстве Рунета лексемы «крепкая семья», отдельно в виде словосочетания и отдельно в форме употребления слов «крепкий» и «семья» в одной публикации, а также в формате упоминания словосочетания «крепкая семья» с лексемами «государство», «Россия», «проект» и «традиции» (табл. 1). Поясним, что именно формулировка «крепкая семья» используется в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» №809 от 9 ноября 2022 г., где «крепкая семья» прямо отнесена к группе традиционных ценностей РФ⁵. В таблице 1 также приводится статистика употребления словосочетания «расторжение брака», дискурсивно противостоящего в нарративе понятию «крепкая семья».

Таблица 1 / Table 1

Эмпирические показатели сетевого нарратива по лексеме «крепкая семья» (с рядом сочетаний) и лексеме «расторжение брака» (1 января – 31 августа 2024 г., данные сервиса «Пресс-индекс»), ед. / Empirical indicators of the network narrative for the lexeme “strong family” (with a number of combinations) and the lexeme “divorce” (January 1 – August 31, 2024, data from the Press Index service), unit

	Традиционные СМИ	Соцсети без «Телеграма»	«Телеграм»	Поисковые запросы
«крепкий» и «семья»	169287	896827	161270	181299
«крепкая семья»	33096	188926	36565	181300
«расторжение брака»	80055	245680	20391	533018
«крепкая семья» и «государство»	6202	27198	3965	2863
«крепкая семья» и «Россия»	22951	73072	15507	49524

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации №809 от 9 ноября 2022 г. // ГАРАНТ: информационно-правовая система: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/405579061/> (дата обращения: 22.08.2024).

Окончание Таблицы 1 / Table 1.

	Традиционные СМИ	Соцсети без «Телеграма»	«Телеграм»	Поисковые запросы
«крепкая семья» и «проект»	14918	43173	9547	7074
«крепкая семья» и «традиции»	10508	31924	5836	2149

Некоторые выводы по результатам данного мониторинга. При выборке с января по август 2024 г. слова «крепкий» и «семья» совместно, но не обязательно связано, в публикациях и комментариях русскоязычных телеграм-каналов встречались 161270 раз. Из них как словосочетание «крепкая семья» в различных формах – 36565 раз. Топ-3 телеграм-канала, где это словосочетание использовалось за год чаще всего, следующие: «Министерство труда и соцзащиты Рязанской области» (199 раз), «Татьяна Буцкая»⁶ (117 раз), «Readovka» (113 раз).

Видно также, что в иных русскоязычных социальных сетях, исключая «Телеграм», за период мониторинга словосочетание «крепкая семья» появлялось 188926 раз, что лишь в 5,2 раза превышает показатель упоминаемости только в «Телеграме». В традиционных СМИ различных уровней за период мониторинга словосочетание «крепкая семья» появлялось 33096 раз, что сопоставимо с показателем упоминаний в «Телеграм». Доля совместного упоминания в публикациях и комментариях в социальных сетях вне «Телеграм» словосочетаний «крепкая семья» и «государство» составила 14% от общего числа упоминаний лексики «крепкая семья» (27198 раз), а в классических СМИ – 19% (6202 раза). Тогда как в пространстве каналов «Телеграм» доля таких упоминаний самая низкая и составляет менее 11%.

В качестве дополнения к анализу можно рассмотреть число упоминаний дискурсивно антонимичных нарративных понятий. Так, дискурсивно противостоящее в нарративе понятию «крепкая семья» словосочетание «расторжение брака» упоминалось в «Телеграме» в период мониторинга 20391 раз, что

⁶ Телеграм-канал депутата Буцкой Татьяны Викторовны – первого заместителя председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. URL: <https://t.me/s/TatianaButskaya> (дата обращения: 22.08.2024).

вдвое меньше упоминаний словосочетания «крепкая семья». При этом, к примеру, в сочетании с тегом «государство» словосочетание «расторжение брака» упоминалось 744 раза. Это составляет 4% от числа упоминаний понятия против 11% упоминаний «крепкая семья» + «государство» и косвенно позволяет судить о низкой ассоциации с государством в нарративе семейных проблем, ведущих к процессу развода. Отметим, однако, что низкие показатели употребления пользователями словосочетания «расторжение брака» могут быть также связаны с определённым «канцеляризмом» подобной лексики.

Указанные показатели в совокупности свидетельствуют о значительной связи нарративного понятия «крепкая семья» с государственной политикой России по продвижению традиционных ценностей. Она прослеживается прежде всего в СМИ официального характера, но также и в рамках политического контента в социальных сетях и в телеграм-каналах.

Следует отметить, что в наиболее популярных у аудиторий от 12 до 34 лет телеграм-каналах: «Топор 18+», «Топор Live», «Леонардо Дайвинчик», «Mash», «Прямой Эфир», «MELLSTROY BONUS», «MELLSTROY ДВИЖ» (по версии исследовательской компании «Mediascope»⁷) – словосочетание «крепкая семья» за период с января по август 2024 г. не встречалось. А в двух каналах, популярных у аудиторий от 35 до 44 лет, от 45 до 54 лет и 55+ лет («Мир сегодня с «Юрий Подоляка»» и «СОЛОВЬЁВ») словосочетание упоминалось суммарно 9 раз, в прямом контексте (поздравление с созданием семьи и т. п.) или, например, при анонсе / рекламе в телеграм-канале сериала «Многодетство» (2024), посвящённого в том числе и семейным ценностям.

Даже подобный экспресс-замер позволяет обнаружить определённые ценностные размежевания, существующие в нарративах по вопросам семьи и семейных ценностей. Мониторинг с применением программного инструментария «Пресс-индекс», WordStat и других подобных сервисов обладает большим потенциалом как в части выработки рекомендаций для медиакампаний по продвижению определённого социально-политического нарратива у определённой аудитории, так и в части изучения общественных настроений.

⁷ Ачкасова К. Медиаатренды 2024 // Медиаскоп: [сайт]. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/82a/azh2s3pelef0ddsbug69odhl1nulmiy/Mediascope_%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%8B%202024.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

Методологический посыл настоящей статьи, помимо прочего, предполагает, что, применяя подобный веб-аналитический инструментарий, возможно судить об уровне общественного интереса пользователей русскоязычного пространства сети Интернет к определённой тематике. На взгляд авторов, полная научная картина этого общественного интереса в российском информационном пространстве может быть представлена в виде «дискурсивной суммы»: во-первых, количественных показателей нарратива по теме в крупных СМИ, транслирующих официальную позицию, во-вторых, количественных показателей нарратива по теме во всех СМИ в целом и, в-третьих, количественных показателей общественного нарратива по теме в виде веб-аналитических метрик «посты», «лайки», «репосты» и проч., отражающих сетевую активность пользователей. Кроме того, важны и сопоставления временной динамики трёх типов количественных показателей относительно друг друга. Для обеспечения методических задач данного подхода авторы используют понятие «эмпирические показатели сетевого нарратива», включающее в себя три обозначенных группы количественных показателей. Последние измеряются при помощи инструментов веб-аналитического мониторинга по определённым лексемам, выступающим семантическими составляющими конкретного сетевого нарратива.

ИНТЕРНЕТ-НАРРАТИВ ПО ВОПРОСАМ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Далее разберём пример веб-аналитического мониторинга лексем, отражающих нарратив по проблемам семьи и семейной политики. Мониторинг проводился по трём группам источников.

В первую группу источников «ТОП СМИ» вошли: «Российская газета» (как официальный печатный орган Правительства РФ) и 10 российских новостных сайтов, которые лидировали летом 2024 г. по числу цитирований в глобальной сети. Последние были определены исходя из данных трёх авторитетных российских рейтингов: рейтинга сервиса «Brand Analytics»⁸, рейтинга

⁸ «Активная середина лета». Топ-20 виральных русскоязычных медиаресурсов, июль 2024 // Brand Analytics: [сайт]. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/top-20-july-2024> (дата обращения: 10.08.2024).

компании «Медиалогия»⁹ и аналитического рейтинга сервиса «Пресс-индекс». В выборку исследования вошли 10 сайтов информагентств, попавшие в каждый из указанных рейтингов («РИА Новости», «ТАСС», «Лента.ру», «РБК», «Газета.ru», «Russia Today», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Царьград»). На уровне методологического посыла авторам представляется, что официальный печатный орган Правительства выражает официальную позицию власти и политической элиты и использует свойственный ей нарратив. Ведущие информационные агентства транслируют этот нарратив в информационное пространство. Эмпирические показатели этой группы отражают официальный нарратив.

Во вторую группу вошли все аккредитованные российские СМИ (как печатные, так и электронные), индексируемые онлайн-сервисом «Пресс-индекс» – всего более 120 000 медиаисточников. Подавляющее большинство из них представляют собой небольшие региональные СМИ и интернет-сообщества, которые, в отличие от крупнейших информагентств, не всегда ориентируются на официальную повестку и пытаются более гибко подстраиваться под интересы целевой аудитории. Эмпирические показатели второй группы характеризуют информационное пространство СМИ и нарратив СМИ.

В третью группу вошли показатели сетевой активности пользователей социальных сетей, зафиксированные при помощи онлайн-сервиса «Пресс-индекс». Далее в таблицах приводятся данные по социальным сетям «Телеграм» и «ВКонтакте». Представляется, что посты пользователей в социальных сетях отражают общественный нарратив, хотя и формирующийся под влиянием СМИ, но далеко не всегда следующий за ним.

По каждой из трёх групп проводился мониторинг по нескольким ключевым лексемам, отражающим образ семейной политики государства (с учётом различных словоформ и контекстов). В таблицах ниже приводится число публикаций (для СМИ) и постов (для соцсетей). Дополнительно фиксируется показатель охвата публикации. Охват – это число пользовательских аккаунтов, имевших возможность увидеть публикацию с целевой лексемой. Его не следует отождествлять с числом пользователей: к примеру, если 1 пользователь состоит

⁹ Топ-30 самых цитируемых Интернет-ресурсов – июнь 2024 // Медиалогия: [сайт]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13256/#internet> (дата обращения: 10.08.2024).

в 4 группах в соцсетях и подписан на 2 новостных канала, то это даст охват в 4. Данный показатель отражает степень проникновения информации в пространство Рунета, т. е. желание постеров размещать информацию, а пользователей – подписываться на источники, её размещающие.

Кроме того, исследование опирается на данные о числе пользовательских запросов, зафиксированных с помощью упомянутого выше сервиса «WordStat».

Эмпирические данные показателей сетевого нарратива приведены в таблицах (табл. 2, 3, 4, 5, 6).

«Семейная ипотека» – наиболее распространённая в российском информационном пространстве лексема, связанная с семейной политикой. С января по май 2024 г. общественный интерес к ней стабильно, но не слишком быстро возрастал. Затем происходит резкий рост употребления лексемы с июня по август 2024 г. по запросам в «Яндексе», постам во «ВКонтакте» и «Телеграме». В ТОП-СМИ же подобный рост с июня по август 2024 г. не заметен, но рост охвата лексемы в рамках всех СМИ сопоставим с ростом показателей в «Яндексе», во «ВКонтакте» и «Телеграме».

Представляется, что такая картина отражает следующую ситуацию. Семейная ипотека – востребована в обществе и служит постоянным объектом внимания. Когда Правительство объявляет о завершении программ льготной ипотеки с 1 июля 2024 г., центральные СМИ начинают писать об этом на 63,9% чаще (в июле по отношению к маю), СМИ в целом – на 158%. В то же время число постов в «Телеграме» возрастает на 190,6%, во «ВКонтакте» – на 272.2%. Общественный нарратив отражает беспокойство по поводу перспектив семейной ипотеки, и вследствие этого повышается внимание к соответствующим публикациям СМИ – их охват демонстрирует впечатляющий рост на 399%. Вполне соответствует этой картине и рост числа поисковых запросов на 113,7%.

Вполне сравнимые с «семейной ипотекой» показатели нарратива СМИ демонстрирует лексема «материнский капитал» (табл. 3). При этом, судя по числу поисковых запросов пользователей, она заметно более востребована в обществе.

Динамика общественного интереса к данной лексеме достаточно стабильна, поскольку материнский капитал – давняя и уже привычная обществу программа. Обращает на себя внимание снижение публикационной активности СМИ по данно-

му вопросу в июне 2024 г., что вполне может быть связано с сезонными факторами. Однако активность социальных сетей в этот период не падает (или падает не столь значительно). То же можно сказать и об охвате СМИ. Таким образом, обратная сторона общественной востребованности и популярности состоит в том, что тема обсуждается в обществе постоянно. Если официальный нарратив по каким-либо причинам ослабевает, общественный нарратив продолжает развивать тему, интерпретируя её исходя из собственных представлений. Это отвлекает внимание общества от официальной позиции политической элиты: с мая по июнь число публикаций в ТОП-СМИ падает на 41,8%–53,8%.

Другая востребованная в общественном нарративе тематика – это социальные выплаты, чаще всего выражаемые лексемой «выплаты на детей» (табл. 4).

В случае со словосочетанием «выплаты на детей» приведённая статистика показывает возможности общественного нарратива развиваться независимо от нарратива официального: с января (когда были сильны надежды на новые социальные выплаты в новом году и фиксировался всплеск интереса к теме) по май все показатели сетевой активности устойчиво падали. В июне активность ТОП-СМИ продолжает снижаться, в то время как во «ВКонтакте» и в «Телеграме» заметно оживление – число постов и их охват нарастают. Это подтверждается и ростом числа поисковых запросов. На такой рост общественного интереса более чутко реагируют массовые СМИ, наращивая в июне число публикаций на востребованную обществом тему и их охват. В следующем месяце этот тренд поддерживают и ТОП-СМИ: при этом число их публикаций на 25,8% меньше январского пика, а охват – на 6,3% больше. В данном случае ТОП-СМИ вынуждены следовать за общественным интересом.

Обратимся к эмпирическим показателям сетевого нарратива по лексеме «программа «Молодая семья»» (табл. 5).

На сравнении с мониторингом по предыдущим лексемам видно, что количественные показатели публикаций и охвата словосочетания «программа «Молодая семья»» кратно меньше и в среднем составляют около 1–10% от абсолютных показателей в таблицах 2–4. Основных факторов, способствующих данному эффекту, можно выделить два. Во-первых, данная программа направлена на узкую категорию в рамках целевой аудитории нарратива о семейной политике и в целом сама по

себе не так популярна и известна, как, например, программа семейной ипотеки. Во-вторых, даже имея интерес к лексеме, пользователи и авторы СМИ редко упоминают её в полной формулировке – «программа «Молодая семья»». Сокращение же формулировки в рамках мониторинга охватывает слишком большие объёмы нерелевантных публикаций по сторонним темам. Тем не менее лексема также «живёт» в сетевом нарративе, и её показатели по месяцам отражают определённую динамику. Пик публикаций по всем группам и запросам приходится на февраль, затем тема выходит на определённое «плато» по всем показателям и группам, которое сохраняется до конца периода мониторинга везде, исключая показатели ТОП-СМИ, которые резко сокращаются к августу ввиду малой сезонной актуальности данной темы, возможно, только на взгляд авторов ТОП-СМИ.

Из общего обзора приведённых данных можно констатировать, что СМИ, во-первых, поддерживают традицию перепечатки информации о ключевых государственных программах и следуют официальному нарративу, а во-вторых, стараются давать материал, потенциально интересный широкой аудитории, для её привлечения. Можно предположить, что по лексеме «выплаты на детей» охваты «официального» и «социального» нарративов сходятся больше, поскольку лексема и касается острого для большинства материального вопроса, и использует универсально понятную большинству полуофициальную формулировку. В то же время по лексемам «материнский капитал» и «программа «Молодая семья»» производство официального нарратива превалирует над «социальным» ввиду сравнительно малого общественного интереса к нарративу о семейной политике через призму именно этих официальных, возможно «канцеляристских», лексем. В свою очередь, по лексеме «семейная ипотека», наоборот, социальный нарратив в период мониторинга превзошёл по веб-аналитическим показателям официальный.

ВВЕДЕНИЕ ШКОЛЬНОГО КУРСА «СЕМЬЕВЕДЕНИЕ» КАК ПРИМЕР ЗНАЧИМОГО ИНФОПОВОДА В ДИНАМИКЕ ИНТЕРНЕТ-НАРРАТИВА

Описываемый метод анализа интернет-нарратива может применяться и для мониторинга реакции общества на отдель-

ные события, процессы и инфоповоды, связанные с продвижением семейных ценностей и реализацией государственной семейной политики. В качестве примера приведём анализ эмпирических показателей сетевого нарратива, сформировавшегося в 2024 г. вокруг введения в программу обучения старшеклассников предмета «Семьеведение». Об этой инициативе сообщила заместитель Председателя Правительства России Татьяна Голикова 4 апреля 2024 г. в ходе совещания Президента РФ с членами Правительства¹⁰. Она, в частности, пояснила, что «это не будет уроком в привычном понимании. Важно, чтобы это был доверительный и деликатный разговор между учителем и детьми с обратной связью, направленный на формирование позитивного отношения к созданию семьи»¹¹.

Это заявление спровоцировало заметное общественное обсуждение, которое можно охарактеризовать следующими эмпирическими данными (табл. 6).

Приведённые данные по лексеме «семьеведение» в комплексе с содержательным анализом позволяют восстановить полный цикл реакции общества на новости о введении в школе предмета «Семьеведение». В январе 2024 г. ведущие СМИ сообщали об обсуждении некоторыми представителями элиты необходимости введения нового предмета, описывали опыт его преподавания в различных учебных заведениях. Конкретной информации о намерении ввести предмет на официальном уровне, его форме и содержании ещё не было. Поэтому СМИ в массе своей этот вопрос не обсуждали.

Однако в социальных сетях уже существовали обширные сообщества, активно обсуждавшие данный вопрос. Не получая подробной официальной информации, сетевое сообщество выдвигает собственные версии, делится своими предположениями, распространяет неподтверждённые слухи. Общественная дискуссия вокруг преподавания «Семьеведения» развернулась главным образом в сетях «Телеграм» и «ВКонтакте». С января по март число постов «ВКонтакте» с лексемой «семьеведение»

¹⁰ Совещание с членами Правительства от 4 апреля 2024 г. // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73795> (дата обращения: 14.08.2024).

¹¹ С нового учебного года в школах будет введён курс внеурочных занятий «Семьеведение» // Министерство просвещения РФ: [сайт]. URL: <https://edu.gov.ru/press/8303/s-novogo-uchebnogo-goda-v-shkolah-budet-vveden-kurs-vneurochnyh-zanyatiy-semevedenie/?ysclid=m0ez6uink0352683663> (дата обращения: 14.08.2024).

выросло на 112,9%, а их охват – на 131%. «Телеграм», имевший заметно меньшие абсолютные показатели числа постов и охвата, демонстрировал куда более быструю скорость распространения информации и темпы прироста сетевой активности: 227,9% по постам и 271,9% по охвату за тот же период. Более быстрый в сравнении с ростом постов рост охвата свидетельствует, что интерес к рассматриваемой тематике проявлялся не только у активной аудитории (тех, кто пишет посты), но и у тех, кто ограничивается чтением и репостом.

В апреле активность ТОП-СМИ в освещении ситуации с введением предмета «Семьеведение» заметно возрастает. После заявления Т. Голиковой официальные лица начинают комментировать это как уже принятое решение. Это вызывает рост публикаций в СМИ сразу на 294% и охвата – на 6531,5% (в сравнении с предыдущим месяцем), что позволяет заключить, что именно в апреле СМИ активно продвигали данную тематику. В то же время активность обсуждений в социальных сетях падает: число постов и охват публикаций в «Телеграме» и «ВКонтакте» начинают снижаться. В этот же период на 344,5% по отношению к предыдущему месяцу возрастает число запросов в поисковом сервисе «Яндекс». Это – признак того, что, по крайней мере, часть общества старается отойти от обсуждений в соцсетях и ориентироваться на официальный нарратив.

В мае эксперты и общественность получают возможность обсуждать конкретное содержание курса и проблемы его имплементации в школьную программу. 31 мая 2024 г. утверждается программа курса внеурочной деятельности «Семьеведение». Но это уже не вызывает былого общественного интереса: в мае все показатели заметно снижаются, включая и число пользовательских запросов.

В июне СМИ заметно снижают интерес к данной теме, однако общество, по всей видимости, склонно продолжить её обсуждение: в июне наблюдается устойчивый рост сетевой активности в социальных сетях, а также рост поисковых запросов на 60,6%.

В июле и августе в связи с приближением учебного года рядовые СМИ вновь актуализируют обсуждение «Семьеведения» – показатели их активности кратно возрастают. При этом активность ведущих ТОП-СМИ в целом остаётся на уровне весны, а август характеризуется падением охвата на 25,6% к предыдущему месяцу. В социальных сетях август как месяц, пред-

шествующий учебному году, знаменовался ростом показателей сетевой активности: число постов «Телеграма» выросло на 13%, их охват – на 80,2%; во «ВКонтакте» был зафиксирован рост числа постов на 31,2% и падение охвата на 10,6%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы о взаимосвязи различных нарративов, затрагивающих вопросы традиционных семейных ценностей и формирование образа государственной семейной политики:

1. Общественный нарратив в целом следует за нарративом СМИ, но не определяется им. В том случае, если общество не получает информации по актуальному вопросу из официальных источников, оно само генерирует информацию по теме, в т. ч. противоречивую и недостоверную.

2. По динамике числа публикаций и их охвата хорошо заметно, что, формируя собственный нарратив, крупнейшие информагентства ориентируются на официальные заявления, в то время как более мелкие СМИ склонны ориентироваться на общественный запрос. Так, крупные СМИ активнее обсуждали тему «Семьеведение» в апреле, после заявления Т. Голиковой, а более мелкие – в августе, в преддверии учебного года. Или в случае с темой «семейной ипотеки» колебания показателей лексемы в мониторинге соотносятся с новостями об отмене программы льготной ипотеки или изменении ключевой ставки.

3. Когда СМИ опираются на официальный нарратив, их охват кратно превосходит возможности социальных сетей. Однако, когда официальные информационные источники уже не уделяют ранее поднятой теме внимания, она продолжает развиваться в рамках новых медиа. При этом тема «живёт» через призму нарративов канцеляристского характера, «обрастает» необоснованными слухами и умозрительными рассуждениями зачастую некомпетентных пользователей. Отметим также, что показатели сетевой активности пользователей социальных сетей имеют тенденцию временно сохранять ранее достигнутый уровень, если тема касается витальных для большинства вопросов и представлена через призму понятных большинству формулировок. В последнем случае поддержание уровня интереса обуславливается и тем, что сопровождается отражением

темы во множестве мелких СМИ, не входящих в федеральный пул и борющихся за интерес аудитории.

Таким образом, пользователи интересуются СМИ как выразителями официальной позиции. Пока официальный нарратив совпадает с нарративом СМИ и направляет его, они совместно могут определять общественную повестку. При этом ТОП-СМИ ориентируются на официальный нарратив и увлекают за собой рядовые СМИ. Если же официальный нарратив ослабевает, ТОП-СМИ тоже теряют интерес к теме. Тогда пользователи сами развивают свой общественный нарратив в новых медиа, за которым в погоне за вниманием аудитории начинают следовать уже и рядовые СМИ.

Таблица 2 / Table 2

Эмпирические показатели сетевого нарратива по лексеме «семейная ипотека» (1 января – 31 августа 2024 г., данные сервиса «Пресс-индекс») / Empirical indicators of the network narrative for the lexeme “family mortgage” (January 1 – August 31, 2024, data from the Press Index service)

	Янв. 2024	Фев. 2024	Март 2024	Апр. 2024	Май 2024	Июнь 2024	Июль 2024	Авг. 2024
ТОП-СМИ	Число публикаций	116	180	133	123	111	168	182
	Охват публикаций	149660246	240053222	181700329	168795924	186532829	248616299	286856934
СМИ в целом	Число публикаций	4971	7731	8775	7010	5598	8273	14442
	Охват публикаций	1309701954	2511365238	1982210691	1394088470	1963486332	5673636838	9795731328
Telegram	Число постов	6133	12846	10633	9733	7412	9479	21544
	Охват публикаций	98296349	209543421	125594811	152036001	115223947	176379480	328427258
Вконтакте	Число постов	6161	17601	16853	12298	11441	16987	42585
	Охват публикаций	105748662	259543792	204640086	166936562	167650695	269249444	673798260
Число пользователей запросов на поисковом портале «Яндекс»		364237	399347	432346	385642	448013	536449	957529
								667423

Таблица 3 / Table 3

Эмпирические показатели сетевого нарратива по лексеме «материнский капитал» (1 января – 31 августа 2024 г., данные сервиса «Пресс-индекс») / Empirical indicators of the network narrative for the lexeme "maternal capital" (January 1 – August 31, 2024, data from the Press Index service)

	Янв. 2024	Фев. 2024	Март 2024	Апр. 2024	Май 2024	Июнь 2024	Июль 2024	Авг. 2024
ТОП-СМИ	Число публикаций	178	202	147	146	129	170	95
	Охват публикаций	189723544	202825608	189735403	189118340	201883998	265391137	126278056
СМИ в целом	Число публикаций	17127	13512	13046	10038	9797	14416	9774
	Охват публикаций	9660907361	7400564615	4038079117	4166152167	4940374576	6367189020	6026714723
Telegram	Число постов	14697	14943	10733	8533	7844	14970	10658
	Охват публикаций	187719847	173068116	119409208	95920965	101857330	169529976	84497153
ВКонтакте	Число постов	40871	40548	41325	34141	34918	58117	56121
	Охват публикаций	733253790	592199823	641266856	441009437	497847360	777870812	642059086
Число пользовательских запросов на поисковом портале «Яндекс»		1512696	1228343	1034700	908241	913627	917440	916840

Таблица 4 / Table 4

Эмпирические показатели сетевого нарратива по лексеме «Выплаты на детей» (1 января – 31 августа 2024 г., данные сервиса «Пресс-индекс») / Empirical indicators of the network narrative for the lexeme “Child benefits” (January 1 – August 31, 2024, data from the Press Index service)

	Янв. 2024	Фев. 2024	Март 2024	Апр. 2024	Май 2024	Июнь 2024	Июль 2024	Авг. 2024
ТОП-СМИ	Число публикаций	62	32	27	44	24	46	32
	Охват публикаций	70322241	38156127	30718127	50220371	33098217	74738108	49743900
СМИ в целом	Число публикаций	7325	3680	3113	3091	2226	4271	3142
	Охват публикаций	3813343975	1283939856	974059590	1180654957	1081849268	1890368970	2089438576
Telegram	Число постов	4025	2253	2337	2948	1879	3670	3236
	Охват публикаций	45040184	28089226	46159035	42393770	23599462	36283305	34977328
ВКонтакте	Число постов	11049	6739	8009	9441	5752	9472	10915
	Охват публикаций	413636716	290924484	312257278	171614298	283415628	376237539	410264633
Число пользовательских запросов на поисковом портале «Яндекс»		494612	409205	497727	372538	333042	496010	462897

Таблица 5 / Table 5

Эмпирические показатели сетевого нарратива по лексеме «программа “Молодая семья”» (1 января – 31 августа 2024 г., данные сервиса Пресс-индекс) / Empirical indicators of the network narrative for the lexeme “Young Family program” (January 1 – August 31, 2024, Press Index service data)

	Янв. 2024	Фев. 2024	Март 2024	Апр. 2024	Май 2024	Июнь 2024	Июль 2024	Авг. 2024
ТОП-СМИ	Число публикаций	6	20	6	1	1	3	1
	Охват публикаций	4867248	22695477	5176302	5252543	580023	1263333	4059791
СМИ в целом	Число публикаций	325	1307	513	796	341	384	239
	Охват публикаций	485947044	1024099365	401696069	398414767	266876805	401006793	274760952
Telegram	Число постов	297	1818	480	423	343	412	1122
	Охват публикаций	2056797	34230465	4505138	2951608	4700041	1584546	2798277
ВКонтакте	Число постов	709	9644	1136	1122	1034	1057	1993
	Охват публикаций	14122745	61048316	27477318	15593407	28425128	31574716	22650491
Число пользовательских запросов на поисковом портале «Яндекс»		86358	117175	80974	65131	63010	54942	54282
								52904

Таблица 6 / Table 6

Эмпирические показатели сетевого нарратива по лексеме «семьеведение» (1 января – 31 августа 2024 г., данные сервиса «Пресс-индекс») / Empirical indicators of the network narrative for the lexeme «family studies» (January 1 – August 31, 2024, data from the Press Index service)

	Янв. 2024	Фев. 2024	Март 2024	Апр. 2024	Май 2024	Июнь 2024	Июль 2024	Авг. 2024
ТОП-СМИ	Число публикаций	9	11	7	14	4	5	7
	Охват публикаций	10755822	15149156	11112119	16153588	7519999	4379782	12383359
СМИ в целом	Число публикаций	0	93	50	197	58	0	145
	Охват публикаций	0	10133401	3418561	226701799	7293875	0	96556715
Telegram	Число постов	1558	2423	5108	4528	2666	3813	4701
	Охват публикаций	23982640	50031466	89194552	77098092	15212858	32487347	33736085
ВКонтакте	Число постов	6953	8443	14802	13164	8654	12058	16627
	Охват публикаций	235790314	391181952	567909145	545018567	272886780	723006147	1162310332
Число пользователей запросов на поисковом портале «Яндекс»	5822	8179	5462	24279	9084	14588	20817	98027

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Д. Ф., Саркисов В. Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления политической PR-коммуникацией // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. №1. С. 21–38.
2. Зайцев А. В., Ахунзянова Ф. Т. Типология фейков о Спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере // Коммуникология. 2023. №4. С. 100–111.
3. Кучумов А. В., Тестина Я. С. CRM-системы: история, сущность, классификация // Экономический вектор. 2022. №1. С. 41–46.
4. Магун А. В., Микиртумов И. Б., Пархоменко А. А. Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. №57. С. 60–73.
5. Ромашкина А. Б., Киричук Д. А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. №4. С. 848–861.
6. Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2012. №3. С. 116–128.
7. Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020–2021 гг. / Р. В. Парма, М. А. Давыдова, М. А. Сушкевич, Е. А. Копытина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. №4. С. 69–78.
8. Ульмаева Л. Н., Гагарина А. А. Роль «неформалов» в политических акциях в современной России // PolitBook. 2024. №1. С. 30–48.
9. Чемериская Л. Д. Практики низовой исторической политики в современной России: конструирование и политическая репрезентация 1990-х гг. Youtube-блогерами // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. №3. С. 99–111.
10. Чивви Е. Н., Терещенко О. В. Проблемы политической коммуникации // История. Культурология. Политология. 2022. №4. С. 173–175.
11. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. №22. С. 86–93.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Aleksandr P. Korotyshev

- e-mail: aleks_korotyshev@mail.ru,
Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Social Security
and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

Pavel P. Rykhtik

- e-mail: rykhtikpavel@fsn.unn.ru,
Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Social Security
and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

For citation

Korotyshev, A. P. & Rykhtik, P. P. (2025). Web-Analytical Tools in the Official Narrative, the Media Narrative, and the Public Narrative Comparative Study through the Family Image and Family Politics Examples. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. The article deals with the methodological aspect of the problem of mass consciousness narratives studying.

Methodology. The methodology for applying web-analytical tools in the framework of socio-political studies of mass consciousness phenomena and technologies of its formation are considered using the example of the value narrative analysis. The semantic theme of web analytical monitoring in the article is the sphere of state family policy and its reflection in empirical indicators of public interest level in the Russian-speaking Internet-space. To draw conclusions about the level of public interest, authors introduce the concept of "empirical indicators of network narrative." It represents a discursive sum of three groups of web-analytical indicators: official narrative; media narrative and public narrative.

Results. Based on the monitoring results, the following conclusions are made concerning the relationship between different narratives that touch on issues of values and the state image formation policy. The public narrative generally follows the media narrative, but it is not determined by it. In forming their own narrative, the largest news agencies are guided by official statements, while smaller media outlets tend to focus on public demand. The reach of the media is many times greater than the capabilities of social networks, in cases where they rely on the official narrative. However, as soon as the official narrative weakens or switches to another agenda, small media and social media gain a predominant influence on the audience.

Research Implications. The authors propose a model for using specialized web-analytical tools for collecting and primarily processing empirical data in the study of public narratives on the Internet.

Keywords

web-analytics, Internet, narrative, mass-media, social networks, new media, family image, family policy

References

1. Aliyev, D. F. & Sarkisov, V. E. (2024). Political Communications Management. Practical Aspects of Political PR Communications Management. In: *Bulletin of Tula State University. Humanities*, 1, 21–38 (in Russ.).
2. Zaitsev, A. V. & Akhunzyanova, F. T. (2023). Typology of Fakes about the Special Military Operation in Ukraine in the Digital Public Sphere. In: *Communicology*, 4, 100–111 (in Russ.).
3. Kuchumov, A. V. & Testina, Ya. S. (2022). CRM Systems: History, Essence, Classification In: *Economic Vector*, 1, 41–46 (in Russ.).
4. Magun, A. V., Mikirtumov, I. B. & Parkhomenko, A. A. (2020). Narrative and Affect in the Analysis of Foreign Policy Rhetoric. In: *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 57, 60–73 (in Russ.).
5. Romashkina, A. B. & Kirichuk, D. A. (2023). Political Subjectivity of Digital Actants in the Context of Ensuring Digital Sovereignty. In: *RUDN Journal of Political Science*, 4, 848–861 (in Russ.).
6. Salieva, L. K. (2012). Narrative Analysis. History and Modernity. Areas of Application. In: *Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)*, 3, 116–128 (in Russ.).
7. Parma, R. V., Davydova, M. A., Sushkevich, M. A. & Konytina, E. A. (2021). Social and Political Actors of Mass Political Protests in the Russian Federation and the Republic of Belarus in 2020–2021. In:

Bulletin of Tula State University. Humanities, 4, 69–78 (in Russ.).

8. Ulmaeva, L. N. & Gagarina, A. A. (2024). The Role of “Informals” in Political Actions in Modern Russia. In: *PolitBook*, 1, 30–48 (in Russ.).
9. Chemeriskaya, L. D. (2022). Practices of Grassroots Historical Politics in Modern Russia: Construction and Political Representation of the 1990s by YouTube bloggers. In: *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*, 3, 99–111 (in Russ.).
10. Chivvi, E. N. & Tereshchenko, O. V. (2022). Problems of Political Communication. In: *History. Cultural Studies. Political Science*, 4, 173–175 (in Russ.).
11. Sheigal, E. I. (2007). Multifaceted Narrative. In: *Political Linguistics*, 22, 86–93 (in Russ.).

УДК 325

ЦИФРОВОЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Кубанцева Елена Валерьевна

- e-mail: elenakuba@gmail.com;
соискатель кафедры государственной политики
факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4,
Российская Федерация

Для цитирования

Кубанцева Е. В. Цифровой неоколониализм: теоретические основы и практики реализации в эпоху глобальных технологических трансформаций // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 26.03.2025
- Статья размещена на сайте 15.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Неоколониальные теории](#)

[Цифровой неоколониализм](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить концептуальные теоретические основы и практические механизмы реализации современного неокOLONIALИЗМА в условиях глобальных цифровых трансформаций.

Процедура и методы. В рамках работы проанализирован корпус научных работ, посвящённых традиционному неокOLONIALИЗМУ, цифровому суверенитету и технологической зависимости, с использованием сравнительно-исторического, системного и семантического методов анализа академических дискурсов.

Результаты. Систематизированы ключевые теоретические подходы к изучению цифрового неокOLONIALИЗМА (технологический детерминизм, мир-системная теория, информационное общество и дата-колонизализм). Выявлены практические механизмы цифрового неокOLONIALИЗМА, включая контроль над цифровой инфраструктурой, данными и стандартами, ограничивающие суверенитет стран.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты дополняют теорию цифрового неокOLONIALИЗМА в современных условиях технологического развития и могут применяться при разработке национальных стратегий цифрового суверенитета, нормативно-правовом регулировании, подготовке специалистов по российской цифровой политике, а также использоваться органами власти для обеспечения независимости отечественного цифрового пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобализация, цифровой неокOLONIALИЗМ, технологическая трансформация, цифровой суверенитет, государственный суверенитет

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап мирового развития характеризуется интенсивным проникновением цифровых технологий в ключевые сферы жизнедеятельности государств. Данный процесс сопровождается не только развитием технологий и сервисов, но и созданием глобальной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, которая трансформирует принципы взаимодействия государства и общества. Обладание цифровыми технологиями становится ключевым атрибутом супердержав

XXI в., укрепляя их геополитическую мощь и национальный суверенитет.

Чаще всего цифровизация рассматривается в позитивном ключе, однако в последние годы растёт озабоченность мирового сообщества глобальным цифровым дисбалансом в контроле и управлении цифровой сферой. Цифровая сфера включает в себя управление информационными потоками и инфраструктурой, а также оказывает глубокое влияние на экономику, политику и социальное развитие, что приводит к установлению новых форм зависимости и неравенства, обозначаемых термином «цифровой неоколониализм».

Цифровой неоколониализм представляет собой современную форму доминирования, при которой экономически развитые страны и технологические корпорации используют своё превосходство в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) для усиления влияния и контроля над менее развитыми странами. Практика цифрового неоколониализма проявляется через монополизацию цифровых платформ, управление интернет-инфраструктурой и доминирование в области данных, что создаёт условия для формирования технологической зависимости, подрывающей национальный суверенитет и ограничивающей возможности для самостоятельного социально-экономического развития.

Монополизация глобального цифрового пространства ведущими технологическими державами и компаниями оказывает негативное влияние на страны технологической периферии, которые являются основными потребителями технологических товаров и сервисов. Например, на долю семи цифровых платформ (Apple, Microsoft, Amazon, Google, Facebook¹, Alibaba, Tencent) приходится две трети совокупной капитализации цифрового рынка [14]. Более половины рынка смартфонов также принадлежит Apple (30%) и Samsung (25%)², а рынок операционных систем разделён между системами Android (45,38%), Windows (25,61%) и iOS (18,39%)³.

¹ Принадлежит компании Meta Platforms, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

² Рынок цифровых устройств // Statista: [сайт]. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/devices/worldwide> (дата обращения: 01.08.2024).

³ Мировой рынок операционных систем 2014–2024 гг. // StatCounter Global Stats: [сайт]. URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share#monthly-201408-202407> (дата обращения: 01.08.2024).

Глубокое проникновение цифровых технологий в политические и экономические процессы обуславливает возможность влияния на управление избирательным процессом, формирование новостной повестки и осуществление финансовых операций. Монополизм цифровых платформ Google, Amazon и Meta⁴ превращает их в ключевых игроков, способных диктовать свои условия на международной арене.

В условиях цифрового неокOLONиализма развивающиеся страны сталкиваются с нарастающей технологической зависимостью, что приводит к утечке персональных данных граждан за границу к ведущим иностранным игрокам и формированию так называемого «цифрового концлагеря». Разрыв в цифровом развитии между развитыми и развивающимися странами подчёркивает необходимость реформирования последними своего законодательства в области интеллектуальной собственности, конкурентной, антимонопольной, промышленной и инновационной политики для ускорения своего роста и выхода на лидирующие позиции в технологической сфере.

Усиливающийся цифровой разрыв между странами приводит к углублению глобального неравенства, усиливая зависимость развивающихся стран от западных технологий, что, несомненно, влияет на их политическую автономию. Растущая роль крупнейших ИТ-гигантов как инструментов западных стран способствует установлению контроля над ключевыми сегментами мирового рынка ИТ и формированию условий, ограничивающих конкуренцию. Это, в свою очередь, создаёт препятствия для создания национальных ИТ-компаний.

Перечисленные факторы делают изучение цифрового неокOLONиализма крайне актуальным, так как данный феномен отражает механизмы глобального доминирования, аналогичные традиционному неокOLONиализму XX в. Если раньше доминирование строилось на контроле над ресурсами, то в современный период контроль осуществляется над данными и технологиями.

Таким образом, изучение цифрового неокOLONиализма становится критически важным для понимания современных мирополитических процессов, динамики глобальной власти и углубления экономического неравенства. В связи с этим целью исследования выступает выявление концептуальных основ и механизмов реализации современного неокOLONиализ-

⁴ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

ма в условиях глобальных цифровых трансформаций на основе анализа актуальных научных исследований, посвящённых неокOLONIALИЗМУ. Исследовательской задачей стало изучение актуальных механизмов реализации режимов цифрового неокOLONIALИЗМА и соответствующих последствий для политической автономии и экономического развития современных государств.

НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ

Существующий феномен неокOLONIALИЗМА является продолжением колониальной системы, функционировавшей на протяжении веков и продолжающей оказывать значительное влияние на современную мировую политику и экономику. Главной отличительной чертой неокOLONIALИЗМА от традиционного колониализма является не прямое управление территориями. Механизмы реализации неокOLONIALИЗМА характеризуются более тонкими и косвенными методами эксплуатации независимых стран, включая установку экономического и финансового контроля, политическое воздействие и культурное поглощение, которые часто преподносятся под лозунгами интеграции стран в глобальное общество, демократии и модернизации экономики.

Первые концептуальные подходы к осмыслению феномена неокOLONIALИЗМА были предложены такими мыслителями, как Ж.-П. Сартр [27] и Ф. Ардан [20]. Сартр в своей книге «Колониализм и неокOLONIALИЗМ» отметил, что сущность колониальных отношений осталась неизменной, изменились лишь методы их реализации, которые теперь принимают форму «неокOLONIALИЗМА: темой, мифом и реальностью». Статья Ардана «НеокOLONIALИЗМ: тема, миф и реальность», в которой анализируется концепция неокOLONIALИЗМА, утверждает, что окончание колониальной эпохи не привело к прекращению эксплуатации бывших колоний путём внедрения новых форм доминирования. Оба мыслителя подчёркивали, что неокOLONIALИЗМ представляет собой новый вид колониализма, где прежние методы прямого контроля колоний заменяются более изощрёнными способами влияния и подчинения.

Сохранение де-факто зависимого положения бывших колоний от метрополий в Африке стимулировало изучение этого явления в африканской политической философии [15]. Подъём па-

нафриканского и национального самосознания нашёл отражение во многих работах африканских политических деятелей и исследователей. Значительный вклад в разработку концепции неокOLONиализма внёс первый Президент Ганы Кваме Нкрума, который в своей книге «Неоколониализм: последняя стадия империализма» описал основные механизмы и инструменты сохранения доминирования западных стран, основной смысл которых можно сформулировать в создании неравноправных отношений на базе соглашений [26]. В свою очередь, например, Г. Мартин в своих исследованиях отмечает, что Франция продолжала оказывать значительное влияние на страны Африки, используя культуру и образование для сохранения политической и экономической гегемонии [22]. Он подчёркивает, что через культурные институты и образовательные программы Франция стремилась поддерживать и продвигать свои интересы в постколониальных государствах, что способствовало сохранению неравноправных отношений.

С другой стороны, процесс «балканизации» [23], возникший в результате игнорирования культурных и этнических границ внутри Африки, привёл к возникновению конфликтов, активно поддерживаемых западными странами. Разделение африканских территорий без учёта этнических и культурных особенностей в колониальный период и, как следствие, формирование национальных границ в процессе деколонизации привели к дестабилизации региона, которая активно использовалась внешними акторами для укрепления своего влияния.

В рамках биполярной системы международных отношений в научной среде Советского Союза как главного критика капитализма и колониализма активно изучались различные аспекты неокOLONиализма. Эти аспекты в значительной степени были сосредоточены на анализе механизмов эксплуатации развивающихся стран Западом. В этих работах, как правило, подчёркивалась роль неокOLONиализма в сохранении экономической зависимости бывших колоний. В работах советских исследователей Р. И. Зименкова [7], А. В. Кивы [10], Е. Г. Коренчук [11], М. С. Очкова [13], Е. А. Тарабрина [16] и др. подробно описаны экономические и политические стратегии развитых стран для поддержания и углубления зависимости развивающихся стран.

Советские учёные изучали не только страновые особенности неокOLONиализма, но и конкретные механизмы воз-

действия на колонизированные страны, включая программы в области образования, подготовки кадров, технологической помощи и сельского хозяйства, акцентируя внимание на сохранении зависимости и эксплуатации ресурсов странами Запада (А. В. Вереин [3], Н. А. Ермолов [6], В. Н. Шитов [18] и др.). Исследования советских учёных охватывали широкий спектр проявления неокOLONиализма, акцентируя внимание на сохранении неравенства между странами, которые создавали и продолжают создавать барьеры для самостоятельного развития бывших колоний.

Процессы глобализации усугубили неокOLONиальные взаимосвязи, трансформировав их в более сложные и многоуровневые системы взаимодействия. Такое явление, как глобализм, трактуется рядом российских учёных как та самая глобальная система колониализма (А. А. Горелов [4], А. А. Шульга [19], М. Л. Альпидовская, А. И. Сироткина [1]). Международные экономические институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, которые в основном контролируются западными странами, играют ключевую роль в продвижении интересов Глобального Севера.

В работах Горелова и Шульги подчёркивается тот факт, что глобализация, по сути, является вестернизацией, при которой западные ценности и модели навязываются остальному миру, что приводит к размытию суверенитета и идентичности развивающихся стран. Альпидовская и Сироткина считают, что глобализация способствует ухудшению экономического развития, особенно в развивающихся странах. Современные исследования неокOLONиализма подтверждают деструктивное влияние процессов глобализации, которые усиливают неокOLONиальную зависимость, трансформируя механизмы её проведения в более сложные сетевые системы.

Концептуальные подходы к исследованию феномена неокOLONиализма позволяют отследить его эволюцию от прямого колониального господства к более скрытым формам контроля, включая политическое, экономическое и культурное влияние. Развитые страны продолжают проводить свою эксплуататорскую политику в отношении развивающихся стран в условиях глобализации, которая способствует сохранению политического и экономического неравенства. Современные исследования неокOLONиализма подтверждают, что неокOLONиализм адаптируется к новым глобальным тенденциям и условиям, продол-

жая сохранять зависимое положение и неравенство, что является серьёзным вызовом для политической автономии развивающихся стран.

ЦИФРОВОЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

Современный этап развития мира характеризуется структурными изменениями во всех сферах жизни под влиянием глобальных цифровых трансформаций, которые ускоряют экономическое развитие, повышают производительность труда, улучшают качество жизни, расширяют доступ к информации и образованию, а также способствуют глобализации и международному взаимодействию. Однако научно-технический прогресс и создание новых технологий порождают новые вызовы и угрозы для развивающихся стран. В настоящее время в российской и зарубежной научной среде активно исследуется вопрос корреляции поведения технологически развитых стран с поведением колониальных держав в эпоху существования колониальной системы, которая получила название «цифровой неокOLONиализм».

Понятие «цифровой неокOLONиализм» стало активно обсуждаться в контексте современных международных отношений и глобальной цифровой экономики в последние десятилетия. В настоящее время понятие не имеет точной формулировки, а его концептуальные основы связаны с критикой влияния крупных технологических компаний и развитых стран на Глобальном Юге (в развивающихся странах) посредством цифровых технологий.

В 1976 г. Г. Шиллер в своей работе «Коммуникация и культурное господство» описал концепт «технологического колониализма», под которым понималось создание системы господства стран Запада над развивающимися государствами через технологии и коммуникационное оборудование [28]. Шиллер указывал, что этот процесс приводит к зависимости и эксплуатации бедных стран. Современные исследователи, например, Д. Белл, продолжили эту тему, анализируя, как информационные технологии изменяют социальные и культурные аспекты жизни. В его работе «Социальные рамки информационного общества» обсуждается, как информация становится основой производства и распределения товаров и услуг, что ведёт к новым формам социального неравенства и зависимости [2].

Значительный вклад в анализ информационного общества внесли Э. Тоффлер с «Метаморфозами власти» [17] и М. Кастельс с книгой «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [9]. В этих работах рассматривается воздействие информационных технологий на различные сферы жизни, включая экономику и культуру, и также подчёркивается двойственный характер цифровых технологий. Технологии одновременно могут быть источником прогресса и инструментом доминирования, особенно в контексте Глобального Юга, что подчёркивает необходимость регулирования и создания более справедливых условий в мировой информационной экономике.

Одним из наиболее известных исследователей, популяризовавших эту тему, является Н. Кулдрай. В своей работе он анализирует влияние технологической зависимости развивающихся стран от данных цифровой инфраструктуры и платформ, контролируемых западными корпорациями [21]. В контексте этой концепции также рассматриваются работы исследователей глобализации и цифровой экономики, в том числе Ш. Зубофф [29] и М. Квета [24], хотя их вклад более связан с критикой цифрового контроля и капитализма. Само понятие цифрового неокOLONиализма связано с критикой зависимости развивающихся стран от глобальных технологических гигантов, что напоминает неокOLONиальные модели доминирования.

Ряд российских экспертов акцентирует внимание на необходимости исследования феномена цифрового суверенитета в контексте цифровой трансформации, определения его границ и составляющих. Важным является вопрос нормативно-правового регулирования и цифровой грамотности населения. В работах российских политологов С. В. Володенкова, В. А. Никонина, А. С. Воронова, В. А. Сажинной [12], Е. С. Зиновьевой [8] рассматриваются особенности трансформации структурно-функционального и содержательного наполнения феномена национального цифрового суверенитета в условиях цифровизации ключевых общественно-политической и экономической сфер государства. Эксперты также поднимают вопросы использования цифровых технологий в качестве инструментов геополитического противоборства, включая подрыв политической и социальной стабильности государства, в том числе, транснациональными информационными корпорациями [5].

Концептуально цифровой неокOLONиализм представляет собой новую фазу развития традиционного неокOLONиализма,

адаптированного к реалиям цифровой эпохи, в рамках которого влияние и контроль над развивающимися странами осуществляется посредством цифровых технологий, а «добываемым ресурсом» становятся данные (информация). Глобальные технологические гиганты, такие как GAFA (Google (Alphabet), Amazon, Facebook (Meta)⁵ и Apple), фактически выступают в роли регуляторов цифрового пространства, определяя информационные повестки и формирование предпочтений пользователей. Их деятельность не только способствует расширению политического, экономического и социального влияния, но и усиливает зависимость развивающихся стран от западных технологических продуктов и услуг [25].

Главным продуктом цифровизации являются данные, доступ к которым и контроль над их массивами стремятся получить ИТ-гиганты⁶. Огромные массивы данных, собираемые компаниями в настоящее время⁷, позволяют им формировать и модифицировать общественное мнение, поведение и даже политические решения в различных странах. В результате создаётся ситуация, при которой развивающиеся государства утрачивают контроль над ключевыми элементами суверенитета, включая управление информационными потоками и защиту данных своих граждан, что усиливает их зависимость от технологически развитых стран.

Актуальность исследования феномена неокOLONиализма подчёркивает то, как историческое наследие колониального периода продолжает оказывать влияние на современные международные отношения, но посредством уже цифровых технологий. Смена фокуса с традиционного доминирования на более скрытые формы контроля позволяет развитым странам поддерживать и углублять зависимость развивающихся государств, используя средства экономического и политического влияния, маскируемые под помощь в интеграции и модернизации. Цифровой неокOLONиализм, проявляющийся в доминировании крупных ИТ-гигантов, контроле над информационными

⁵ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

⁶ Dahiya B. Digital Colonialism: Neo-Colonialism of the Global South // ResearchGate: [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/370938813_Digital_Colonialism_Neo-Colonialism_of_the_Global_South (дата обращения: 18.07.2024).

⁷ Nothias T. How to Fight Digital Colonialism // Boston Review: [сайт]. URL: <https://www.bostonreview.net/articles/how-to-fight-digital-colonialism> (дата обращения: 10.06.2024).

потоками и инфраструктурой, является формой неоколониализма XXI в., и эта динамика усиливает технологическую и экономическую зависимость развивающихся стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении данной работы следует подчеркнуть важность изучения феномена цифрового неоколониализма, который в XXI в. становится ключевым аспектом глобальных политических и экономических процессов, а также неотъемлемым элементом государственных стратегий и политик государств-колонизаторов. Использование передовых цифровых технологий транснациональными корпорациями и развитыми странами для установления контроля над потоками данных и информационной инфраструктурой усиливает экономическую и технологическую, а в результате – и политическую зависимость развивающихся стран. Монополизация цифровых платформ, доминирование в области больших данных и электронной коммерции создают условия для неравноправного распределения ресурсов и возможностей, что углубляет существующее глобальное неравенство.

В рамках исследования нами была рассмотрена эволюция концепции неоколониализма, что позволило определить, как современные цифровые технологии выступают в роли новых инструментов влияния и контроля. Нами была выявлена значимость цифровой инфраструктуры как основного инструмента политического и экономического контроля. По итогам работы мы можем сделать вывод, что в условиях глобальных технологических трансформаций различия в доступе к цифровым ресурсам и технологиям лишь усиливают существующую зависимость развивающихся стран от технологически развитых держав уже в формате цифрового неоколониализма. Особенно важной оказывается проблема технологической зависимости в тех странах, где местные инновации и экономические инициативы страдают из-за необходимости адаптации к технологиям, разработанным в более развитых государствах, что приводит к структурной зависимости от внешних акторов. В связи с данными обстоятельствами укрепление цифрового суверенитета и создание равных условий для всех участников глобального цифрового развития должны стать приоритетами в международной политике и праве.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации современных подходов к изучению цифрового неокOLONIALИЗМА и расширении понятийного аппарата политической науки, что создаёт основу для дальнейших научных исследований в этой области. Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы российскими государственными органами для разработки стратегий цифрового суверенитета, программ импортозамещения высокотехнологичной продукции и регуляторной политики. Выводы исследования важны для программ подготовки специалистов в области цифровой политики и кибербезопасности, а также для аналитической деятельности научных и экспертных центров при оценке угроз в цифровой среде и формировании мер по защите цифрового пространства Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альпидовская М. Л., Сироткина А. И. Социально-экономическая сущность глобализации и её роль в формировании новой социально-классовой структуры // Теоретическая экономика. 2023. №1. С. 74–85.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
3. Вереин А. В. Роль и место «Корпуса мира» в политике американского неокOLONIALИЗМА в 1961–1971 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 24 с.
4. Горелов А. А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА // Век глобализации. 2014. №2. С. 42–64.
5. Ермоленков В. В. Информационная революция как один из механизмов цифрового неокOLONIALИЗМА // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: сборник научных статей XVII Международной научно-практической конференции, Минск, 20 апреля 2023 г. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. С. 123–126.
6. Ермолов Н. А. «Троянский конь» неокOLONIALИЗМА. Политика США в области подготовки кадров для развивающихся государств. М.: Соцэкгиз, 1963. 69 с.
7. Зименков Р. И. Американский неокOLONIALИЗМ на современном этапе: Экономические аспекты. М.: Наука, 1985. 247 с.

8. Зиновьева Е. С. Проблемы международного управления Интернетом в контексте цифрового суверенитета // Международная жизнь. 2020. Специальный выпуск. С. 133–137.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
10. Кива А. В., Тарабрин Е. А. НеокOLONиализм: стратегия и тактика. М.: Знание, 1976. 64 с.
11. Коренчук Е. Г. Французский неокOLONиализм в Тропической Африке (1958–1972 гг.). М.: Университет дружбы народов, 1981. 104 с.
12. Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина В. А., и др. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №60. С. 206–216.
13. Очков М. С. Государственно-монополистический механизм неокOLONиализма (на примере ФРГ). М.: Наука, 1971. 245 с.
14. Праневич А. А. Монополизация глобального цифрового пространства: растущие угрозы для развивающихся стран и возможности их преодоления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. №4. С. 149–157.
15. Сироткина А. И. Эволюция теоретических воззрений на неокOLONиализм как экономическую категорию // Вопросы политической экономии. 2020. №11. С. 82–97.
16. Тарабрин Е. А. Стратегия и тактика неокOLONиализма Англии. М.: Наука, 1969. 240 с.
17. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 672 с.
18. Шитов В. Н. Технологический неокOLONиализм: истоки и современная практика. М.: Наука, 1985. 155 с.
19. Шульга А. А. НеокOLONиальное противостояние в XXI веке // Теории и проблемы политических исследований. 2016. №3. С. 156–166.
20. Ardant P. Le néo-colonialisme: thème, mythe et réalité // Revue française de science politique. 1965. Vol. 15. No. 5. P. 837–855.
21. Couldry N., Mejias U. A. Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject // Television & New Media. 2018. No. 4. P. 1–24. DOI: 10.1177/1527476418796632
22. Guy M. The Historical, Economic, and Political Bases of France's African Policy // The Journal of Modern African Studies. 1985. Vol. 23. No. 2. P. 189–208.

23. Kabunda Badi M. El neocolonialismo en Africa. Sus formas y manifestaciones // Cuadernos Africa America Latina. 1996. No. 24. P. 63–68.
24. Kwet M. Digital colonialism: The evolution of US empire. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://braveneweuropa.com/michael-kwet-digital-colonialism-the-evolution-of-us-empire> (дата обращения: 19.07.2024).
25. Kwet M. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South [Электронный ресурс] // Race & Class. 2019. Vol. 60. No. 4. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3232297 (дата обращения: 19.07.2024). DOI: 10.1177/0306396818823172
26. Nkrumah K. Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/ebooks/nkrumah/nkrumah-neocolonialism.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
27. Sartre J.-P. Colonialism and Neocolonialism. London; New York: Routledge, 2006. 223 p.
28. Schiller H. Communication and Cultural Domination. New York: International Arts and Sciences Press, 1976. 144 p.
29. Zuboff S., Möllers N., Murakami W. D., et al. Surveillance Capitalism: An Interview with Shoshana Zuboff // Surveillance & Society. 2019. No. 17. P. 257–266.

ARTICLE INFORMATION

Author

Elena V. Kubantseva

- e-mail: elenakuba@gmail.com,
External Postgraduate Student, Department of Public Policy,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy pr-t 27 /4, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Kubantseva, E. V. (2025). Digital Neocolonialism: Theoretical Foundations and Implementation Practices in the Global Technological Transformations Era. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the conceptual theoretical foundations and practical mechanisms to implement modern neocolonialism in the context of global digital transformations.

Methodology. The work analyzes a body of scientific works devoted to traditional neocolonialism, digital sovereignty and technological dependence, using comparative-historical, systemic and semantic methods of analyzing academic discourses.

Results. Key theoretical approaches to the study of digital neocolonialism (technological determinism, world-system theory, information society and data colonialism) are systematized. Practical mechanisms of digital neocolonialism are identified, including control over digital infrastructure, data and standards, limiting the sovereignty of countries.

Research implications. The results can be contributed to the theory of digital neocolonialism in the modern conditions of technological development and can be used in the development of national strategies for digital sovereignty, legal regulation, training specialists in Russian digital policy, and can also be used by government bodies to ensure the independence of the domestic digital space.

Keywords

globalization, digital neocolonialism, digital transformation, digital sovereignty, state sovereignty

References

1. Alpidovskaya, M. L. & Sirotkina, A. I. (2023). The Socio-Economic Essence of Globalization and Its Role in the Formation of a New Socio-Class Structure. In: *Theoretical Economics*, 1, 74–85 (in Russ.).
2. Bell, D. (1986). Social Framework of the Information Society. In: *New Technocratic Wave in the West*. Moscow: Progress publ., pp. 330–342 (in Russ.).
3. Verein, A. V. (1972). *The Role and Place of the "Peace Corps" in the policy of American neocolonialism in 1961–1971* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
4. Gorelov, A. A. (2014). From the World Colonial System to Global Neocolonialism. In: *Journal of Globalization Studies*, 2, 42–64 (in Russ.).
5. Ermolenkov, V. V. (2023). Information Revolution as One of the Mechanisms of Digital Neocolonialism. In: *State Regulation of the Economy and Increasing the Efficiency of Business Entities: Collection of Scientific Articles of the XVII International Scientific and Practical Conference, Minsk, April 20, 2023*. Minsk: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus publ., pp. 123–126 (in Russ.).
6. Ermolov, N. A. (1963). *"Trojan Horse" of Neocolonialism. US Policy in the Field of Training Personnel for Developing Countries*. Moscow: Sotsekgiz publ. (in Russ.).
7. Zimenkov, R. I. (1985). *American Neocolonialism at the Present Stage: Economic Aspects*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
8. Zinovieva, E. S. (2020). Problems of the International Internet Governance in the Context of Digital Sovereignty. In: *The International Affairs*, sp. iss., 133–137 (in Russ.).
9. Castells, M. (2000). *Information Era: Economics, Society and Culture*. Moscow: GU VShE publ. (in Russ.).
10. Kiva, A. V. & Tarabrin, E. A. (1976). *Neocolonialism: Strategy and Tactics*. Moscow: Znanie publ. (in Russ.).
11. Korenchuk, E. G. (1981). *French Neocolonialism in the Tropical Africa (1958–1972)*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).
12. Nikonov, V. A., Voronov, A. S., Sazhina, V. A. & et al. (2021). Digital Sovereignty of the Modern State: Content and Structural Components (Based on Expert Research). In: *Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 60, 206–216 (in Russ.).

13. Ochkov, M. S. (1971). *State-Monopoly Mechanism of Neocolonialism (On the Example of the FRG)*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
14. Pranevich, A. A. (2020). Monopolization of Global Digital Space: Growing Threats to the Developing Countries and Possibilities of Overcoming Them. In: *Tver State University Bulletin. Series: Economics and Management*, 4, 149–157 (in Russ.).
15. Sirotkina, A. I. (2020). Evolution of Theoretical Views on Neocolonialism as an Economic Category. In: *Questions of Political Economy*, 11, 82–97 (in Russ.).
16. Tarabrin, E. A. (1969). *Strategy and Tactics of England's Neocolonialism*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
17. Toffler, A. (2004). *Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
18. Shitov, V. N. (1985). *Technological Neocolonialism: Origins and Modern Practice*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
19. Shulga, A. A. (2016). Neocolonial Confrontation in the 21st century. In: *Theories and Problems of Political Studies*, 3, 156–166 (in Russ.).
20. Ardant, P. (1975). Le néo-colonialisme: thème, mythe et réalité. In: *Revue française de science politique*, 15 (5), 837–855.
21. Couldry, N. & Mejias, U. A. (2018). Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject. In: *Television & New Media*, 4, 1–24. DOI: 10.1177/1527476418796632
22. Guy, M. (1985). The Historical, Economic, and Political Bases of France's African Policy. In: *The Journal of Modern African Studies*, 23 (2), 189–208.
23. Kabunda Badi, M. (1996). El neocolonialismo en Africa. Sus formas y manifestaciones. In: *Cuadernos Africa America Latina*, 24, 63–68.
24. Kwet, M. (2021). *Digital colonialism: The evolution of US empire*. URL: <https://braveneweuropa.com/michael-kwet-digital-colonialism-the-evolution-of-us-empire> (accessed: 19.07.2024).
25. Kwet, M. (2019). Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. In: *Race & Class*, 60 (4). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3232297 (accessed: 19.07.2024). DOI: 10.1177/0306396818823172.
26. Nkrumah, K. (2023). *Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism*. URL: <https://www.marxists.org/ebooks/nkrumah/nkrumah-neocolonialism.pdf> (accessed: 10.12.2023).
27. Sartre, J.-P. (2006). *Colonialism and Neocolonialism*. London; New York: Routledge.
28. Schiller, H. (1976). *Communication and Cultural Domination*. New York: International Arts and Sciences Press.

29. Zuboff, S, Möllers, N., Murakami, W. D. et al. (2019). Surveillance Capitalism: An Interview with Shoshana Zuboff. In: *Surveillance & Society*, 17, 257–266.

УДК 327.17:81

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА (2023–2024) В ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЯХ ХАМАС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нестеров Егор Алексеевич

- e-mail: nesterov_egor03@mail.ru;
независимый исследователь,
г. Москва, Российская Федерация;

Нестерова Альбина Александровна

- e-mail: anesterova77@rambler.ru;
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной и педагогической психологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Нестеров Е. А., Нестерова А. А. Репрезентация палестино-израильского конфликта (2023–2024) в официальных заявлениях ХАМАС и Российской Федерации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 29.05.2025
- Статья размещена на сайте 08.09.2025

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Политический дискурс в освещении палестино-израильского конфликта](#)

[Процедура и методы исследования](#)

[Палестино-израильский конфликт в риторике ХАМАС и внешней политике России: междисциплинарный сравнительный анализ](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности репрезентации палестино-израильского конфликта в 2023–2024 гг. в официальных дискурсах исламского движения ХАМАС и руководства Российской Федерации; дать оценку степени конвергенции или дивергенции их позиций в контексте международного восприятия и политической риторики.

Процедура и методы. Основной метод, применяемый в работе, – критический дискурс-анализ (КДА). КДА позволяет не только деконструировать официальные позиции ХАМАС и России, но и раскрыть, как язык служит инструментом политической стратегии: формирует общественное мнение, легитимирует действия, воспроизводит иерархии власти и идеологические противоречия. Посредством анализа риторики и структуры официальных заявлений представляется возможным выявить стратегии, используемые для убеждения аудитории и легитимации действий сторон в условиях внутриконфликтной динамики.

Результаты. Выявленные сходства и различия в дискурсе негосударственного исламистского движения ХАМАС и Российской Федерации отражают специфику их позиций в системе международных отношений и обусловленность внешнеполитических стратегий различными уровнями ответственности и допустимого риторического пространства. В качестве субъекта международной политики, обладающего суверенитетом и стремящегося к обеспечению стабильного международного имиджа, Российская Федерация вынуждена придерживаться рамок дипломатической коммуникации, тогда как ХАМАС, функционируя вне традиционных норм государственной практики, может использовать более радикализированную и эмоционально окрашенную риторику. Палестино-израильский конфликт продолжает оставаться полем геополитического противостояния как региональных, так и глобальных акторов, которые используют палестинский вопрос в целях продвижения собственных интересов.

Теоретическая и / или практическая значимость заключается в том, что исследование углубляет понимание взаимодействия государственных и негосударственных акторов в контексте международных конфликтов, раскрывая механизмы формирования их дискурса через призму геополитических интересов и идеологических различий. Анализ официальных заявлений ХАМАС и Российской Федерации демонстрирует, как разнородные субъекты (негосударственная радикальная организация и суверенное государство) могут конвергировать в критике внешней политики третьих стран (например, США и Израиля)

при сохранении принципиальных различий в риторике и стратегиях. Это позволяет расширить существующие теоретические рамки, объединяя подходы к изучению политического дискурса, геополитики и идеологии, а также вносит вклад в методологию сравнительного анализа дискурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

палестино-израильский конфликт, ХАМАС, международная политика РФ, критический дискурс-анализ

ВВЕДЕНИЕ

Современная система международных отношений характеризуется усилением региональных конфликтов, которые приобретают всё большее значение в контексте обеспечения глобальной безопасности [1; 3; 21]. Одним из наиболее продолжительных и сложных противостояний, сохраняющим высокую степень актуальности на международной арене, остаётся палестино-израильский конфликт. Его влияние выходит за рамки ближневосточного региона, привлекая постоянное внимание мирового сообщества, международных организаций и средств массовой информации [7; 13].

Многолетняя затянутость конфликта обусловлена переплетением разнообразных факторов – исторических, политических, этнокультурных и религиозных. Сложность достижения устойчивого урегулирования заключается в том, что конфликт вышел за пределы локального взаимодействия непосредственных участников, став полем геополитического соперничества как региональных, так и глобальных игроков.

На современном этапе палестино-израильское противостояние выходит за рамки локального конфликта, превращаясь своего рода в «точку конвергенции» широкого спектра геополитических интересов, вовлекающих в свою орбиту ключевые международные и региональные акторы, включая Российскую Федерацию [15]. Обладая статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и богатой историей участия в ближневосточных урегулированиях, Россия сохраняет значимую роль в процессах посредничества и политического урегулирования ситуации в данном регионе. Её вовлечённость в урегулирование обусловлена, с одной стороны, стремлением способство-

вать восстановлению стабильности в стратегически важном регионе, а с другой – необходимостью обеспечения безопасности и защиты интересов российских граждан и соотечественников, проживающих на территории Ближнего Востока [12].

Одним из ключевых факторов, влияющих на эволюцию и восприятие международных конфликтов, является риторика, используемая в официальных заявлениях государственных структур и политических субъектов. Декларативные высказывания представителей власти и организаций выполняют важную функцию легитимации принимаемых решений и действий, формируя как внутреннюю, так и внешнюю поддержку соответствующей позиции. Такие заявления нередко используются для обоснования применения военной силы, при этом действия представляются оправданными и соответствующими нормам международного права или интересам национальной безопасности [5]. В условиях высокой информационной насыщенности современного мира официальные заявления становятся важным элементом информационно-психологической борьбы: они направлены как на дискредитацию образа оппонента, так и на формирование лояльного восприятия своей позиции среди международного и национального общественного мнения.

События 2023 г. вновь поставили палестино-израильский конфликт в центр внимания международного сообщества. В этих условиях представляет интерес анализ способов публичной интерпретации происходящего ключевыми участниками конфликта и внешними акторами, вовлечёнными в процессы его урегулирования. В качестве таких акторов выступает исламское движение ХАМАС, непосредственно участвующее в противостоянии, и Российская Федерация, стремящаяся к участию в международных посреднических инициативах. Официальные заявления ХАМАС и РФ играют важную роль в формировании дискурсивного поля вокруг конфликта, оказывая влияние на общественное восприятие как внутри их собственных аудиторий, так и на глобальном уровне. Вместе с тем в существующей академической литературе наблюдается нехватка работ, которые бы системно сравнивали риторические стратегии различных государственных и негосударственных акторов, отражающие их ценности, интересы, претензии и мотивационные установки. Такой анализ мог бы способствовать более глубокому пониманию механизмов политической коммуникации в условиях международных кризисов и противостояний.

В рамках работы рассматривается влияние дискурсивных стратегий на динамику конфликта: способствуют ли они эскалации напряжённости или создают предпосылки для диалога. Полученные результаты могут способствовать развитию методов анализа международных кризисов через призму критического дискурс-анализа, учитывающего идеологические и геополитические аспекты.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОСВЕЩЕНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Исследование политического дискурса как направление в рамках политической науки сформировалось относительно недавно – в конце XX столетия [10], однако его теоретические истоки восходят к глубокой исторической традиции [6; 11].

Одним из ключевых методов исследования политического дискурса является критический дискурс-анализ (КДА), позволяющий выявлять связь между языковыми стратегиями, распределением власти и идеологией [20]. Основоположник метода Н. Фэрклоу отмечал, что «язык СМИ и политических заявлений не просто передает информацию, но и формирует восприятие реальности» [20, р. 47].

Язык не только отражает мир, но и конструирует его, часто с идеологическим уклоном. Например, КДА выявляет предвзятость в освещении конфликтов, как в случае западных СМИ при освещении израильско-палестинского кризиса [23]. Язык играет ключевую роль в формировании восприятия событий: через выбор лексики, структуры предложений и аргументации, которые могут как эскалировать напряжённость, так и способствовать примирению.

Критический дискурс-анализ, как отмечает И. Чилува, помогает выявлять идеологические установки через язык – оценочные слова, метафоры, выбор субъектов действий. Это связывает лексические особенности с широким политическим и социальным контекстом [18]. В освещении конфликтов важны фрейминг, символы, формирующие идентичность, и гейткиппинг – отбор информации, влияющей на восприятие событий. Анализ публичных выступлений показывает, что политики используют конфликты для создания «образа врага», укрепления власти и мобилизации сторонников. Однако такая риторика усиливает поляризацию, снижает доверие к институтам и за-

трудняет диалог [17; 19]. В рамках российской политической компаративистики дискурс-анализ рассматривается как мощный, но требующий аккуратности метод, позволяющий раскрыть идеологические мотивы, стратегии легитимации власти и динамику международных конфликтов через призму языковых практик [2].

Таким образом, критический дискурс-анализ предполагает комплексное изучение речевых практик, в котором учитываются лингвистические особенности высказываний, когнитивные процессы, лежащие в основе их восприятия, а также широкий социальный контекст их функционирования. Особое внимание при этом уделяется историческим, культурным и институциональным условиям, в которых формируется дискурс. Такой подход открывает возможность для выявления скрытых механизмов, через которые язык способствует конструированию общественной реальности, а также воспроизводству структур власти и социальной дифференциации.

Палестино-израильский конфликт, возникший в начале XX в., остаётся одним из наиболее сложных и продолжительных противостояний в современной истории. Его корни уходят в идеологические и материальные споры о земле, праве на самоопределение и контроле над ключевыми территориями. Конфликт неоднократно эскалировался на уровень военных столкновений, радикализации национальных и религиозных идентичностей и глобальной политической поляризации [4; 12].

Совокупность идеологических и социальных трансформаций в арабских обществах второй половины XX в. способствовала распространению исламистских движений, особенно среди молодёжных групп палестинского населения [22]. Одним из таких движений стало движение ХАМАС (движение Харокат аль-Мукавама аль-Исламия), основанное в 1987 г. [9; 16].

ХАМАС позиционирует себя как последовательного противника государства Израиль, что находит выражение в регулярных вооружённых действиях, включая ракетные обстрелы и другие формы противостояния. Несмотря на осуждение его деятельности со стороны значительной части международного сообщества и признание организации рядом государств террористической, ХАМАС сохраняет высокий уровень поддержки среди определённых слоёв палестинского населения. Этот феномен обусловлен несколькими факторами: во-первых, демонстрацией непримиримой позиции по отношению к Изра-

иллю; во-вторых, предоставлением социальных услуг и реализацией благотворительных программ, которые компенсируют недостаточную эффективность светских институтов в условиях кризиса.

Движение ХАМАС поддерживает широкую сеть связей с различными государствами, политическими группировками и общественными организациями. Для продвижения своей идеологии и формирования соответствующего общественно-го восприятия ХАМАС развивает собственные медиаресурсы, включая телеканал «Аль-Акса» и тематические интернет-порталы [14]. Подобные мероприятия служат частью внешнеполитической стратегии ХАМАС, направленной на укрепление легитимности своих позиций и продвижение собственной интерпретации развития палестино-израильского конфликта на международной арене [8].

Палестино-израильский конфликт, длящийся уже несколько десятилетий, остаётся предметом многозначной интерпретации со стороны различных участников международной арены [4; 7]. На протяжении всего периода противостояния как непосредственные участники – израильское и палестинское руководство, так и внешние акторы, включая российские власти и идеологов ХАМАС, неоднократно обвиняли друг друга в субъективности, пристрастности и продвижении своих собственных интересов. Примечательно, что одни и те же события в официальных дискурсах разных сторон могут быть представлены как принципиально различные по своей сути явления.

Это феномен разночтений достигается путём стратегического выбора лексики, трактовки фактов, их селективного представления или полного умолчания, а также посредством манипулирования контекстом. В результате формируются дискурсы, которые не просто отличаются, но часто противоречат друг другу, создавая полярные образы конфликта и закрепляя его в качестве одного из наиболее дискуссионных вопросов современной международной политики.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирической основы данного исследования использованы официальные выступления политических деятелей, сделанные в период с 7 октября 2023 г. по май 2024 г., посвящённые палестино-израильскому конфликту. Материал

включает речи политического руководства Российской Федерации, а также представителей исламского движения, дипломатические заявления, интервью и документы, отражающие позиции РФ и ХАМАС. Выбранный временной промежуток охватывает эскалацию напряжённости в регионе и последующие попытки дипломатического урегулирования, что обеспечивает репрезентативность данных для анализа динамики дискурса.

Цель данного исследования – осуществить сравнительный анализ репрезентации палестино-израильского конфликта в 2023–2024 гг. в официальных дискурсах исламского движения ХАМАС и руководства Российской Федерации; выявить и охарактеризовать подходы указанных субъектов к интерпретации природы, причин и перспектив урегулирования данного противостояния; дать оценку степени конвергенции или дивергенции их позиций в контексте международного восприятия и политической риторики.

Для достижения цели исследования применены следующие *методы*:

1. Критический дискурсивный анализ – направлен на выявление лингвистических стратегий, которыми формируются представления о конфликте, а также на интерпретацию скрытых идеологических установок в риторике политиков.

2. Метод сплошной выборки – обеспечивает полноту анализа за счёт включения всех доступных официальных заявлений за указанный период, что минимизирует риск субъективного отбора данных.

Выбор методов обусловлен задачами раскрыть связь между языковыми практиками и геополитическими стратегиями, а также выявить механизмы легитимации позиций сторон через дискурсивные конструкции.

Официальные заявления ХАМАС и Российской Федерации по палестино-израильскому конфликту были взяты из разнообразных источников, отражающих специфику их коммуникационных стратегий. ХАМАС активно использует социальные сети (Twitter, Telegram) для оперативного распространения радикализированной риторики, направленной на мобилизацию сторонников и международную аудиторию, а также проводит пресс-конференции высшего руководства (например, Исмaила Хании) для формулирования официальной позиции. Дополнительно движение задействует подконтрольные медиа телеканал «Аль-Акса» и информгентство «Палестин-

ский информационный центр» (Palinfo.com), которые усиливают пропагандистский эффект, адресуясь преимущественно к арабской и частично западной аудитории. Неофициальные утечки в независимые СМИ позволяют тестировать общественное мнение без прямой ответственности.

Российская Федерация, напротив, опирается на государственные институты: заявления публикуются через сайт МИД (mid.ru), постоянное представительство РФ при ООН (russiaun.ru), официальные каналы президента (kremlin.ru) и Совбеза (scrf.gov.ru).

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В РИТОРИКЕ ХАМАС И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сравнительный анализ официальных заявлений ХАМАС и Российской Федерации в контексте палестино-израильского конфликта позволяет выявить как общие черты, так и значимые различия в их дискурсивных стратегиях.

1. *Идеологическая солидарность и дискурсивные различия в оценке действий Израиля.* Несмотря на различную природу своих политических позиций, ХАМАС и Российская Федерация демонстрируют определённую степень согласованности в осуждении действий государства Израиль в контексте палестино-израильского конфликта. Однако способы выражения этой критики существенно различаются, что обусловлено спецификой их идеологической риторики и коммуникативных стратегий.

ХАМАС как исламистское движение сопротивления формулирует свою позицию в рамках религиозно окрашенной повестки, где Израиль позиционируется как «оккупант», осуществляющий «систематическое угнетение палестинского народа через колониальные практики». Такая интерпретация основывается на восприятии конфликта не только как территориального противостояния, но и как борьбы за «священную землю» и справедливое устройство общества согласно исламским нормам.

В свою очередь, Россия, действуя в рамках международного права и многосторонней дипломатии, делает акцент на гуманитарных аспектах текущих событий. В её официальных заявлениях доминируют ссылки на необходимость соблюдения

прав человека, обеспечение доступа гуманитарной помощи и предотвращение эскалации насилия. Такой подход соответствует статусу России как субъекта международных отношений, стремящегося сохранять легитимность своей позиции в глазах мирового сообщества.

2. *Дискурсивные различия в стратегиях урегулирования конфликта.* Ещё одной ключевой точкой расхождения между двумя субъектами является их видение путей разрешения конфликта. ХАМАС последовательно придерживается военно-сопротивленческого нарратива, рассматривая вооружённое противостояние как законный и эффективный инструмент достижения политических целей. Организация требует полной деокупации палестинских территорий и отвергает возможность компромисса, который подразумевал бы отказ от принципиальных позиций. Российская Федерация, напротив, выступает за исключительно мирное урегулирование конфликта через дипломатические механизмы и многосторонние переговоры. Её подход соответствует роли страны как одного из посредников в рамках международного формата, известного как «ближневосточный квартет», и направлен на укрепление стабильности в регионе без прямого участия в боевых действиях.

3. *Различия в концептуальных представлениях о перспективах урегулирования конфликта.* Позиции ХАМАС и Российской Федерации по вопросам долгосрочного урегулирования палестино-израильского конфликта демонстрируют значительное расхождение в концептуальном подходе. Российская Федерация как постоянный участник международной дипломатии и член Совета Безопасности ООН выступает за реализацию модели «двух государств для двух народов». В рамках этой парадигмы предполагается создание независимых и признанных государств – Израиля и Палестины – на основе принципов взаимного уважения, территориальной целостности и обеспечения безопасности для обеих сторон.

ХАМАС, напротив, не разделяет данной модели и ограничивается декларированием цели восстановления суверенитета Палестины на всей территории исторической земли с установлением столицы в Восточном Иерусалиме. При этом в его официальных заявлениях отсутствует прямое признание необходимости сосуществования с Израилем. Такая позиция обусловлена идеологическими основами организации, которые исходят из религиозно обоснованного отрицания легитимно-

сти еврейского государства и ориентированы на радикальное переустройство регионального порядка.

4. *Совпадение интересов в контексте глобальной политической повестки.* Несмотря на различие подходов к урегулированию палестино-израильского конфликта, ХАМАС и Российская Федерация демонстрируют сходство в трёх ключевых направлениях: осуждении действий Израиля, поддержке прав палестинского народа и выступлении за право Палестины на суверенитет и независимость. Эти позиции отражают более широкую общую установку – стремление противостоять доминированию западных стран в международных делах и продвижение альтернативной, многополярной модели мирового порядка.

Для России участие в урегулировании ближневосточного конфликта служит инструментом укрепления её статуса как глобального игрока, способного влиять на развитие событий вне западного влияния. Для ХАМАС же это – возможность легитимировать свою деятельность на международной арене и представить свою борьбу как часть более масштабной борьбы за справедливость и самоопределение угнетённых народов.

Таким образом, хотя формы выражения этих целей различаются – через дипломатию в случае России и через идеологическое сопротивление в случае ХАМАС, – обе стороны используют палестинский вопрос как ресурс для реализации своих стратегических задач в условиях трансформации международной системы.

Приведём примеры различий в политическом дискурсе официальных заявлений РФ и ХАМАС в отношении палестино-израильского конфликта.

1. *Международное посредничество в фокусе дискурсов ХАМАС и Российской Федерации.*

Одним из ключевых элементов дискурса как ХАМАС, так и Российской Федерации является обращение к международному сообществу с призывами активизировать усилия по разрешению палестино-израильского противостояния. В официальных заявлениях движения подчёркивается необходимость глобального реагирования на происходящее.

Так, представители ХАМАС отмечают: *«Делегация руководства ХАМАС отметила, что преступления сионистской оккупации и её поведение против нашего народа и народов региона представляют собой серьёзную угрозу международному миру и*

безопасности»¹. Такая формулировка демонстрирует стремление организации представить конфликт не как локальное противостояние, а как проблему, имеющую транснациональное значение.

Схожие призывы содержатся и в официальной риторике Российской Федерации, однако они формулируются в рамках многосторонней дипломатии и международного права. В частности, в одном из заявлений говорится: «В складывающейся турбулентной ситуации Российская Федерация предпринимает интенсивные усилия, направленные на скорейшее урегулирование кризиса»², – а также подчёркивается необходимость коллективных действий: «...Мы призываем объединить усилия международного сообщества, направленные на деэскалацию обстановки, прекращение огня и поиск политического разрешения палестино-израильского конфликта»³.

II. Дискурсивные различия в представлении методов разрешения конфликта.

Значительные расхождения между позициями ХАМАС и других участников конфликта проявляются в степени радикальности используемой риторики и подходах к урегулированию противостояния. В официальных заявлениях движения доминируют формулировки, призванные обосновать легитимность вооружённой борьбы как средства достижения политических целей. Например, в одном из заявлений встречается выражение: «преступления сионистской оккупации»; также отмечается, что действия Израиля представляют собой «угрозу международному миру и безопасности»⁴. Такая лексика не только демонизирует оппонента, но и способствует конструированию образа справедливой и оправданной войны, соответствующей идеологической базе организации, которая отрицает само право Израиля на существование.

¹ تيمسارلا سامح فخرح (2024). Запись от 19 января в 15:56 // Telegram: [сайт]. URL: <https://t.me/s/EEETCE> (дата обращения: 16.03.2025).

² Выступление Постоянного представителя В. А. Небензи в ходе 10-й чрезвычайной спецсессии ГА ООН по положению на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // Russiaun.ru: [сайт]. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/4011123> (дата обращения: 16.03.2025).

³ Путин призвал мир объединить усилия для прекращения палестино-израильского конфликта // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/19341679> (дата обращения: 16.03.2025).

⁴ تيمسارلا سامح فخرح (2023). Запись от 14 декабря в 20:30 // Telegram: [сайт]. URL: <https://t.me/s/EEETCE> (дата обращения: 16.03.2025).

Однако в официальных заявлениях ХАМАС отсутствуют чётко обозначенные политические шаги, направленные на достижение конкретных целей в рамках мирного процесса. Нарратив сосредоточен на декларативных принципах, таких как требование вывода израильских войск с палестинских территорий, без предложений по механизму реализации этих целей. Это отражает приоритет организации на мобилизацию внутренней поддержки через эмоционально заряженные формулировки, а не на конструктивный диалог с международным сообществом.

На совместной пресс-конференции министра иностранных дел России С. В. Лаврова с представителями СМИ подчёркивалась приверженность РФ поиску устойчивого решения палестино-израильского конфликта, основанного на долгосрочных стратегических целях, а не на временных компромиссах. Это усиливает восприятие России как ответственного международного актора, способного предлагать комплексные подходы к урегулированию.

Особое внимание было уделено необходимости создания независимого палестинского государства в соответствии с резолюциями ООН. Опора на международное право легитимирует российские инициативы и укрепляет авторитет страны как гаранта выполнения решений ООН. Россия также настаивала на определении чёткого графика переговоров с заранее обозначенным результатом под эгидой ООН.

Заявление С. В. Лаврова: *«Мы заинтересованы в долгосрочном решении. Поэтому настаиваем не просто на обещании начать переговоры о создании государства Палестина, а о том, чтобы такие шаги были сделаны уже в практическом плане и был чёткий график, когда они завершатся тем результатом, которого требуют Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН»⁵.*

Общим для обеих сторон остаётся признание необходимости усиления международного вовлечения в процесс урегулирования конфликта. Вместе с тем различия проявляются в степени радикальности используемой риторики и подходах к разрешению кризиса. При этом расхождения скорее носят нюансированный характер, чем выражают чёткое противостояние позиций, что указывает на определённый потенциал для

⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам заседания СБ ООН по Украине и открытых дебатов по ситуации на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // Russiaun.ru: [сайт]. URL: https://russiaun.ru/ru/news/pc_240124 (дата обращения: 16.03.2025).

пересечения интересов в рамках более широкой геополитической повестки.

III. Обвинения США и других западных стран в безоговорочной поддержке Израиля.

Одним из ключевых элементов дискурса как ХАМАС, так и Российской Федерации являются обвинения в адрес США и ряда западных государств в оказании беспрецедентной военной, политической и дипломатической поддержки Израилю. В заявлении руководства ХАМАСа, в частности, отмечается *«партнёрство [США] в проигрышной войне против нашего народа»*, подчёркивается их *«полная ответственность за резню и массовые убийства»* палестинцев, а также утверждается, что конфликт в Секторе Газа не произошёл бы *«без американской военной, материальной и политической поддержки»* Израиля⁶.

Российская Федерация также активно использует критический тон в адрес западных стран. В частности, в её официальных заявлениях осуждаются блокирование США резолюций о прекращении огня в Совете Безопасности ООН, а также поддержка Израиля со стороны ФРГ в рамках Международного суда. Российская сторона подчёркивает, что эскалация конфликта стала следствием попыток Соединённых Штатов *«монополизировать посреднические усилия»* и *«продвигать узкокорыстные интересы»*⁷.

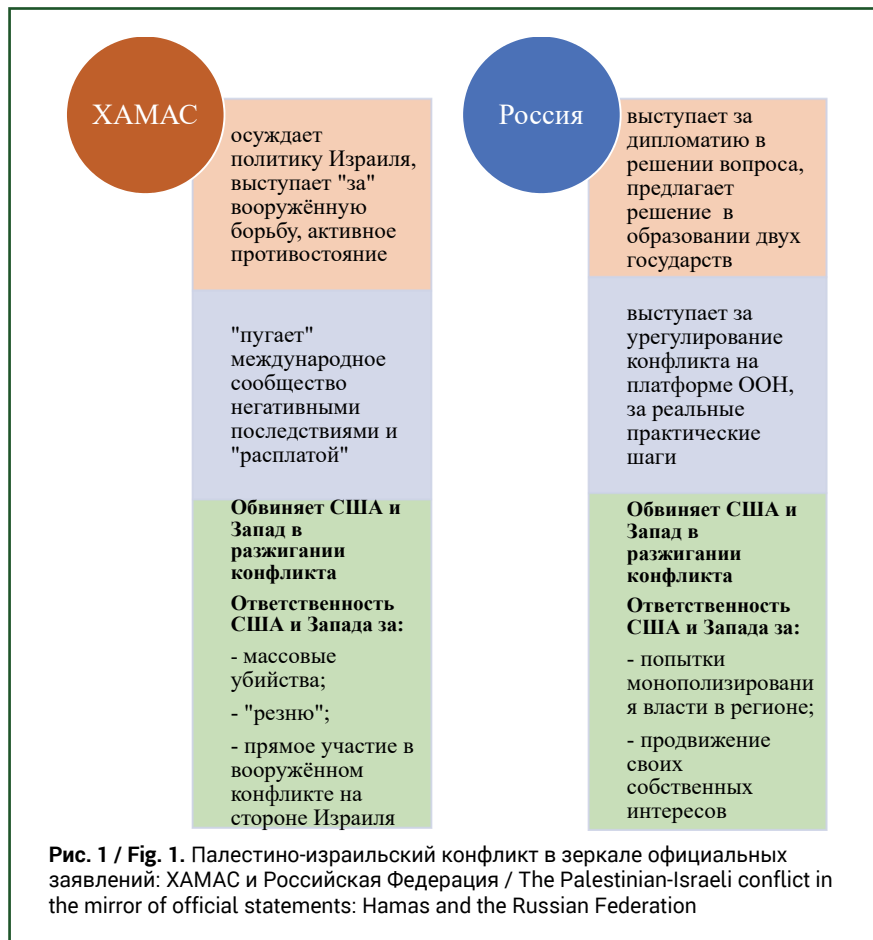
Вместе с тем между двумя дискурсами наблюдается различие в степени эмоциональной насыщенности и радикализма выражений. Так, ХАМАС прибегает к яркой, эмоционально заряженной лексике – *«проигрышная война против нашего народа»*, *«резня и массовые убийства»*, – тогда как российская риторика остаётся более нейтральной и формализованной, ограничиваясь формулировками типа *«попытки монополизировать»* или *«продвижение узкокорыстных интересов»*. Кроме того, Россия прямо декларирует свою приверженность дипломатическим механизмам урегулирования, включая участие в формате «ближневосточного квартета» и продвижение «двухгосударственной модели». В свою очередь, ХАМАС в своих заявлениях не предлагает кон-

⁶ قيسرل سامح كُفْرَح (2023). Запись от 27 декабря в 17:23 // Telegram: [сайт]. URL: <https://t.me/s/EEETCE> (дата обращения: 16.03.2025).

⁷ Выступление Первого заместителя Постоянного представителя Д. А. Полянского в ходе заседания ГА ООН по использованному в СБ ООН праву вето по положению на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // Russiaun.ru: [сайт]. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/40524> (дата обращения: 16.03.2025).

кретных путей мирного разрешения конфликта, сосредотачивая внимание на легитимации военного сопротивления.

Таким образом, анализ цитат позволяет сделать вывод о наличии как значимых совпадений – прежде всего в критике роли США и других западных стран в конфликте, – так и различий в степени радикальности риторики и подходах к его урегулированию (рис. 1).

Официальные заявления ХАМАС и РФ в 2023 г. демонстрируют синтез идеологических и стратегических подходов, обусловленный их статусом и целями. Радикальная риторика ХА-

МАС, ориентированная на мобилизацию внутripалестинской поддержки, контрастирует с российской дипломатией, направленной на укрепление геополитического влияния через формат многосторонних переговоров. При этом общий фокус на легитимацию палестинского самоопределения и критику израильской политики подчёркивает их солидарность в рамках более широкой борьбы за перераспределение власти в международной системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ официальных заявлений ХАМАС и России в 2023–2024 гг. подтверждает наличие определённой конвергенции в их подходах к палестино-израильскому конфликту. Обе стороны выражают солидарность с Палестиной, осуждают действия Израиля и критикуют предвзятость США и Запада. Это объясняется совпадением геополитических интересов: обе стремятся ограничить влияние Израиля и его западных союзников, одновременно укрепляя собственную легитимность на международной арене. Таким образом, поддержка палестинской повестки становится не только проявлением солидарности, но и инструментом внешнеполитического влияния. Это открывает новые перспективы для изучения коалиций «против системы» в международных отношениях, что особенно актуально в эпоху многополярности.

Однако подходы различаются по форме. ХАМАС использует эмоциональную, основанную на религиозно-милитантной парадигме риторику, призывающую к вооружённому сопротивлению и дегуманизации противника. Россия как государственный субъект придерживается сдержанной дипломатической лексики, акцентируя важность мирного урегулирования через переговоры и многостороннее посредничество.

Эти различия отражают разный статус субъектов: Россия как член Совета Безопасности ООН вынуждена соблюдать нормы международной дипломатии, тогда как ХАМАС как негосударственный актор имеет большую свободу в выборе риторики. Такое сравнение способствует развитию теории политического дискурса, демонстрируя связь между формой коммуникации и политическим положением субъекта.

Перспективным направлением для исследования остаётся анализ медиа-репрезентации конфликта. СМИ и социальные

сети играют ключевую роль в формировании общественного восприятия и продвижении политических нарративов, что открывает возможности для изучения влияния гибридных медиа на восприятие международных кризисов и взаимодействие акторов информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдокова Л. З. Региональные конфликты: факторы, сущность, методы решения // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. №6. С. 158–163.
2. Актуальные вопросы политической компаративистики в России [Электронный ресурс] / А. В. Абрамов, В. М. Капицын, О. Ю. Кокурина, Д. С. Полулях, Сунь Чжици // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. DOI 10.18384/2224-0209-2024-3-1514.
3. Барановский В. Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика. М.: Весь Мир, 2021. 720 с.
4. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Фарапонова Т. К. и др. Палестино-израильский конфликт в ретроспективе: роль мировых элит в процессе мирного урегулирования // Власть. 2020. №4. С. 235–240.
5. Грудева Е. А. Языковые манипуляции и риторические стратегии в текстах политических выступлений: критический дискурс-анализ // Политическая лингвистика. 2024. №6. С. 57–69.
6. Дежиц А. Д. Концепция человека в философии Аристотеля [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2023. №4. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 03.03.2025).
7. Демидов К. Б. Палестино-израильский конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. №2. С. 15–33.
8. Крылов А. В., Морозов В. М. Идеология ХАМАС: от радикального исламизма к рациональному практицизму? // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С. 84–99.
9. Махмутова М. И. Специфика функционирования движения ХАМАС в современном мире // Вестник Брянского государственного университета. 2020. №3. С. 99–111.
10. Морина Л. П. Концепт «политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. №4. С. 134–141.

11. Туманова Е. О. Политический дискурс как метадискурс в таксономии дискурсивных практик (лингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. №3. С. 925–931.
12. Хайруллин Т. Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков // Азия и Африка сегодня. 2024. №6. С. 15–24.
13. Ханалиев Н. У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. №2. DOI 10.18384/2224-0209-2019-2-952.
14. Abdelal W. Hamas and the media: Politics and strategy. London: Routledge, 2016. 236 p.
15. Averre D. Russia and the Israel-Palestine conflict // Routledge Companion to the Israeli-Palestinian Conflict. Abingdon: Routledge, 2022. P. 449–459.
16. Awad H. Understanding Hamas: Remarks on Three Different and Interrelated Theoretical Approaches // AlMuntaqa. 2021. Vol. 4. №2. P. 42–62.
17. Bull P., Simon-Vandenberg A. M. Conflict in political discourse: conflict as congenital to political discourse // The Routledge Handbook of Language in Conflict. Abingdon: Routledge, 2019. P. 246–270.
18. Chilwa I. Investigating the language of conflict and peace in critical discourse studies // Critical Discourse Studies. 2024. №2. P. 1–6.
19. Djono J. H., Abidin N. F. Representation of political conflicts in history textbooks // Open Access Policy. 2023. Vol. 10. №1. P. 100–113.
20. Fairclough N. Language and power. London: Routledge, 2013. 274 p.
21. Farzayee S. From State-Centric to Security Complexes: A Review of Regional Security Complex Theory in International Relations // Resolusi: Jurnal Sosial Politik. 2023. Vol. 6. №2. P. 163–179.
22. Gunning J. Hamas in politics: democracy, religion, violence. Oxford: Oxford University Press, 2023. 320 p.
23. Kareem A. H., Najm Y. M. A critical discourse analysis of the biased role of western media in the Israeli-Palestinian conflict // Journal of Language Studies. 2024. Vol. 8. №6. P. 200–215.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Egor A. Nesterov

- e-mail: nesterov_egor03@mail.ru,
Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation

Albina A. Nesterova

- e-mail: anesterova77@rambler.ru,
Doctor. Sci. (Psychology), Prof.,
Department of Social and Educational Psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A str. 2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Nesterov, E. A. & Nesterova, A. A. (2025). Representation of the Palestinian-Israeli Conflict (2023) in Official Statements of HAMAS and the Russian Federation. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify how the reflection of the Palestinian-Israeli conflict is represented in 2023–2024 in the official discourses of the Islamic movement Hamas and the leadership of the Russian Federation; to assess the degree of convergence or divergence of their positions in the context of international perception and political rhetoric.

Methodology. The main method used in the work is critical discourse analysis (CDA). CDA allows not only to deconstruct the official positions of Hamas and Russia, but also to reveal how language serves as an instrument of political strategy – it shapes public opinion, legitimizes actions, reproduces hierarchies of power and ideological contradictions. By analyzing the rhetoric and structure of official statements, it is possible to identify the strategies used to convince the audience and legitimize the actions of the parties in the context of intra-conflict dynamics.

Results. The revealed similarities and differences in the discourse of the non-state Islamist movement Hamas and the Russian Federation reflect the specifics of their positions in the system of international relations and the

conditioning of foreign policy strategies by different levels of responsibility and acceptable rhetorical space. As a subject of international politics, possessing sovereignty and striving to ensure a stable international image, the Russian Federation is forced to adhere to the framework of diplomatic communication, while Hamas, operating outside the traditional norms of state practice, can use more radicalized and emotionally charged rhetoric. The Palestinian-Israeli conflict continues to be a field of geopolitical confrontation between both regional and global actors who use the Palestinian issue to advance their own interests.

Research implications. The article deepens the understanding of the interaction of state and non-state actors in the context of international conflicts, revealing the mechanisms of formation of their discourse through the prism of geopolitical interests and ideological differences. The analysis of official statements by Hamas and by the Russian Federation demonstrates how heterogeneous actors (a non-state radical organization and a sovereign state) can converge in criticizing the foreign policy of third countries (for example, the United States and Israel) while maintaining fundamental differences in rhetoric and strategies. This allows us to expand the existing theoretical framework by combining approaches to the study of political discourse, geopolitics and ideology, and contributes to the methodology of comparative discourse analysis.

Keywords

Palestinian-Israeli conflict, Hamas, Russian international policy, critical discourse analysis

References

1. Abdokova, L. Z. (2024). Regional Conflicts: Factors, Essence, Methods of Solution. In: *Social and Political Sciences*, 14 (6), 158–163 (in Russ.).
2. Abramov, A. V., Kapitsyn, V. M., Kokurina, O. Yu., et al. (2024). Current Issues of Political Comparative Studies in Russia. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3. DOI 10.18384/2224-0209-2019-2-952.
3. Baranovsky, V. G. (2021). *International Landscape: Era of Change. Selected Analytics*. Moscow: Ves Mir publ. (in Russ.).
4. Grigoryan, D. K., Kondratenko, E. N., Faraponova, T. K., et al. (2020). The Palestinian-Israeli Conflict in Retrospect: The Role of World Elites in the Peace Process. In: *The Authority*, 4, 235–240 (in Russ.).
5. Grudeva, E. A. (2024). Language Manipulations and Rhetorical Strategies in the Texts of Political Speeches: Critical Discourse Analysis. In: *Political linguistics*, 6, 57–69 (in Russ.).

6. Dezhits, A. D. (2023). The Concept of Man in the Philosophy of Aristotle. In: *Studia Humanitatis*, 4. URL: www.st-hum.ru (accessed: 03.03.2025) (in Russ.).
7. Demidov, K. B. (2022). The Palestinian-Israeli Conflict. In: *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 9. Oriental and African Studies: Abstract Journal*, 2, 15–33 (in Russ.).
8. Krylov, A. V. & Morozov, V. M. (2018). The Ideology of Hamas: From Radical Islamism to Rational Practicality? In: *Polis. Political studies*, 4, 84–99 (in Russ.).
9. Makhmutova, M. I. (2020). Specifics of the Functioning of the Hamas Movement in the Modern World. In: *Bulletin of Bryansk State University*, 3, 99–111 (in Russ.).
10. Morina, L. P. (2015). The Concept of “Political” in Modern Discourse-Analytical Studies. In: *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 4, 134–141 (in Russ.).
11. Tumanova, E. O. (2023). Political Discourse as a Metadiscourse in the Taxonomy of Discursive Practices (Linguistic Aspect). In: *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 16 (3), 925–931 (in Russ.).
12. Khairullin, T. R. (2024). The Palestinian-Israeli Conflict in 2023: The Reaction of Global and Regional Participants. In: *Asia and Africa today*, 6, 15–24 (in Russ.).
13. Khanaliev, N. U. (2019). The Fragmentation of the Arab World: New Challenges and Conflicts. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2. DOI 10.18384/2224-0209-2019-2-952 (accessed: 03.03.2025) (in Russ.).
14. Abdelal, W. (2016). *Hamas and the Media: Politics and strategy*. London: Routledge.
15. Averre, D. (2022). Russia and the Israel-Palestine Conflict. In: *Routledge Companion to the Israeli-Palestinian Conflict*. Abingdon: Routledge, pp. 449–459.
16. Awad, H. (2021). Understanding Hamas: Remarks on Three Different and Interrelated Theoretical Approaches. In: *AlMuntaqa*, 4 (2), 42–62.
17. Bull, P. & Simon-Vandenberg, A. M. (2019). Conflict in Political Discourse: Conflict as Congenital to Political Discourse. In: *The Routledge Handbook of Language in Conflict*. Abingdon: Routledge, pp. 246–270.
18. Chiluwa, I. (2024). Investigating the Language of Conflict and Peace in Critical Discourse Studies. In: *Critical Discourse Studies*, 2, 1–6.
19. Djono, J. H. & Abidin, N. F. (2023). Representation of Political Conflicts in History Textbooks. In: *Open Access Policy*, 10 (1), 100–113.

20. Fairclough, N. (2013). *Language and Power*. London: Routledge.
21. Farzayee, S. (2023). From State-Centric to Security Complexes: A Review of Regional Security Complex Theory in International Relations. In: *Resolusi: Jurnal Sosial Politik*, 6 (2), 163–179.
22. Gunning, J. (2023). *Hamas in Politics: Democracy, Religion, Violence*. Oxford: Oxford University Press.
23. Kareem, A. H. & Najm, Y. M. (2024). A Critical Discourse Analysis of the Biased Role of Western Media in the Israeli-Palestinian Conflict. In: *Journal of Language Studies*, 8 (6), 200–215.

УДК 321

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Синчук Юрий Владимирович

- e-mail: sinchukjv@mail.ru;
доктор политических наук, профессор, ведущий специалист научно-исследовательского института Государственной политики и управления отраслевой экономикой;
Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99, Российская Федерация

Для цитирования

Синчук Ю. В. Проблема эффективности управления ресурсами образовательных проектов в контексте основных принципов государственной политики Российской Федерации в области образования // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.06.2025
- Статья размещена на сайте 15.08.2025

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Ресурсы образовательного проекта](#)

[Стратегия управления образовательного процесса](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать значимость эффективного управления ресурсами образовательных проектов в контексте основных принципов государственной политики России в области образования.

Процедура и методы. Исследование базируется на комплексном анализе действующей Стратегии развития образования до 2036 г. с перспективой до 2040 г.

Результаты. Рассмотрены основные принципы государственной политики России в области образования: гуманизма, приоритета общечеловеческих ценностей, доступности образования и его светского характера – с учётом сложности в управлении ресурсами образовательного проекта. Определены основные факторы, препятствующие эффективному управлению образовательными ресурсами, и предложены возможные пути решения.

Теоретическая и / или практическая значимость. Представленные результаты вносят вклад в развитие теории и практики эффективного управления ресурсами образовательных проектов в контексте основных принципов государственной политики Российской Федерации и могут быть использованы при совершенствовании законодательства в сфере образования, в учебном процессе при подготовке специалистов профильной направленности, а также в практической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образовательные проекты, образовательное пространство, основные принципы государственной политики, ресурсы проекта, управление ресурсами, образовательные инновации, эффективное управление

ВВЕДЕНИЕ

Политика Российской Федерации в области образования определяет стратегию развития всего образования в государстве. Образование – важная функция государственной политики, фундамент социально-экономического развития РФ, сфера формирования личности, важнейший механизм воспитания гражданина. Государственная политика по эффективности управления ресурсами образовательных проектов в контексте основных принципов государственной политики Российской

Федерации в области образования решает проблему политической стабильности в обществе в целом. Политика в области образования является важным элементом взаимодействия государственных и общественных структур, и от её эффективности зависит уровень и качество жизни граждан.

Разработанная на период до 2036 г. с перспективой до 2040 г. стратегия развития образования в России направлена на повышение качества, доступности образования, формирование конкурентоспособной, гибкой системы образования с учётом потребности экономики и социальной сферы. Она фокусируется на гуманизации, деятельности и вариативности образования. Стратегическая цель государственной политики РФ в области образования – строгое соответствие национальной цели о реализации потенциала каждого человека, развитии его талантов, воспитании патриотичной и социально ответственной личности, повышение доступности качественного образования, отвечающего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

В Конституции РФ (ст. 43) закреплено право любого гражданина на образование. В России получение образования гарантируется на государственном языке, а также предоставляется возможность выбора языка обучения в рамках доступных образовательных возможностей. В Законе РФ «Об образовании» раскрываются основные принципы государственной политики Российской Федерации в области образования: гуманизм, приоритет общечеловеческих ценностей, доступность и светский характер образования, единство федерального культурного и образовательного пространства¹.

РЕСУРСЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

Совокупность взаимосвязанных материальных, нематериальных и человеческих активов, принадлежащих организации и используемых в процессе планирования, выполнения, контроля и завершения проекта с целью решения поставленных задач и получения ожидаемых результатов, – определённые ресурсы образовательного проекта. Ресурсами проекта счита-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 31.05.2025).

ются человеческие, материально-технические, финансовые и временные [7, с. 47].

Ключевыми характеристиками ресурсов проекта являются:

- ограниченность [2, с. 174];
- заменимость (альтернативность) [8, с. 73–77];
- взаимосвязанность с задачами [9, с. 27];
- динамичность (гибкость) [4, с. 83];
- стоимость [1, с. 43].

Ограниченность ресурсов – эффективное распределение и использование имеющихся ресурсов [2, с. 174]. Заменимость (альтернативность) – возможность замены некоторых ресурсов другими, но с потенциальными последствиями для качества и сроков проекта [8, с. 73–77]. Взаимосвязанность с задачами – связь различных видов ресурсов и их влияние друг на друга и на решаемые задачи [9, с. 27]. Динамичность (гибкость) ресурсов – ускорение проекта в процессе его реализации по мере надобности [4, с. 83].

Для успешной реализации проекта – достижения поставленных целей, соблюдения сроков, бюджета – важным является эффективное управление ресурсами.

Проекты в сфере образования играют ключевую роль в развитии общества, и именно поэтому они часто являются инновационными и требуют особенно эффективного управления ресурсами.

Современные технологии стремительно развиваются, а сфера образования должна адаптироваться к новым цифровым реалиям, что требует внедрения инновационных образовательных платформ, инструментов и методик.

Рынок труда постоянно меняется, и образование должно адаптироваться к новым потребностям, развивая у учащихся навыки XXI в. (критическое мышление, креативность, коммуникацию, коллаборацию).

Образовательные проекты способствуют решению многих социальных проблем, таких как неравенство доступа к образованию у разных слоёв населения, создание инклюзивной образовательной среды, которая учитывает потребности всех учащихся.

Проблема эффективного управления ресурсами в образовательных проектах является актуальной в современном мире по нескольким ключевым причинам, обусловленным спецификой образовательной сферы. К причинам актуальности проблемы

можно отнести недостаточное финансирование, повышенные требования к качеству образования, сложность образовательных проектов и необходимость внедрения инноваций.

Проблему эффективности управления ресурсами образовательных проектов в контексте основных принципов государственной политики Российской Федерации в области образования необходимо рассматривать с учётом современного объективного состояния образовательного процесса.

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Стратегия эффективности управления образовательного процесса зависит от своевременного решения актуальных проблем в системе образования РФ.

Для полноценного обеспечения образовательного процесса необходимы:

- финансовые ресурсы для долгосрочного планирования и развития образовательных учреждений;
- обновление оборудования, соответствующего современным требованиям;
- наличие учебных помещений, спортивных залов, библиотек, инфраструктурных объектов;
- соответствие программ потребностям рынка труда;
- прозрачность и устранение коррупции;
- управление человеческими ресурсами в образовании – мотивация педагогов, эффективная система стимулирования в целях повышения их профессиональной активности;
- высокая квалификация преподавателей (опытные и квалифицированные педагоги), способных эффективно использовать и внедрять инновации, новые технологии и методики;
- принятие законов, направленных на защиту чести и достоинства педагогов и ограждение от избыточной бюрократической нагрузки.

Для внедрения новых образовательных стандартов требуются:

- цифровизация и персонализация образования (онлайн-курсы, платформы дистанционного обучения и смешанного обучения, использование технологий для адаптации учебных программ и материалов под индивидуальные потребности учащихся);

- мобильное и гибкое обучение (использование мобильных устройств);
- рост значимости самообразования и социального обучения для обучающихся;
- подготовка педагогических кадров на всех уровнях образования (качественное обучение, обладание необходимыми компетенциями для реализации требований новых стандартов обучения, освоение педагогами новых методик, подходов к обучению и оценки) [6, с. 36];
- реализация инклюзивного образования (обучение особенных детей в обычных школах) – достаточное количество педагогов, квалифицированных дефектологов, логопедов и психологов [10, с. 34];
- развитие инклюзивного образования в системе высшего образования – одно из стратегических направлений, отражающих ценности равенства, доступности и социальной справедливости;
- развитие STEM-образования (глубокие познания в областях естественных наук, технологий, инженерии и математики) [3; 5; 11].

Современные основные базовые принципы стратегии развития образования в России предполагают формирование устойчивого, незыблемого обучения и воспитания, обновление образовательной инфраструктуры, развитие отдыха обучающихся и повышение статуса педагога.

Стратегия эффективности управления образовательными проектами в контексте основных принципов государственной политики Российской Федерации в области образования – совокупность различных мероприятий, действий, решений и т. д. государственных органов, объединённых общей целью – поступательным развитием российского образования.

Область образования – одно из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации (п. 1 ст. 1 Закона РФ «Об образовании»), что является конституционной нормой, в соответствии с которой человек, его права и свободы – высшая ценность, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ).

РФ заинтересована в развитии сферы образования в целях соблюдения прав и свобод человека и гражданина, успешного развития российской экономики, социального благополучия нации и в целом укрепления национальной безопасности государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос повышения эффективности управления ресурсами образовательных проектов в контексте основных принципов государственной политики Российской Федерации в области образования является важнейшей составляющей политики государства, инструментом обеспечения фундаментальных прав и свобод личности, повышения темпов социально-экономического и научно-технического развития, гуманизации общества, роста культуры. В результате согласованных действий государства и общества образовательная политика государства устанавливает цели и задачи развития образования, гарантирует их проведение в жизнь. Сфера образования способствует общественному развитию, прогрессу. В образовательных проектах поиск путей эффективного управления ресурсами является необходимым условием для развития.

Задача современной образовательной политики – достижение современного качества образования, соответствие актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазова М. А., Грибанов В. П. Оценка стоимости проектов: программный инструментарий // Открытое образование. 2008. №5. С. 43–50.
2. Дмитриева Г. С. Особенности финансирования инвестиционно-инновационных проектов в условиях ограниченности ресурсов // Economy. 2010. №6. С. 174–176.
3. Мурзина Н. П. Профессиональная готовность учителей к дистанционному обучению в условиях напряженной ситуации в обществе и образовании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. №2. С. 152–156.
4. Романенко М. А. Оценка гибкости человеческих ресурсов инновационных проектов предприятия // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2020. №4. С. 82–91.
5. Савастыина А. А. Проблемы внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №19. С. 178–181.
6. Сиденко Е. А. Повышение квалификации педагогов образовательных комплексов в условиях введения Федерального госу-

дарственного образовательного стандарта // Образование и наука. 2016. №2. С. 34–54.

7. Стоянова О. В., Васицына А. И. Особенности управления ресурсами проектов в сфере нанотехнологий // Успехи в химии и химической технологии. 2011. №13. С. 47–49.
8. Тихобаев В. Метод балансовых вариаций и управление рынком // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. №5. С. 73–81.
9. Троицкая Н. Н. Управление рисками инвестиционного проекта // Индустриальная экономика. 2020. №2. С. 27–31.
10. Хуснутдинова М. Р. Риски инклюзивного образования // Образование и наука. 2017. №3. С. 26–45.
11. Шалашова М. М. Stem-педагог: учитель будущего // Образовательная политика. 2020. №5. С. 34–39.

ARTICLE INFORMATION

Author

Yuri V. Sinchuk

- e-mail: sinchukjv@mail.ru,
Dr. Sci. (Political Science), Prof., Leading Specialist,
Research Institute Public Policy and Management of Industrial Economy,
State University of Management
Ryazansky pr-t 99, Moscow 109542, Russian Federation

For citation

Sinchuk Yu. V. The Problem of Effective Resource Management of Educational Projects in the Context of the State Policy Basic Principles of the Russian Federation in The Educational Field // Russian Social and Humanitarian Journal, 2025, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze the importance of effective management of educational project resources in the context of the main principles of the Russian state policy in the educational field.

Methodology. The study is based on a comprehensive analysis of the document called "Strategy for the Development of Education until 2036, with a Perspective until 2040."

Results. The main principles of the Russian state policy in the educational field refer to humanism, priority of universal values, accessibility of education and its secular nature, considering the complexity of managing educational project resources. The main factors that hinder the effective management of educational resources are identified, and possible solutions are proposed.

Research implications. The presented results contribute to the theoretical and practical development of effective management of educational project resources in the context of the main principles accepted in the state policy of the Russian Federation and can be used to improve legislation in the educational field, in the educational process in the training of specialists in the relevant field, as well as in practical activities.

Keywords

educational projects, educational space, main principles of state policy, project resources, resource management, educational innovations, effective management

References

1. Glazova, M. A. & Gribov, V. P. (2008). Project Cost Assessment: Software Tools. In: *Open Education*, 5, 43–50 (in Russ.).
2. Dmitrieva, G. S. (2010). Features of Financial Investment and Innovation Projects in Conditions of Limited Resources. In: *Economy*, 6, 174–176 (in Russ.).
3. Murzina, N. P. (2020). Professional Readiness of Teachers for Distance Learning in a Tense Situation in Society and Education. In: *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2, 152–156 (in Russ.).
4. Romanenko, M. A. (2020). Assessment of the Flexibility of Human Resources of Innovative Enterprise Projects. In: *Herald of Omsk University. Series: Economics*, 4, 82–91 (in Russ.).
5. Savastina, A. A. (2015). Problems of Introducing Distance Learning into the Educational Process. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 19, 178–181 (in Russ.).
6. Sidenko, E. A. (2016). Advanced Training of Teachers of Educational Complexes in the Context of the Introduction of the Federal State Educational Standard. In: *Education and Science*, 2, 34–54 (in Russ.).
7. Stoyanova, O. V. & Vasitsyna, A. I. (2011). Features of Resource Management of Projects in the Field of Nanotechnology. In: *Advances in Chemistry and Chemical Technology*, 13, 47–49 (in Russ.).
8. Tikhobaev, V. (2012). Method of Balance Variations and Market Management. In: *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, 73–81 (in Russ.).
9. Troitskaya, N. N. (2020). Investment Project Risk Management. In: *Industrial Economy*, 2, 27–31 (in Russ.).
10. Khusnutdinova, M. R. (2017). Risks of Inclusive Education. In: *Education and Science*, 3, 26–45 (in Russ.).
11. Shalashova, M. M. (2020). Stem-Teacher: Teacher of the Future. In: *Educational Policy*, 5, 34–39 (in Russ.).

УДК 811.111.6.08

ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КОНТЕКСТОВ СО СПЕЦИФИЧНЫМИ ДЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СИНТАКСИЧЕСКИМИ АППРОКСИМАТОРАМИ

Адамович Светлана Васильевна

- e-mail: adamovich@grsu.by;
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой перевода
и межкультурной коммуникации факультета истории,
коммуникации и туризма;
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22, Республика Беларусь

Рычкова Людмила Васильевна

- e-mail: rychkova@grsu.by;
кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры
перевода и межкультурной коммуникации факультета истории,
коммуникации и туризма;
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22, Республика Беларусь

Для цитирования

Адамович С. В., Рычкова Л. В. Перевод на немецкий язык контекстов со специфичными для русского языка синтаксическими аппроксиматорами // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.05.2025
- Статья размещена на сайте 08.09.2025

СТРУКТУРА

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Научный и дидактический потенциал параллельных корпусов и формирование объективно-доказательной базы исследования Семантика русскоязычных контекстов с целевыми синтаксическими аппроксиматорами

Переводческие лакуны и случаи потери при переводе семантики аппроксимации

Замена аппроксимативности иной семантикой при переводе

Соотношение переводов с сохранением семантики аппроксимативности с контекстуальной семантикой русскоязычных контекстов

Средства передачи семантики аппроксимативности при переводе на немецкий язык русскоязычных контекстов

Корреляция использованных переводчиками аппроксиматоров с семантикой русскоязычных контекстов

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить оптимальные способы перевода на немецкий язык русскоязычных контекстов, содержащих инверсию числительного и существительного как специфичное для русского языка средство выражения семантической категории аппроксимации.

Процедура и методы. Посредством контекстуального анализа русскоязычного языкового материала, полученного из русско-немецкого параллельного модуля Национального корпуса русского языка, исчислена контекстуальная семантика использования инверсии числительного и существительного как средства выражения аппроксимации. Для выявления частотности использованных в немецкоязычных переводах аппроксиматоров и их возможной корреляции с контекстуально-семантическими группами русскоязычных контекстов был использован сопоставительный метод.

Результаты. Инверсия числительного и существительного как синтаксический аппроксиматор используется в русском языке для передачи: времени / временного периода; возраста человека; количества (человек / людей, денег, раз и др.); расстояния, температуры, площади. Доказано, что оптимальным способом перевода таких русскоязычных контекстов на немецкий язык является использование лексического аппроксиматора *etwa*.

Теоретическая и практическая значимость. Публикация вносит определённый вклад в изучение категориальной семантики и специфики средств её выражения в русском и немецком языках с использованием возможностей параллельных корпусов. Раскрыт также дидактический потенциал использования параллельных корпусов в подготовке переводчиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

аппроксиматоры, перевод, русско-немецкий параллельный корпус, семантическая категория аппроксимации, сопоставительный анализ

ВВЕДЕНИЕ

Ранее проведённое исследование позволило выявить лингвистические особенности аппроксимации как семантической категории, в качестве категориального значения которой было определено «не просто значение приблизительности, а значение приблизительности, установленное посредством имплицитного сравнения с некоторой нормой (точкой отсчёта или ординарным уровнем качества), сопровождаемое идеей оценки» [1, с. 7], и определить отличия в системах средств выражения категории аппроксимации в русском и немецком языках, в частности, выявить специфичный для русского языка по сравнению с немецким синтаксический аппроксиматор – инверсию числительного и существительного. Данный способ выражения семантики аппроксимации невозможен в немецком языке, поскольку в нём числительное, стоящее после существительного, имеет иную семантику – порядкового числительного.

Лакуарность средств выражения всегда вызывает сложности в освоении иностранных языков и представляет особый интерес при обучении будущих переводчиков. Здесь на помощь приходит дидактический потенциал таких современных

языковых ресурсов, как параллельные корпуса текстов (см., например, [9; 10]), нашедших также эффективное применение в практическом переводе [2; 4; 11; 15]. Это обуславливает актуальность данного исследования, *целью* которого является определение оптимальных способов перевода на немецкий язык русскоязычных контекстов, содержащих инверсию числительного и существительного как специфичное для русского языка средство выражения семантической категории аппроксимации. *Задачи* исследования заключаются в следующем: 1) обосновать выбор использования параллельного корпуса как источника материала исследования и сформировать экспериментально-доказательную базу исследования; 2) исчислить контекстуальную семантику, в условиях которой в русском языке используются целевые для данного исследования аппроксиматоры; 3) провести сопоставительный анализ оригинальных контекстов и соответствующих им фрагментов перевода с целью выявления (а) переводческих лагун, (б) случаев перевода, когда теряется значение аппроксимации, и соотнести их с контекстуальной семантикой групп русскоязычных контекстов; 4) осуществить анализ языкового материала, содержащего контексты, в переводах которых была сохранена семантика аппроксимативности, с точки зрения частотности их употребления и возможной корреляции с контекстуально-семантическими группами русскоязычных контекстов.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит определённый вклад в изучение категориальной семантики и специфики средств её выражения в русском и немецком языках с использованием возможностей параллельных корпусов. *Практическая значимость* исследования заключается в раскрытии дидактического потенциала использования параллельных корпусов в подготовке переводчиков. Полученные результаты релевантны для сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии.

Материалом исследования (на момент его сбора¹) послужили 84 русскоязычных оригинальных контекста, содержащие 92 целевых синтаксических аппроксиматора², и соответствующие оригинальным контекстам фрагменты их перевода на немецкий язык. Среди них есть фрагменты, соответствующие

¹ Национальный корпус русского языка является не только полностью открытым для пользователей, но и динамичным, постоянно пополняемым ресурсом.

² В четырёх контекстах обнаружено по два аппроксиматора, в двух – по три.

одним и тем же русскоязычным контекстам, извлечённые из текстов переводов, выполненных разными переводчиками. Совокупность оригинальных контекстов и их переводов составила экспериментально-доказательную базу исследования. На первом этапе исследования был использован контекстуальный анализ русскоязычного языкового материала с целью исчисления контекстуальной семантики, в условиях которой в русском языке используются целевые для данного исследования синтаксические аппроксиматоры. На следующих этапах исследования был использован сопоставительный метод, что позволило: выявить переводческие лакуны; случаи перевода, когда теряется значение аппроксимации, и их потенциальную корреляцию с контекстуально-семантическими группами русскоязычных контекстов; провести анализ языкового материала, содержащего контексты, в переводах которых была сохранена семантика аппроксимативности, для выявления частотности использованных в немецкоязычных переводах аппроксиматоров и их возможной корреляции с контекстуально-семантическими группами русскоязычных контекстов.

НАУЧНЫЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНО-ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Известный компьютерный лингвист Т. Эржавец в своей статье «Формирование и использование параллельных корпусов», опубликованной ещё в 2002 г., справедливо отмечал следующее: «Несмотря на то что одноязычные корпуса уже широко используются для различных целей, именно многоязычные корпуса открывают путь для эмпирического изучения процесса перевода. Особую ценность представляют так называемые параллельные корпуса, т. е. корпуса, состоящие из текстов вместе с их переводом на один или несколько языков. Они могут использоваться как непосредственно людьми в качестве средства перевода, так и предоставлять данные для ресурсов машинного индукционного перевода (лексикона и программного обеспечения)»³ [15, р. 93].

³ Здесь и далее перевод англоязычных цитат осуществлён авторами данной статьи.

Эффективность использования параллельных корпусов для целей обучения и переводоведения во многом обеспечивается проведением на их базе предварительных сопоставительных исследований, а также составлением на их основе лексикографических продуктов.

Научный и дидактический потенциал параллельных корпусов, а также возможность их использования для целей лексикографии отмечается многими авторами научных публикаций. Рассмотрим лишь некоторые из них. Так, Л. Димитрова, В. Косеска-Тошева, Д. Рожко и Р. Рожко на основе специально созданного трёхязычного, болгарско-польско-литовского, параллельного исследовательского корпуса показали возможность сопоставления мало исследованных близко- и неблизкородственных языков, особо остановившись на особенностях морфолого-синтаксической разметки в текстах на этих языках таких частей речи, как имя прилагательное и причастие [14]. Авторы публикации также подчеркнули особую важность подобного рода ресурсов для создания дву- и многоязычных электронных лексикографических продуктов, в особенности включающих языки, для которых не существует либо есть в наличии лишь небольшое количество электронных языковых ресурсов⁴. Такие языки в англоязычном научном пространстве принято обозначать термином *under-resourced languages*⁵.

Отмечая применимость параллельных корпусов для создания многоязычных лексиконов, Д. Туфис, А. М. Барбу и Р. Ион в своей публикации подчёркивают, что «переводные двуязычные лексиконы сильно отличаются от соответствующих печатных словарей, предназначенных для человека. Заметная разница между печатными двуязычными словарями и двуязычными лексиконами, необходимыми для машинного перевода, не удивительна. Традиционная лексикография имеет дело с переводческой эквивалентностью (основной концепцией двуязычной лексикографии), дискретной по своей сути. То, что можно найти в печатном словаре или лексиконе (двуязычном или многоязычном), представляет собой просто набор общих базовых переводов. В случае специализированных регистров общие лексиконы обычно не очень полезны»

⁴ О языковых ресурсах см., например, публикации одного из соавторов данной статьи [12; 13].

⁵ См. дефиницию соответствующего понятия на портале специальной группы, созданной Европейской ассоциацией языковых ресурсов (ELRA). SIGUL: Special Interest Group on Under-resourced Languages [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sigul.eu> (дата обращения: 04.05.2025).

[17, р. 164]. Специфика использования параллельных корпусов для перевода как раз и состоит в том, что они, в отличие от традиционной переводной лексикографии, позволяют выявить случаи реально существующей, а не только дискретной, переводческой эквивалентности, для чего авторы публикации вслед за В. А. Гэйлом и К. В. Черчем [16] используют термин *translation equivalence relation* 'отношение переводческой эквивалентности', причём «переводческая эквивалентность», подчёркивают авторы, «может быть определена на различных уровнях детализации: абзац, предложение, лексический уровень» [17, р. 164]. Таким образом, использование параллельных корпусов «может помочь устранить некоторые трудности, отмеченные при использовании двуязычных словарей» [18, р. 169].

«Языковые явления, представляющие серьёзные трудности как для контрастивной лексикологии, так и для двуязычной лексикографии» [6, с. 411], стали предметом рассмотрения в статье одного из инициаторов создания параллельных модулей в рамках Национального корпуса русского языка⁶ Д. О. Добровольского «Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология» [6], в которой автор пишет о том, что «материал параллельных корпусов провоцирует вопросы лексикографического представления межъязыковых лексических коррелятов, особенно если подобные соответствия не являются эквивалентами в точном смысле» [6, с. 411]. Эта фундаментальная по своей сути статья нашла логическое продолжение ещё в одной публикации этого автора, в которой он подтверждает выводы Д. Туфиса, А. М. Барбу и Р. Иона, отмечая, что «исследование лексических единиц разных языков, традиционно считавшихся эквивалентными, с опорой на КоПарТ⁷ часто позволяет выявить ряд нетривиальных семантических различий» [5, с. 384]. Результаты исследования, проведённого Д. О. Добровольским на материале параллельных корпусов, объективно демонстрируют правоту А. Вежбицкой, которая считает необходимым осознание «того факта, что значения слов разных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях)» [3, с. 18]. Таким образом, контрастивные исследования, зачастую проводимые исключительно на базе словарных

⁶ Первые описания этого модуля можно найти в публикациях Д. О. Добровольского, А. А. Кретьева, С. А. Шарова [7; 8].

⁷ Сокращение «КоПарТ» автор использует вместо номинации *корпус параллельных текстов*.

данных, не способны отразить функциональные отличия, освоение которых необходимо будущим переводчикам.

В этой связи важным представляется вопрос о соотношении «двух (обычно плохо различаемых) категорий: межъязыковой эквивалентности лексических единиц на системном уровне (например, как она представлена в двуязычном словаре), с одной стороны, и функциональной эквивалентности этих же единиц как элементов конкретного текста – с другой. В первом случае мы имеем дело с категорией сопоставительной лексикологии (контрастивной лексической семантики), а во втором – с категорией теории перевода или сопоставительной лингвистики текста» [5, с. 386].

Как правило, в фокусе обучения переводчиков находится культурно-специфичная лексика и культурно обусловленная лексическая лакуарность, и значительно меньшее внимание уделяется собственно лингвистической специфике, т. е. случаям «отсутствия полной эквивалентности», обусловленным «особенностями языковой структуры», которые «интересны в первую очередь с точки зрения сопоставления языковых систем и отражения соответствующих несовпадений в организации дискурса» [5, с. 385].

Очевидно, что параллельные корпуса, представляя собой дву- или многоязычный языковой ресурс, спецификой которого является наличие разметки выравнивания, когда каждому предложению в тексте оригинала ставится в соответствие фрагмент в тексте перевода, являются оптимальным ресурсом для нашего исследования, цель которого – определить оптимальные способы перевода на немецкий язык русскоязычных контекстов, содержащих инверсию числительного и существительного как специфичное для русского языка средство выражения семантической категории аппроксимации. Важной для цели нашего исследования представляется и возможность получения корпусных данных относительно частотности употребления тех или иных способов перевода на немецкий язык с сохранением семантики аппроксимативности русскоязычных контекстов, содержащих такие аппроксиматоры, поскольку, как справедливо отмечает Д. О. Добровольский: «важным параметром, по которому языки могут различаться между собой, является степень употребительности определённых выражений. Так, некоторое выражение *A* языка *L1* может стандартным образом переводиться на язык *L2* с помощью выражения *B* –

вполне корректного с точки зрения норм этого языка. Таким образом, выражения *A* и *B* оказываются эквивалентными в рамках системы соответствующих языков. Тем не менее их функциональная эквивалентность часто представляется неполной. В частности, это имеет место в случае, когда одно из выражений оказывается в своём языке существенно более употребительным, чем его переводной эквивалент – в своём» [6, с. 413].

Всё вышеизложенное обусловило выбор в качестве источника для формирования экспериментально-доказательной базы исследования русско-немецкого параллельного модуля Национального корпуса русского языка. Особенностью всех модулей этого корпуса является возможность поиска не только по лемме, т. е. всем грамматическим формам целевой лемлемы, но и по её конкретной форме в необходимых контекстах.

СЕМАНТИКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОНТЕКСТОВ С ЦЕЛЕВЫМИ СИНТАКСИЧЕСКИМИ АППРОКСИМАТОРАМИ

В русскоязычных контекстах использование целевых аппроксиматоров связано с выражением семантики времени (10 случаев) или временного периода (18 случаев), возраста человека / людей (37 случаев), количества (21 случай), расстояния (4 случая), температуры (1 случай), площади (1 случай). Чаще всего инверсия существительного и числительного используется при указании возраста человека / людей, а также времени или временного периода. Лишь в единичных контекстах речь идёт о расстоянии, площади и температуре.

В пяти из шести контекстов, в которых обнаружено более одного целевого аппроксиматора, выражается одна и та же семантика: количества (два контекста с тремя аппроксиматорами и один контекст с двумя аппроксиматорами), возраста (один контекст с двумя аппроксиматорами), временного периода (один контекст с двумя аппроксиматорами). Лишь в одном контексте с двумя аппроксиматорами они использованы для указания и на время, и на температуру.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И СЛУЧАИ ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЕМАНТИКИ АППРОКСИМАЦИИ

Сопоставление русскоязычных оригиналов с переводами на немецкий язык выявило один случай переводческой недобросовестности, когда в переводе соответствующий фрагмент русскоязычного оригинала отсутствует (выделен ниже в примере полужирным шрифтом):

Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи, да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слогe [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)] // *Er brauchte neue Hosen, mußte⁸ den Schuster bezahlen fürs Ansetzen von Kappen an den Schuhen, und dann wollte er bei der Näherin drei Hemden bestellen* [Nicolaj Gogol. Der Mantel (Rudolf Kassner, 1912)]⁹.

Значение аппроксимативности утрачивается при переводе в 46 случаях, причём в зависимости от контекстуальной семантики русскоязычных оригиналов случаи немецкоязычных переводов распределились следующим образом: семантика времени – 6 случаев (60% от общего числа такого рода контекстов); семантика временного периода – 13 случаев (~72,2%); семантика возраста – 11 случаев (~29,7%); семантика количества – 14 случаев (~66,7%); семантика расстояния – 1 случай (25%), семантика температуры – 1 случай (100%). Примеры соответствующих пар контекстов приведены ниже.

Семантика времени:

(1) *Лет **восемь назад** у нас тут был агентом старичок, величайшего ума человек* [А. П. Чехов. Дуэль (1891)] // *Vor acht Jahren 'восемь лет назад' hatten wir hier einen alten Agenten. Er war ein sehr kluger Mensch* [Ein Zweikampf. Anton Tschechow (Korfiz Holm, 1919)];

(2) *Отдавать в наем свой флигель на дворе она не нуждалась, но все знали, что пустила к себе жилицей Грушеньку (еще **года четыре назад**) единственно в угоду родственнику своему купцу Самсонову, Грушенькиному открытому покровителю* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3–4) (1878)] // *Sie hatte es nicht nötig, ihr Seitengebäude zu vermieten; aber jeder wusste, daß sie schon vor vier*

⁸ В примерах сохранена орфография оригинальных текстов.

⁹ Все примеры из: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.04.2020).

Jahren 'четыре года назад' *Gruschenka aus einem ganz bestimmten Grund als Mieterin aufgenommen hatte, nämlich um ihrem Verwandten, dem Kaufmann Samsonow, Gruschenkas Beschützer, damit einen Gefallen zu tun* [Die Brüder Karamasow (3.–4. Teile). Fjodor Dostojewski (Hermann Röhl, 1924)].

Семантика временного периода:

(3) *Года два* ты прожил в любви, а теперь, очевидно, твоя семейная жизнь вступила в тот период, когда ты, чтобы сохранить равновесие, так сказать, должен пустить в ход всё свое терпение... [А. П. Чехов. Дуэль (1891)] // *Zwei Jahre* 'два года' *hast du in Liebe gelebt, jetzt ist dein Familienleben augenscheinlich in die Phase getreten, wo du all deine Geduld in Anwendung bringen muß, um das Gleichgewicht zu erhalten* [Ein Zweikampf. Anton Tschechow (Korfiz Holm, 1919)];

(4) Придя к себе в кабинет, он *минут пять* ходил из угла в угол, искоса поглядывая на сапоги, потом сел на диван и пробормотал... [А. П. Чехов. Дуэль (1891)] // *Dann begab er sich in sein Kabinett und ging dort fünf Minuten* 'пять минут' *lang auf und ab und schielte nach seinen Stiefeln. Endlich nahm er sie, setzte sich auf den Diwan und murmelte:* [Ein Zweikampf. Anton Tschechow (Korfiz Holm, 1919)].

Семантика возраста:

(5) Иван Андреевич Лаевский, молодой человек *лет 28*, худощавый блондин, в фуражке министерства финансов и в туфлях, придя купаться, застал на берегу много знакомых и между ними своего приятеля, военного доктора Самойленко [А. П. Чехов. Дуэль (1891)] // *Iwan Andrejitsch Lajewskij, ein blonder, hagerer Mann von achtundzwanzig Jahren* 'двадцати восьми лет', *traf, als er, die Uniformmütze des Finanzressorts auf dem Kopf und Pantoffeln an den Füßen, zum Baden kam, am Strande viele Bekannte und darunter seinen Freund, den Militärarzt Samoilenko* [Ein Zweikampf. Anton Tschechow (Korfiz Holm, 1919)];

(6) Он учил Сашу французскому и немецкому языкам, истории, географии – всем наукам, как говорила Анна Федоровна, и за то получал от нее квартиру и стол; Саша была препонятливая девочка, хотя резвая и шалунья; ей было тогда *лет тринадцать* [Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1844)] // *Er unterrichtete Ssasha, lehrte sie Französisch und Deutsch, Geschichte und Geographie – d. h. «alle Wissenschaften», wie Anna Fedorowna zu sagen pflegte, und dafür brauchte er für Kost und Logis nichts zu zahlen. Ssasha war ein sehr begabtes Mädchen, doch entsetzlich unartig und lebhaft. Sie war*

*damals erst **dreizehn Jahre** 'тринадцать лет' alt* [Arme Leute. Fjodor Dostojewski (E. K. Rahsin, 1920)].

Семантика количества:

(7) **Человек восемь молодых людей** толпились озабоченно около открытого окна. Трое возились с молодым медведем, которого один таскал на цепи, пугая им другого. [Л. Н. Толстой. Война и мир (том 1) (1865–1869)] // **Acht junge Leute** 'восемь молодых людей' *drängten sich erregt um ein offenes Fenster; drei andere gaben sich mit einem jungen Bären ab, den einer an der Kette hin und her schleppte, um damit die anderen zu erschrecken* [Lew Tolstoi. Krieg und Frieden (1. Band) (Hermann Röhl, 1922)];

(8) – А то **рубликов пятнадцать** дадите, я на конной куплю, – сказал Никита, знавший, что красная цена бескостречному, которого хочет ему сбыть Василий Андреич, **рублей семь**, а что Василий Андреич, отдав ему эту лошадь, будет считать ее **рублей в двадцать пять**, и тогда за полгода не увидишь от него денег [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник (1895)] // «Sonst könnten Sie mir ja auch **fünfzehn Rubel** 'пятнадцать рублей' geben, und ich kaufe mir ein Pferd auf dem Pferdemarkt,»antwortete Nikita, der recht wohl wußte, daß für den Kreuzschwachen, welchen Wasili Andrejitsch an ihn loswerden wollte, der richtige Preis war, Wasili Andrejitsch aber, wenn er ihm dieses Pferd überließe, es ihm mit **fünfundzwanzig Rubeln** 'двадцать пять рублей' anrechnen werde und er dann ein halbes Jahr lang von ihm kein Geld werde zu sehen bekommen [Herr und Knecht. Lew Tolstoi (Hermann Röhl, 1913)].

Семантика расстояния:

(9) Пройдя **шагов шесть** и сбившись с дорожки в снег, Пьер оглянулся под ноги, опять быстро взглянул на Долохова, и потянув пальцем, как его учили, выстрелил [Л. Н. Толстой. Война и мир (том 2) (1865–1869)] // *Nachdem er **sechs Schritte** 'шесть шагов' nach vorn und etwas abseits vom Weg in den Schnee gegangen war, sah er zuerst zu Boden, hob dann rasch seinen Blick zu Dolochow auf, streckte, wie man ihm gezeigt hatte, den Finger vor und schoss* [Lew Tolstoi. Krieg und Frieden (2. Band) (Hermann Röhl, 1922)].

Семантика температуры:

(10) Был час третий. Было морозно – **градусов десять**, пасмурно и ветрено [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник (1895)] // *Es war zwischen zwei und drei Uhr nachmittags, kalt (**zehn Grad**) 'десять градусов', trübe und windig* [Herr und Knecht. Lew Tolstoi (Hermann Röhl, 1913)].

Таким образом, установлено, что в 39 случаях значение аппроксимативности при переводе на немецкий язык заменяется точным значением.

ЗАМЕНА АППРОКСИМАТИВНОСТИ ИНОЙ СЕМАНТИКОЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В трёх из проанализированных пар оригинальных и переводных контекстов значение аппроксимативности заменяется значением неопределённости, например:

(1) *Самойленко положил обоим нахлебникам по целой кефали, и собственноручно полил соусом. Минуты две прошли в молчании. – Женщина играет существенную роль в жизни каждого человека, – сказал дьякон. – Ничего не поделаешь* [А. П. Чехов. Дуэль (1891)] // *Samoilenko legte jedem seiner Pensionäre einen ganzen Fisch auf den Teller und goß eigenhändig die Sauce darüber. Ein paar Minuten 'несколько минут' vergingen im Schweigen. «Das Weib spielt eine wesentliche Rolle im Leben jedes Menschen», sagt der Diakon, «dabei ist nichts zu machen»* [Ein Zweikampf. Anton Tschschow (Korfiz Holm, 1919)].

В четырёх случаях при переводе значение аппроксимативности теряется, но появляется значение модальности предположения, например:

(2) *Как будто она из тех, которые ходят ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама, – продолжал он, вздохнувши, – один плащ на ней стоит рублей восемьдесят!* [Н. В. Гоголь. Невский проспект (1835)] // *«Sie ist doch nicht eine von jenen, die jeden Abend auf dem Newskij-Prospekt herumspazieren; sie muß eine sehr vornehme Dame sein», fuhr er mit einem Seufzer fort: «der Mantel allein wird seine achtzig Rubel gekostet haben!* 'стоил, пожалуй, своих восьмидесяти рублей' [Der Newskij-Prospekt. Nikolaj Gogol (Alexander Eliasberg, 1922)].

В примере (2) для выражения значения модальности предположения используется временная форма относительного будущего времени Futur II, которая в немецком языке может использоваться для выражения предположения в прошедшем времени.

СООТНОШЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ С СОХРАНЕНИЕМ СЕМАНТИКИ АППРОКСИМАТИВНОСТИ С КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОНТЕКСТОВ

Значение аппроксимативности, для передачи которого в переводах используются разноуровневые аппроксиматоры, наблюдается в 46 случаях. С учётом контекстуальной семантики случаи немецкоязычных переводов распределяются следующим образом: семантика времени – 4 случая (40% от общего количества контекстов такой семантики); семантика временного периода – 5 случаев (~27,8%); семантика возраста – 26 случаев (~70,3%); семантика количества – 7 случаев (~33,3%); семантика расстояния – 3 случая (75%), семантика площади – 1 случай (100%). Примеры соответствующих пар контекстов приведены ниже.

Семантика времени:

(1) Он какой-то чиновник без места, из службы **лет семь тому** исключённый за что-то [Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1844)] // *Er soll ein stellenloser Beamter sein – vor etwa sieben Jahren aus dem Dienst entlassen, man weiß nicht, weshalb* [Arme Leute. Fjodor Dostojewski (E. K. Rahsin, 1920)].

Семантика временного периода:

(2) Никита дремал. Они молча проехали так **минут десять**. Вдруг Василий Андреич заговорил что-то [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник (1895)] // *Nikita war eingedruselt. So fuhren sie etwa zehn Minuten schweigend. Plötzlich sagte Wasili Andrejitsch etwas* [Herr und Knecht. Lew Tolstoi (Hermann Röhl, 1913)].

Семантика возраста:

(3) Один из них изображал мужчину **лет сорока**, румяного и полного, в светло-зелёном мундире и со звездой; другой – молодую красавицу с орлиным носом, с зачёсанными висками и с розой в пудренных волосах [А. С. Пушкин. Пиковая дама (1834)] // *Eines zeigte einen ungefähr vierzigjährigen Mann, rosig und füllig, in hellgrüner Uniform mit Stern; das andere -eine junge Schönheit mit Adlernase, an den Schläfen zurückgekämmt, mit einer Rose dekoriertem gepudertem Haar* [Alexander Puschkin. Pique Dame (Alexander Eliasberg, 1907–1922)].

Семантика количества:

(4) Его ожидало **человек шесть** здоровых и крепких козаков, уже несколько пожилых [Н. В. Гоголь. Вий (1835)] // *Hier erwarteten*

ihn **an die sechs** stämmige, kräftige, etwas bejahrte Kosaken [Der Wj. Nikolaj Gogol (Alexander Eliasberg, 1922)].

Семантика расстояния:

(5) Было сыро и мокро; князь расспросил прохожих, – до конца предстоявшего ему пути выходило **версты три**, и он решился взять извозчика [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868–1869)] // Es war feucht und naß; der Fürst erkundigte sich bei Vorübergehenden: er hörte, daß es bis zum Ende seines Weges **etwa drei Werst** seien, und entschied sich dafür, eine Droschke zu nehmen [Fjodor Dostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1981)].

Семантика площади:

(6) Когда Николай Петрович размежевался с своими крестьянами, ему пришлось отвести под новую усадьбу **десятины четыре** совершенно ровного и голого поля [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)] // Als Kirsanoff seine Bauern ablöste, behielt er für seine neue Wirschaft nur **ungefähr vier Dessätinen** ganz ebenen und unbebauten Bodens übrig. [Iwan Turgenew. Väter und Söhne (Friedrich von Bodenstedt, 1860–1880)].

СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ АППРОКСИМАТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОНТЕКСТОВ

В результате сопоставительного анализа выявлено, что при переводе используются разноуровневые аппроксиматоры, среди которых преобладают лексические аппроксиматоры: *etwa* (26 случаев), *ungefähr* (6 случаев), *einige* (3 случая). Используются также аппроксиматоры синтаксического уровня: словосочетания с предлогами *an die* (3 случая), *gegen* (2 случая), *über* (2 случая), *zwischen* (1 случай).

В четырёх случаях, когда речь идёт о семантике возраста, при переводе используются существительные, образованные от несклоняемых прилагательных:

(1) Хозяин, родом яицкий казак, казался **мужик лет шестидесяти**, ещё свежий и бодрый [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)] // Der Wirt, ein Jaïkkosak, schien **ein Sechziger** zu sein, aber noch frisch und kräftig [Alexander Puschkin. Die Hauptmannstochter (Fred Ottow, 1971)];

(2) Вошёл **человек лет шестидесяти**, беловолосый, худой и смуглый, в коричневом фраке с медными пуговицами и в розовом платочке на шее [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)] // Ein

magerer Mann in den Sechzigern, mit weißem Haar und braunem Gesicht, war in das Zimmer getreten. Er trug einen kastanienfarbigen Frack mit kupfernen Knöpfen und eine rosarote Krawatte [Iwan Turgenew. Väter und Söhne (Friedrich von Bodenstedt, 1860–1880)].

Образованные от несклоняемых прилагательных существительные с количественной семантикой имплицитно выражают приблизительный возраст: *мужик лет шестидесяти* – *ein Sechziger* ‘человек в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет’, *человек лет сорока* – *ein Vierziger* ‘человек в возрасте от сорока до пятидесяти лет’. Следует отметить, что такой перевод не может рассматриваться как эквивалентный, поскольку русские словосочетания с инверсией числительного и существительного и используемые при переводе немецкие существительные относятся к разным моделям квантитативной аппроксимации: русские – к модели со значением «колебание вокруг точки отсчёта без указания границ количественного интервала, точка отсчёта входит в этот интервал» (т. е. *человек лет сорока* – это человек в возрасте около сорока лет, ему может быть и менее, и более сорока, и ровно сорок), немецкие – к модели с имплицитным указанием верхней и нижней границ количественного интервала, нижняя точка отсчёта входит в этот интервал, верхняя – не входит (*ein Vierziger* – человек в возрасте от сорока до пятидесяти лет’, т. е. ему может быть и сорок, и сорок девять, но не менее сорока). Данный способ перевода используется, если в оригинале возраст называется с помощью круглых числительных: сорок, шестьдесят и т. п.

Приблизительная семантика возраста при переводе передаётся чаще при помощи лексического аппроксиматора *etwa* (в 17 случаях из 37). Даже если речь идёт о круглых числительных, также в 3 случаях из 12 использовался аппроксиматор *etwa*, например:

Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] // *Es war eine sehr kleine, ausgemergelte alte Frau von etwa sechzig Jahren, mit stechenden, bösen Augen, kleiner spitzer Nase und bloßem Kopf* [Fjodor Dostojewski. Verbrechen und Strafe (Alexander Eliasberg, 1924)].

КОРРЕЛЯЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРЕВОДЧИКАМИ АППРОКСИМАТОРОВ С СЕМАНТИКОЙ РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОНТЕКСТОВ

Использование переводчиками аппроксиматоров в зависимости от контекстуальной семантики представлено в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Использование аппроксиматоров в зависимости от контекстуальной семантики (количество контекстов) / Usage of approximators depending on contextual semantics (number of contexts)

Аппроксиматор	etwa	ungefähr	einige		an die	gegen	über	zwischen	Нескло-няемое существительное
Семантика времени	2	-	-		-	-	1	1	-
Семантика временного периода	2	2	-		1	-	-	-	-
Семантика возраста	17	1	2		1	-	1	-	4
Семантика количества	2	1	1		1	2	-	-	-
Семантика расстояния	3	-	-		-	-	-	-	-
Семантика площади	-	1	-		-	-	-	-	-

Как показало исследование, наиболее частотным способом перевода на немецкий язык русскоязычных контекстов, содержащих инверсию числительного и существительного, является словосочетание с лексическими аппроксиматорами, среди которых абсолютной частотностью использования отличается аппроксиматор *etwa*: из 46 случаев, в которых при переводе со-

храняется аппроксимативное значение, в 26 оно передаётся с помощью аппроксиматора *etwa*. Данный способ перевода можно считать оптимальным при переводе русскоязычных контекстов, содержащих инверсию числительного и существительного, на немецкий язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа переводов на немецкий язык 92 русскоязычных контекстов, в которых для передачи семантики аппроксимативности использована инверсия числительного и существительного, установлено, что в 46 случаях аппроксимативное значение игнорируется, в 3 контекстах вместо семантики аппроксимативности в переводах использовано значение модальности предположения, в 4 – значение неопределённости. Чаще всего значение аппроксимативности утрачивается, когда речь идёт о семантике временного периода (в ~72,2% случаев), количества (в ~66,7% случаев) и времени (в 60% случаев). Значительно реже (в ~29,7% случаев) значение аппроксимативности игнорируется переводчиками при указании возраста человека / людей.

Семантика аппроксимативности сохраняется при переводе на немецкий язык в 46 случаях, чаще всего, если речь идёт о семантике возраста человека / людей (в ~70,3% случаев). При указании времени (в 40% случаев), количества (в ~33,3% случаев) и временного периода (в ~27,8% случаев) оно сохраняется гораздо реже. Для выражения значения аппроксимативности используются разноуровневые аппроксиматоры, среди которых преобладают аппроксиматоры лексического уровня: *etwa* (26), *ungefähr* (5), *an die* (3), *einige* (3), *gegen* (2), *über* (2), *zwischen* (1); в 4 случаях – существительные, образованные от несклоняемых прилагательных, с аппроксимативным значением. Частотность использования аппроксиматора *etwa* в контекстах немецкоязычных переводов различной семантики позволяет рассматривать данный лексический аппроксиматор как оптимальный способ перевода русскоязычных контекстов, содержащих инверсию числительного и существительного, на немецкий язык.

Теоретическая значимость проведённого исследования обусловлена тем, что оно вносит определённый вклад в изучение категориальной семантики и специфики средств её

выражения в русском и немецком языках с использованием возможностей параллельных корпусов. Практическая значимость исследования заключается в раскрытии дидактического потенциала использования параллельных корпусов в подготовке переводчиков, в частности, при изучении дисциплин «Основы перевода», «Письменный перевод», «Перевод художественного текста». Полученные результаты релевантны также для сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович С. В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения / под науч. ред. Л. В. Рычковой. Гродно: Гродненский государственный университет, 2011. 183 с.
2. Архипова Е. И. Применение параллельного корпуса для перевода этнокультурных коллокаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. №2. С. 554–558.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Вильданова Г. А. Национально маркированная зооморфная метафора в переводе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. №1. С. 87–99.
5. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401.
6. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. №6. С. 411–446.
7. Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов // Научная и техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2005. №6. С. 16–27.
8. Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 263–296.
9. Кедрова Г. Е., Потемкин С. Б. Использование многоязычного параллельного корпуса А. П. Чехова при подготовке переводчиков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2023. Т. 17. №4. С. 82–87.

10. Миньцин Сунь, Чжунлянь Хуан. Ценность и применение НКРЯ в процессе обучения переводу (на примере русско-китайского перевода) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2022. №1. С. 128–144.
11. Панфилова Е. Г. Специфика перевода немецкого субстантивированного инфинитива на русский язык (на материале немецко-русского корпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. №5. С. 1471–1476.
12. Рычкова Л. В. Языковые ресурсы в современной парадигме лингвистического пространства // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Т. IV. Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: материалы Международного научного культурно-образовательного форума, Челябинск, 6–8 апреля 2022 г. / под ред. Т. Ф. Семьян, Т. Е. Абрамзон, Л. А. Нефедовой. Челябинск: Издательский центр Южно-уральского государственного университета, 2022. С. 554–557.
13. Рычкова Л. В. Языковые ресурсы: традиции и инновации // Прикладная лингвистика в науке и образовании: материалы V Международной научно-практической конференции памяти Р. Г. Пятковского (1922–2009), Санкт-Петербург, 25–26 марта 2010 г. СПб.: Лема, 2010. С. 306–311.
14. Dimitrova L., Koseska-Toszewa V., Roszko D., et al. Application of Multilingual Corpus in Contrastive Studies (on the Example of the Bulgarian-Polish-Lithuanian Parallel Corpus) // Cognitive Studies. Warsaw: 10 SOW Publishing House, 2010. P. 217–239.
15. Erjavec T. Compilation and Exploitation of Parallel Corpora // Journal of Computing and Information Technology. 2003. No. 11. P. 93–102.
16. Gale W. A., Church K. W. Identifying word correspondences in parallel texts // Proceedings of the Fourth DARPA Speech and Natural Language Workshop, Pacific Grove, California, February 19–22. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 1991. P. 152–157.
17. Tufiş D., Barbu A. M., Ion R. Extracting multilingual lexicons from parallel corpora // Computers and the Humanities. 2004. Vol. 38. No. 2. P. 163–198.
18. Varadi T., Kiss G. Equivalence and Non-equivalence in Parallel Corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2001. No. 6. P. 167–177.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Sviatlana V. Adamovich

- e-mail: adamovich@grsu.by,
Cand. Sci. (Philology), Head of Department of Translation and
Intercultural Communication, Faculty of History,
Communication and Tourism,
Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko 22, Grodno 230023, Republic of Belarus

Liudmila V. Rychkova

- e-mail: rychkova@grsu.by,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation and
Intercultural Communication, Faculty of History,
Communication and Tourism,
Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko 22, Grodno 230023, Republic of Belarus

For citation

Adamovich, S. V. & Rychkova, L. V. (2025). Translation of Contexts with Specific to the Russian Language Syntactic Approximators into German. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To determine the optimal ways to translate Russian-language contexts, which contain the inversion of a numeral and a noun, as means which express specific to the Russian language approximation as a semantic category into German.

Methodology. The contextual semantics of the use of numeral-noun inversion as a means of expressing approximation is calculated with use of contextual analysis of the material in Russian obtained from the Russian-German parallel module of the Russian National Corpus. To identify the frequency of approximators used in translations in German and their possible correlation with contextual-semantic groups of contexts in Russian, a comparative method was used.

Results. Inversion of a numeral and a noun as a syntactic approximator is used in Russian to convey time / period; age of a person; quantity (person / people, money, times, etc.); distance, temperature, area. It has been proven that the optimal way to translate such Russian-language contexts into German is to use the lexical approximator *etwa*.

Research implications. The publication makes a definite contribution to the study of categorial semantics and the specificity of the means of its expression in Russian and German using the capabilities of parallel corpora. The didactic potential of using parallel corpora in training translators is also revealed.

Keywords

approximators, translation, Russian-German parallel corpus, semantic category of approximation, comparative analysis

References

1. Adamovich, S. V. (2011). *Semantic Category of Approximation and the System of Means of Its Expression*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).
2. Arkhipova, E. I. (2022). Application of a Parallel Corpus for Translation of Ethnocultural Collocations. In: *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*, 15 (2), 554–558 (in Russ.).
3. Vezhbitskaya, A. (2001). *Understanding Cultures through Keywords*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ. (in Russ.).
4. Vildanova, G. A. (2023). Nationally Marked Zoomorphic Metaphor in Translation. In: *Theory of Language and Intercultural Communication*, 1, 87–99 (in Russ.).
5. Dobrovolsky, D. O. (2009). Corpus of Parallel Texts in the Study of Culturally Specific Vocabulary. In: *National Corpus of the Russian Language: 2006–2008. New Results and Prospects*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya publ. (in Russ.).
6. Dobrovolsky, D. O. (2015). Corpus of Parallel Texts and Comparative Lexicology. In: *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, 411–446 (in Russ.).
7. Dobrovolsky, D. O., Kretov, A. A. & Sharov, S. A. (2005). Corpus of Parallel Texts. In: *Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems*, 6, 16–27 (in Russ.).
8. Dobrovolsky, D. O., Kretov, A. A. & Sharov, S. A. (2005). Corpus of Parallel Texts: Architecture and Possibilities of Use. In: *National Corpus of the Russian Language: 2003–2005*. Moscow: Indrik publ., pp. 263–296 (in Russ.).

9. Kedrova, G. E. & Potemkin, S. B. (2023). Using the Multilingual Parallel Corpus of A. P. Chekhov in Training Translators. In: *Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences*, 17 (4), 82–87 (in Russ.).
10. Mingqing, Sun & Zhonglian, Huang. (2022). The Value and Application of the NCLR in the Process of Teaching Translation (On the Example of Russian-Chinese Translation). In: *Bulletin of Moscow University. Series 22: Translation Theory*, 1, 128–144 (in Russ.).
11. Panfilova, E. G. (2024). Specifics of Translating the German Substantivized Infinitive into Russian (Based on the German-Russian Corpus of Parallel Texts of the National Corpus of the Russian Language). In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 17 (5), 1471–1476 (in Russ.).
12. Rychkova, L. V. (2022). Language Resources in the Modern Paradigm of Linguistic Space. In: *Eurasia-2022: Social and Humanitarian Space in the Era of Globalization and Digitalization. Vol. IV. Actual Problems of Modern Humanities: Proceedings of the International Scientific Cultural and Educational Forum, Chelyabinsk, April 6–8, 2022*. Chelyabinsk: Izdatel'skiy centr Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta publ., pp. 554–557 (in Russ.).
13. Rychkova, L. V. (2010). Language Resources: Traditions and Innovations. In: *Applied Linguistics in Science and Education: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference in Memory of R. G. Piotrovsky (1922–2009)*. St. Petersburg, March 25–26, 2010. St. Petersburg: Lema publ., pp. 306–311 (in Russ.).
14. Dimitrova, L., Koseska-Toszewa, V., Roszko, D., et al. (2010). Application of Multilingual Corpus in Contrastive Studies (on the Example of the Bulgarian-Polish-Lithuanian Parallel Corpus). In: *Cognitive Studies*. Warsaw: 10 SOW Publishing House.
15. Erjavec, T. (2023). Compilation and Exploitation of Parallel Corpora. In: *Journal of Computing and Information Technology*, 11, 93–102.
16. Gale, W. A. & Church, K. W. (1991). Identifying Word Correspondences in Parallel Texts. In: *Proceedings of the Fourth DARPA Speech and Natural Language Workshop. Pacific Grove California, February 19–22*. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics.
17. Tufiş, D., Barbu, A. M. & Ion, R. (2004). Extracting Multilingual Lexicons from Parallel Corpora. In: *Computers and the Humanities*, 38 (2), 163–198.
18. Varadi, T. & Kiss, G. (2001). Equivalence and Non-equivalence in Parallel Corpora. In: *International Journal of Corpus Linguistics*, 6, 167–177.

«ЧУЖИЕ» СЛОВА КАК МАРКЕР ПОТЕРИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Беляков Михаил Васильевич

- e-mail: m.belyakov@my.mgimo.ru;
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка;
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Для цитирования

Беляков М. В. «Чужие» слова как маркер потери языковой идентичности: лингвистический анализ // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.05.2025
- Статья размещена на сайте 08.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Теоретические основы изучения заимствований](#)

[Семантическая трансформация / сдвиги в заимствованных словах](#)

[Анализ ситуации оправданных и неоправданных заимствований](#)

[Статистика заимствований в русском языке: цифры и тенденции](#)

[Закключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть проблему высокочастотных оправданных и неоправданных лексических заимствований в современном русском языке, их функционирование, приводящее к эрозии языковой идентичности.

Процедура и методы. Основной метод исследования – корпусный анализ, а также семантический анализ лексических заимствований на основе авторского корпуса и количественный анализ, позволяющие получить данные об основных тенденциях и причинах появления «чужих» слов в языке.

Результаты. На основе проведённого корпусного и семантического анализа охарактеризовано современное состояние процесса заимствования лексики в современный русский язык, дополнено понятие оправданного и неоправданного заимствований, проанализировано явление семантического сдвига заимствованных лексем в разных типах дискурса.

Теоретическая и практическая значимость. Основные результаты исследования обеспечивают дополнение понятия лексического заимствования, особое внимание уделяется понятию неоправданных заимствований, одним из наиболее значимых последствий которых являются языковая инфляция и эрозия языковой идентичности – постепенное вытеснение традиционных языковых форм, что ведёт к изменению культурного кода нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

заимствования, языковая идентичность, глобализация, лингвоэкология, языковая инфляция, семантические изменения

ВВЕДЕНИЕ

Язык является не только средством коммуникации, но и важнейшей составляющей национальной идентичности. Однако в условиях интенсивных межкультурных контактов происходит активное проникновение иноязычной лексики, что может вести к постепенной утрате языковой и культурной уникальности.

В условиях глобализации языки активно заимствуют лексику из других языков, что ведёт к значительным изменениям в

структуре и функционировании языка. В данном исследовании рассматриваются заимствованные слова («чужие» слова) как индикатор трансформации культурной и национальной идентичности. Анализируются механизмы заимствования, степень влияния иностранной лексики на язык-реципиент, а также последствия этого процесса для сохранения языковой и культурной самобытности. Особое внимание уделяется понятию неоправданных заимствований, одним из наиболее значимых последствий которых являются языковая инфляция и эрозия языковой идентичности – постепенное вытеснение традиционных языковых форм, что ведёт к изменению культурного кода нации.

Заимствования (или «чужие» слова) представляют собой часть естественного процесса пополнения лексического состава в ходе развития любого языка, но их чрезмерное использование способно нарушить баланс между традиционной лексической составляющей языка и его новыми элементами. Особый интерес представляют случаи, когда заимствованные слова не просто перенимаются, но и адаптируются языком, приобретая новые значения, отсутствующие в языке-источнике.

Цель исследования – рассмотреть пути адаптации иноязычной лексики в русском языке вплоть до приобретения свойства маркера потери идентичности на материале анализа конкретных примеров семантических сдвигов в заимствованной лексике в русском языке. Научная новизна исследования заключается в лингвистическом, лингвостатистическом и лингвокультурологическом анализе некоторых наиболее частотных заимствований в русский язык из английского языка и формулировании на основе анализа основных выводов о функционировании «чужих» слов, а также об оправданности их появления и функционирования в современном русском языке.

Задача исследования состоит в анализе высокочастотных заимствованных лексем, функционирующих в разных видах дискурса, выявлении оправданности и неоправданности данных заимствований, а также происходящих в процессе адаптации семантических сдвигов.

Материалом исследования послужил авторский корпус современных лексических заимствований в русский язык из английского языка конца XX – начала XXI вв., материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹, социолингвистиче-

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.04.2025).

ские данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)².

Развитие любого естественного языка, включая русский, не останавливается и определяется воздействием на язык самых разных факторов, включая развитие технологий, философии, искусства, политики и проч. При этом как происходит внедрение иностранных заимствований, так и предпринимаются попытки избавления от них. Как писал П. Н. Денисов, «в языке Ивана Грозного звучит вся гамма разнообразных тонов – от парадной славянщины до московского просторечия. В языке Петра I место парадной славянщины занимает иностранщина, но сохраняется живое просторечие ... Вскоре после французской революции в 1797 г. Павел I высочайше повелел изъять из употребления слова *сержант, общество, гражданин*. Вместо слова *граждане* предлагалось говорить и писать *жители, обыватели*» [5]. Таким образом, понимание воздействия заимствований на родной язык присутствовало с давних времен, а в наши дни этот процесс усилился многократно.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Классификаций заимствований существует множество в зависимости от выделяемого классификационного признака. Исследований, посвящённых этому вопросу, также немало [3; 4; 6; 9 и мн. др.]. Для нашего исследования важно различать следующие типы заимствованных слов:

- иноязычные вкрапления – слова, сохраняющие оригинальное написание и произношение или прошедшие процесс транслитерации;
- кальки – дословный перевод иностранных выражений;
- экзотизмы – слова, обозначающие реалии, отсутствующие в культуре языка-реципиента;
- семантические заимствования – расширение значения слова под влиянием другого языка.

Согласно теории У. Вайнрайха [2], фиксирующей лингвистические причины заимствований, заимствования возникают в условиях языковых контактов, но их закрепление зависит от функциональной необходимости (отсутствие аналога), языко-

² ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 30.04.2025).

вой экономии (краткость формы), семантической дифференциации (уточнение значения). Социолингвистические факторы заимствований описала Е. А. Земская [3], особо выделив престижность как ассоциацию с западной культурой, профессиональный жаргон и влияние медиа.

В наши дни к основным факторам, способствующим проникновению иноязычной лексики, относятся технологический прогресс (ИТ, наука, медицина), глобализация и массовая культура (англицизмы в рекламе, СМИ, соцсетях, кино, музыке), социально-психологические факторы и языковая экономия. С определённого момента число заимствований настолько возросло, что их можно воспринимать как угрозу языковой идентичности.

Термины «оправданное» и «неоправданное» заимствование функционируют в языке на уровне устоявшихся понятий, хотя чётких дефиниций пока нет. Одним из первых в отечественной лингвистике о них писал Е. Д. Поливанов [7], который рассматривал заимствования с точки зрения их необходимости для языка:

- оправданные заимствования – слова, которые заполняют смысловые лакуны (обозначают новые понятия, явления или предметы, для которых нет аналогов в языке);

- неоправданные заимствования – слова, которые дублируют уже существующие в языке понятия и используются без реальной необходимости.

Заимствования функционируют в разных дискурсах, разных стилях речи и проч., при этом их степень адаптации существенно различается.

Рассмотрим это явление на примере широко распространившихся в последнее десятилетие заимствованных слов, частота использования которых определяется семантическими сдвигами, произошедшими в процессе их адаптации. Такие слова функционируют в разных видах дискурса, в частности в публицистическом, политическом и дипломатическом дискурсах. В последние два десятилетия стали высокочастотными слова *месседж*, *тренд*, *челлендж*, семантика которых претерпела изменения в процессе функционирования в русском языке.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ / СДВИГИ В ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВАХ

Как мы писали ранее, «трансформационные процессы в семантике именуются лингвистами по-разному: “приращение смысла”, “гиперсемантизация”, “семантический сдвиг”, “семантические аномалии” и др.» [1, с. 179]. Семантические сдвиги происходят, как правило, в высокочастотных словах, т. к. частота употребления слова коррелирует с полисемией слова (чем слово многозначнее, тем чаще оно используется). «Если слово активно используется в разных дискурсах и его частота, вызванная этим процессом, растёт, семантический сдвиг в значении этого слова неизбежен» [1, с. 180]. Кроме того, частотное использование слов в разных дискурсах формирует своего рода моду на слова, и эти слова, как правило, являются по происхождению современными заимствованиями, «становясь “речевыми маркерами”, обозначающими принадлежность говорящего к определённом социальному кругу и повышающими дискурсивный статус говорящего как человека, владеющего сложной и нередко непонятной широкой аудитории терминологией» [1, с. 180].

Одним из наиболее интересных высокочастотных слов, представленных в политическом, дипломатическом, публицистическом дискурсах, а также в медиадискурсе, является слово *месседж*. Согласно Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), это слово вошло в русский язык достаточно давно, оно встречалось в текстах еще в 1950-х гг., но, начиная с 2000-х гг., наблюдается взрывной рост частоты его употребления, с некоторым спадом в последние три года³.

Месседж (англ. *message*). В английском языке *message*⁴ – это, в первую очередь, просто «сообщение» (*communication in writing, in speech, or by signals*), есть также значение «основная тема или идея» (*an underlying theme or idea*). В русском языке это высокочастотное слово, реализуясь в целом ряде дискурсов, приобрело дополнительные коннотации:

- скрытый смысл (например, *фильм несёт глубокий месседж*);
- идеологический посыл (*политический месседж*);
- философская идея (*месседж произведения*).

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.04.2025).

⁴ *Message* // MerriamWebster: [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/message> (дата обращения: 30.04.2025).

Таким образом, слово *месседж* в русском языке стало означать не просто информацию, а нечто более глубокое и значимое.

«Месседж» уже не так важен, как «медиум» [максима теоретика медиа Маршалла Маклюэна «the medium is the message» означает, что средство распространения информации накладывает отпечаток на саму информацию – прим. М. Б.]⁵.

«О вере в современной России», «тезисы о сбережении России и русских»? В чём её основной «месседж»? – Полное название книги – «Дискурс ортодоксии»⁶.

Рассуждая об оправданных и неоправданных заимствованиях в концепции Е. Д. Поливанова, можно предложить следующие аргументы за «неоправданность» данного заимствования – в русском языке есть прямые синонимы данного слова:

- *сообщение* (нейтральное и универсальное),
- *послание* (если речь о чём-то более значимом, например, политическом или художественном),
- *смысл, идея* (в переносном значении: «месседж фильма» = «идея фильма»).

Кроме того, слово не заполняет смысловой лакуны, т. к. в русском языке уже существуют слова для передачи этих значений, поэтому заимствование выглядит избыточным. Хотя слово обладает определённой стилистической окраской, функционируя в ряде дискурсов как профессионализм (бизнес, маркетинг, поп-культура), оно может рассматриваться как неуместное в нейтральной речи.

С другой стороны, заимствование может быть условно оправдано в узкопрофессиональных контекстах. Так, в рекламе или маркетинге *месседж* иногда используют для обозначения конкретного коммуникационного посыла (например, «месседж бренда»), или же как кальку с английского языка в аналитических текстах, если автор разбирает западные концепции (например, «месседж фильма в голливудской традиции»), т. е. в узких профессиональных сферах его использование иногда объясняется традицией или спецификой терминологии.

⁵ Культура не для всех // Культурная эволюция: [сайт]. URL: <https://yarcenr.ru/articles/culture/kultura-ne-dlya-vsekh> (дата обращения: 30.04.2025).

⁶ Александр Щипков: задача Церкви – сохранить своё предназначение и свою сущность // Парламентская газета: [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/aleksandr-shhipkov-zadacha-cerkvi-sokhranit-svoyu-prednaznachenie-i-svoyu-sushhnost.html> (дата обращения: 30.04.2025).

Слово используется очень широко, но всё же его можно отнести скорее к неоправданным заимствованиям, заменяющим исконно русское слово *послание*, а также слова *сообщение* и *идея*. Фактически *месседж* создаёт ложное ощущение современности.

Не менее частотным за последние два десятилетия стало слово *тренд*. Согласно НКРЯ частота этого слова показывает бурный рост с 2005 г., и этот рост продолжается. Слово используется очень широко, вне зависимости от вида дискурса, что объясняется частичной дифференциацией значения.

Тренд (англ. *trend*). В английском языке *trend* – это, в первую очередь, тенденция. В русском оно стало означать не только общее направление развития, но и модное явление (*это новый тренд в одежде*) или популярный контент (*тренды в соцсети*).

«Я имею в виду не соперника как персону, а спор на уровне идей, трендов»⁷.

Слово *тренд* в русском языке можно отнести к условно оправданным заимствованиям, но с важными оговорками. Аргументом оправданности заимствования может служить то, что слово заполняет семантическую лауну в значении «*общая направленность изменений*» (в экономике, моде, соцсетях). У русского слова *тенденция* есть оттенок академичности, а *тренд* звучит динамичнее и ближе к разговорной речи. В цифровой сфере («*тренды Google*», «*тренды в соцсетях*») оно стало термином, так как русские аналоги (*популярные запросы, тенденции*) менее точны или громоздки. В узкоспециальных контекстах слово превратилось в профессионализм, например в маркетинге (*вирусный тренд*), аналитике данных (*выявление трендов*) и моде (*модный тренд*). Из-за глобализации контекстов в международных платформах, таких как TikTok, англицизмы типа *тренд* используются как универсальные маркеры, и их замена может выглядеть искусственно.

Аргументы неоправданности заимствования очевидны. Так, в русском языке есть такие аналоги, как *тенденция* (хотя и более «сухое»), *тенденциозность* (в негативном ключе), *мода*, *поветрие* (разг.). В бытовой речи («*это сейчас в тренде*») слово легко заменить на «*в моде*», «*популярно*». Тем не менее в современном медиадискурсе, как показывает НКРЯ, функционирование этого слова приобрело свойство злоупотребления. В СМИ и рекламе слово часто используют для создания ложной значимости (на-

⁷ Стратег сорока правильных шагов // Общая газета. 23.02.1995.

пример, «новый тренд в питании» вместо «модная диета»). Таким образом, употребление данного заимствования в профессиональных областях (аналитика, маркетинг, IT) – оправданно, так как стало термином, в повседневной речи – избыточно, так как есть нейтральные аналоги («тенденция», «мода», которые также, в свою очередь, пришли в язык как заимствования).

Слово *челлендж* (от англ. *challenge*) прочно вошло в русский язык, особенно в сферах соцсетей, бизнеса, спорта и личностного роста. НКРЯ отмечает, что до 2013 г. это слово имело единичное использование, после чего частотность использования возросла. Чтобы определить, оправданное это заимствование или нет, рассмотрим несколько критериев.

У слова *челлендж* есть русские эквиваленты: *испытание, вызов, соревнование, задача*. Однако ни одно из них не передаёт точно тот же смысл, который вкладывается в *челлендж* в современном употреблении.

Семантическое наполнение английского и русского слова не совпадают – в английском *challenge* означает не просто «вызов», а сложную задачу, мотивирующую на преодоление себя, часто в игровой или публичной форме. Русское *вызов* может означать и провокацию (*бросить вызов*), и «приглашение» (*вызов на дуэль*). Слово уже закрепилось в молодёжном сленге («Прими челлендж!»), маркетинге («рекламный челлендж»), спорте («фитнес-челлендж»), превратившись в своего рода номинацию.

Слово *челлендж* также представляет собой интересный пример заимствования, которое находится на грани между оправданным и неоправданным. В пользу оправданности заимствования говорит то, что, появившись в русском языке, оно закрыло семантическую лакуну (частичную) в значении «сложная задача, принятая добровольно ради испытания себя». Точно-го однословного эквивалента для этого значения не было, в качестве ближайшего аналога можно было бы использовать *испытание*, но в значении этого слова нет семы азарта / публичности. В спорте, играх и соцсетях слово стало термином (например, «челлендж-рум», «челлендж на 30 дней»), т. е. слово вошло в язык со своим денотатом, новым культурным явлением. Понятие *челлендж* пришло с западными форматами реалити-шоу, видеоблогингом и онлайн-играми, где оно обозначает специфический жанр активности (не просто «задание», а «публичное испытание с элементами игры»). Попытки заменить его

на «испытание-вызов» или «состязательную задачу» выглядят громоздко, т. е. можно учитывать языковую экономию.

Основным аргументом за неоправданность заимствования служит то, что в широком смысле есть аналоги, которые покрывают базовые значения. Тем не менее в публицистическом и медиадискурсе это слово используется как модный штамп («правительственный челлендж» вместо «программа реформ»).

«Улитка и розовый куст» – отдельно эскарго и отдельно букет в вазе; «жаба» – допустим, лягушачьи лапки; «суп из колбасной палочки» – кулинарный челлендж⁸.

Слово уже породило производные (челленджевый, челленджер), что говорит о его укоренении в языке.

АНАЛИЗ СИТУАЦИИ ОПРАВДАНЫХ И НЕОПРАВДАНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Необходимо проанализировать ситуацию оправданных и неоправданных заимствований в целом и определить, где проходит граница потери идентичности.

В современной лингвистике существуют три основных критерия оценки целесообразности заимствований:

- 1) функциональный критерий (заполняет ли слово существующую лакуну);
- 2) системный критерий (вписывается ли в языковую систему);
- 3) культурологический критерий (сохраняет ли языковую идентичность).

Оправданные заимствования: когда «чужие» слова полезны. Такие заимствования либо не имеют точных аналогов в русском языке, либо обогащают его, не вытесняя исконных понятий. К этой категории можно отнести технические термины (*апгрейд, интерфейс*), которые помогают быстро описывать новые реалии, культурные маркеры (*брейн-ринг, спутник-эффект*), которые становятся частью национального кода, и узкоспециализированные понятия (*газлайтинг, абьюз*), точнее передающие сложные явления. Эти заимствования оправданы, т. к. экономят языковые ресурсы (не нужно изобретать сложные кальки) и делают язык современным без потери самобытности.

Неоправданные заимствования как угроза языковой идентичности: эти слова дублируют существующие понятия и вы-

⁸ П. Вайль. Гений места. Сказки народов севера // Иностранная литература. 1997. №12.

тесняют их из-за модности или ложного престижа. Такое слово, как *лук* вместо *образа*, навязано индустрией моды, хотя русское слово точнее; *хейт* вместо *критики* / *травли* упрощает и даже оправдывает агрессию; *селлер* вместо *продавца* представляет собой искусственное усложнение для сферы, где есть свои термины.

Чрезмерные заимствования опасны – они создают языковую инфляцию (много слов для одного понятия), размывают культурные коды (например, *лук* стирает связь с традиционными *нарядом* или *костюмом*), формируют поколенческий разрыв (люди старшего поколения перестают понимать молодёжь). Чтобы определить критерии «опасности» заимствований, ведущей к угрозе языковой идентичности, можно ответить на следующие вопросы:

- 1) есть ли точный русский аналог (если да – заимствование чаще избыточно);
- 2) сужает или расширяет оно язык (*месседж* – добавляет смысл vs. *шопинг* – просто заменяет *покупки*);
- 3) кто его использует (если только маркетологи или тинейджеры – существует риск «модной мимолётности»).

Одним из способов сохранения языковой идентичности остаётся лингвистическая экология (термин В. И. Шаховского и Э. Хаугена (E. Haugen)), которая определяется как «наука о гармоничном соотношении между языком, мышлением и коммуникацией, направленная на защиту языка от деструктивных влияний, включая чрезмерные заимствования, жаргонизацию, вульгаризацию и манипулятивное использование речи» [8; 10].

СТАТИСТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЦИФРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

По данным Института русского языка РАН, объём заимствованной лексики составляет 10–15% словарного состава современного русского языка, хотя в отдельных сферах доля достигает существенно больших показателей. Так, в IT-терминологии показатель составляет 80–90%; в бизнес-лексике – 50–60%; в моде и бьюти-индустрии – 40–50%. По скорости заимствований за 2020–2024 гг. ожидаемо на первом месте находятся цифровые технологии (*NFT*, *крипто*, *нейросети*), поп-культура (*сквиш*, *K-поп*, *фандом*), психология (*токсичность*, *абьюз*, *триггер*),

ЗОЖ (биохакер, детокс, суперфуд), политика (фейк-ньюс, кэнселинг).

По данным ВЦИОМ (2020–2023 гг.), выяснявшего отношение россиян к заимствованиям⁹, оказалось, что 65% опрошенных замечают увеличение англицизмов в речи (2023 г., выборка: 1600 человек). Среди самых раздражающих заимствований были названы *хейт* (41%), *рофл* (38%), *кринж* (35%), *скам* (30%), *флексить* (28%). Стоит отметить, что все эти слова пока ещё находятся в сфере молодёжного сленга и функционируют по большей части в соцсетях. Сходные, но уже лингвостатистические исследования проводятся в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, заимствования нельзя воспринимать как катастрофу, русский язык всегда менялся, веками впитывая слова из тюркских, немецких, французских, английских источников (*карандаш, вахта, бульон, компьютер*). Многие из них уже не воспринимаются как «чужие». В процессе заимствований происходит своего рода естественный отбор – не все заимствования приживаются. Например, *рилток* (от *real talk*) так и остался маргинальным сленгом, а *хайп* постепенно теряет популярность. Заимствования можно рассматривать как инструмент, а не как угрозу, поскольку некоторые из них, проходя процесс адаптации в языке, с одной стороны, расширяют свою семантическую нагрузку, а с другой, более точно передают новые явления. Например *фактчекинг* – это не просто «проверка фактов», а целая культура верификации данных в цифровую эпоху. Гипотетический аналог в духе «*правдопроверка*» звучит громоздко, кроме того, проверка фактов имеет более узкое значение.

Языковая идентичность заключается не только в лексике; грамматика и синтаксис в целом устойчивы: русская языковая система (падежи, спряжения и проч.) остаётся неизменной, даже слова-англицизмы склоняются (*вайб, вайба* и т. д.) и спрягаются («*постишь в телеграме*»).

Тем не менее существуют реальные риски, когда заимствования вредят. Среди них: подмена понятий, например, замена

⁹ Чистота языка и как за нее бороться // ВЦИОМ Новости: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chistota-jazyka-i-kak-za-nee-borotsja> (дата обращения: 30.04.2025).

«духовности» на «ментальное здоровье» (хотя это разные концепты) размыкает культурные смыслы; отрыв от контекста – если «коллаборация» и «коллаборировать» вытесняют «сотрудничество» и «сотрудничать», это ведёт к возникновению ситуации «вторичности языка» и потере «языкового суверенитета». Если в политическом медиадискурсе вместо «внедрять новшества» постоянно использовать «имплементировать тренды», язык становится «переводным». Всё это ведёт к ослаблению языкового сознания (снижению уровня владения родным языком).

Возможными социокультурными последствиями становятся: языковая ассимиляция, когда поколение, воспитанное на *месседжах* и *импактах*, теряет связь с классической литературой и философией; когнитивный диссонанс, когда смешение исконной и заимствованной лексики создаёт «гибридное сознание», не принадлежащее полностью ни к одной культуре. И, безусловно, потеря международного авторитета – язык, перенасыщенный англицизмами, воспринимается как вторичный, что снижает его статус в мировой науке и дипломатии.

Заимствование – естественный процесс, но бесконтрольное распространение заимствований способно угрожать языковой и культурной идентичности. Для сохранения национального языка необходимо находить баланс между глобальными тенденциями и традиционными нормами. В основе этого лежит знание родной культуры, норм литературного языка. Будущее языка зависит от осознанного выбора общества: принимать изменения безгранично или разумно защищать свою языковую уникальность, чтобы избежать культурной трансформации. Язык отражает мировоззрение нации. Замещение традиционных понятий иностранными аналогами ведёт к размытию культурных кодов, изменению ценностных ориентиров.

Разграничение допустимых и недопустимых заимствований требует комплексного подхода, учитывающего как языковые, так и культурные факторы. Ключевой принцип: заимствование должно обогащать язык, а не заменять его собственные ресурсы. Заимствование – это не бегство от родного языка, а его развитие, но развитие осмысленное и взвешенное. Данный вывод имеет практическое значение как при изучении принципов функционирования и адаптации «чужих» слов в языке на основе семантических сдвигов, так и для расширения теоретических методов, применяемых в лингвоэкологии.

В экологической системе русского языка возникает определённая напряжённость, обусловленная тем, что он переживает беспрецедентную волну заимствований – в 10 раз интенсивнее, чем в XX в., а, как уже указывалось, смещение баланса в пользу «чужих» слов служит маркером движения в сторону потенциальной частичной утраты языковой идентичности. Критическая точка пока не достигнута, но через 10–15 лет мы можем получить принципиально новую языковую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков М. В., Максименко О. И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. №1. С. 174–194.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. Ю. А. Жлуктенко. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995): коллективная монография. Гл. 3. М.: Институт Русского языка РАН, 1996. С. 90–143.
4. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке // Вопросы языкознания. 2002. №6. С. 27–34.
5. Марчук Ю. Н. Рецензия на: Денисов П. Н. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. М.: МАЛП, 1998. 185 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2000. №4. С. 56–63.
6. Очерк современной речевой практики / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Ритм, 2021. 304 с.
7. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание: сборник популярных лингвистических статей. М.: URSS, 2023. 184 с.
8. Шаховский В. И. Триада – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград: Перемена, 2017. 358 с.
9. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 213 p.
10. Haugen E. The Ecology of Language. Stanford: Stanford University Press, 1972. 366 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Mikhail V. Belyakov

- e-mail: m.belyakov@my.mgimo.ru,
Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Russian Language Department,
Moscow State Institute of Foreign Relation (University) Ministry of
Foreign Affairs of Russian Federation
prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

For citation

Belyakov, M. V. (2025). "Alien" Words as a Marker of Loss of Linguistic Identity: Linguistic Analysis. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To consider the problem of high frequency justified and unjustified lexical borrowings in the modern Russian language, their functioning, leading to the erosion of linguistic identity.

Methodology. The main research method is corpus analysis, as well as semantic analysis of lexical borrowings based on the author's corpus and quantitative analysis, which allow obtaining data on the main trends and reasons for the appearance of "foreign" words in the language.

Results. The current state of the process of borrowing vocabulary into the modern Russian language is characterized by means of the corpus and semantic analysis, the concept of justified and unjustified borrowings is supplemented, the phenomenon of semantic shift of borrowed lexemes in different types of discourse is analyzed.

Research implications. The main results of the study provide an addition to the concept of lexical borrowing; special attention is paid to the concept of unjustified borrowing, one of the most significant consequences of which is linguistic inflation and the erosion of linguistic identity – the gradual displacement of traditional linguistic forms, which leads to a change in the cultural code of the nation.

Keywords

borrowings, linguistic identity, globalization, language ecology, linguistic inflation, semantic changes

References

1. Belyakov, M. V. & Maksimenko, O. I. (2023). The Problem of Semantic Shifts in the Modern Russian Language: A Corpus Study on the Example of News Media Discourse. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 174–194 (in Russ.).
2. Weinreich, U. *Languages in Contact*. (1979). Kiev: Vishha shkola publ. (in Russ.).
3. Zemskaya, E. A. (1996). Active Processes of the Modern Word Production. In: *Russian Language at the End of the 20th century (1985–1995)*. Pt. 3. Moscow: Institut Russkogo yazyka RAN publ., pp. 90–143 (in Russ.).
4. Krysin, L. P. (2002). Lexical Borrowing and Calque in the Russian language. In: *Topics of the Study in Language*, 6, 27–34 (in Russ.).
5. Marchuk, Yu. N. (2000). Review of: Denisov P. N. Language of Russian Social Thought of the Late 19th – First Quarter of the 20th centuries. Moscow: MALP publ. In: *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 4, 56–63 (in Russ.).
6. Sternin I. A., ed. (2021). *Essay on Modern Speech Practice*. Voronezh: Rhythm publ. (in Russ.).
7. Polivanov, E. D. (2023). *For Marxist Linguistics: A Collection of Popular Linguistic Articles*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
8. Shakhovsky, V. I. (2017). *Triad – Man, Language, Emotions – in Modern Communicative Practice*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).
9. Crystal, D. (2003). *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Haugen, E. (1972). *The Ecology of Language*. Stanford: Stanford University Press.

УДК 81-13

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОНИМА С ГЛЮТТОНИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ДЕТСКОМ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ И ЕГО ПЕРЕВОДЕ

Лукьянова Валентина Сергеевна

- e-mail: v.lukyanova@odin.mgimo.ru;
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка;
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Одинцовский филиал)
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3,
Российская Федерация

Для цитирования

Лукьянова В. С. Вербализация антропонима с глюттоническим компонентом в детском аудиовизуальном тексте и его переводе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 21.04.2025
- Статья размещена на сайте 11.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Методы и материал исследования](#)

[Актуализация глюттонического антропонима в детском мультфильме](#)

[Проблема перевода антропонима с глюттоническим компонентом в детском дискурсе](#)

[Переводческие сложности при межкультурной передаче семантически значимого антропонима](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение научно-практических подходов к переводу антропонима, образованного на основе глуттонической лексики в системе онтолингвистического дискурса.

Процедура и методы. В рамках предлагаемого исследования применены стилистический, лингвокультурологический, контекстуальный, сравнительно-сопоставительный, компонентный, онтолингвистический и переводческий анализ оригиналов антропонимов в детском аудиовизуальном произведении. Используемый в работе междисциплинарный подход реализуется на стыке лингвистической, психолингвистической и когнитивной парадигм.

Результаты. В результате исследования выявлены следующие особенности исследуемой лексической единицы и её перевода: глуттоническая лексика является важной составляющей детского речевого дискурса, что объясняет её рекуррентность в антропонимах (например, имя *Peaches* или дразнилки *Anna-Banana*, *Lisa-Pizza*). Глуттоническая составляющая антропонима несёт важный смысл в передаче образа персонажа, однако она ассиметрично вербализуется в языках оригинала и перевода, приводя к коммуникативным потерям при передаче образа персонажа. Для достижения более точной и полной передачи антропонима предложены и описаны методы использования междисциплинарного подхода.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования позволяют внести вклад в изучение феномена антропонима на стыке онтолингвистического, аудиовизуального и глуттонического дискурсов в аспекте переводоведения, а также более полно и точно решать возникающие перед переводчиком практические задачи межкультурной передачи антропонима.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

переводоведение, онтолингвистика, антропоним, глуттоним, онтолингвистическая трансформация, детский фильм

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время художественно-эстетическому потенциалу ономастического поля уделяется значительное внимание в научной литературе. Проблема перевода антропонимов в

аспекте адекватной межкультурной передачи художественного смысла до сих пор ставит новые задачи для переводчика. При переводе детского фильма необходимо учитывать особенность восприятия ребёнком обращённой речи, накопление понимания которой способствует усвоению лексико-грамматического языкового кода [11]. Принимая во внимание особенности модели детского мира, где, как и в самом языке, ещё не усвоены полностью правила языка и речи, а также социальных и физических законов, необходимо отслеживать процесс расширения функций языка, примеряя на себя роль «независимого персонажа», когда в центре внимания появляются собственно языковые правила, а не использующие его персонажи. Еда в мультфильмах оживает, ведёт себя как человек, расширяя свои функции. Являясь важной частью речевого портрета, антропоним передаёт важную социально-коммуникативную информацию, выраженную в личном имени, отчестве, фамилии, прозвище. В детском дискурсе нет чётких правил и границ, животные, предметы и еда могут вести себя и как неодушевлённые предметы, и как осознавшие себя как личность люди, а люди могут как быть лишены человеческих качеств, так и обладать дополнительными нечеловеческими возможностями. Такое размытие границ требует от переводчика понимания как онтолингвистических процессов освоения языка, так и возможностей межкультурной передачи значимых лексических единиц, таких как антропоним. Одним из ярких маркеров антропонима можно выделить глуттонический компонент, через который в контексте детского игрового и анимационного фильма с высокой степенью образности передаются оттенки характера персонажа. В силу того, что на сегодняшний день отсутствуют исчерпывающее описание и решение проблемы перевода антропонима в детском дискурсе, а количество аудиовизуальных работ, требующих внимания переводчика, неуклонно растёт, актуальность исследования перевода антропонима на стыке детского и глуттонического дискурсов автору представляется очевидной. В данной работе автор ставит целью проанализировать потенциал онтолингвистического, переводческого и лингвокультурологического подходов к переводу антропонима, образованного на основе глуттонимической лексики, вербализованной в детском аудиовизуальном дискурсе.

Глуттоним относится к национально-гастрономическим реалиям, отражающим специфический социально-культур-

ный механизм поведения [6]. В рамках данного исследования глуттоним, выполняющий функциональную роль антропонима, рассматривается нами как глуттонический антропоним, будучи частью глуттонического прагматонима [4], обеспечивающий данному типу лексики высокий и весьма разнообразный прагматический потенциал. Следует отметить, что глуттоническая лексика в качестве отантропонимического деривата (торт Наполеон, салат Цезарь и т. д.) является популярным объектом исследований [9], однако антропоним, представляющий собой глуттонический дериват, не получает должного внимания исследователей, поскольку рассматривается по касательной как часть говорящих эмоционально маркированных имён в лингвистических и переводческих исследованиях [5] на материале детских мультфильмов. В настоящий момент прагматический потенциал детского мультфильма используется не только в развлекательных, но и в образовательных целях. Зарубежные работы показывают, что дети в возрасте 4–6 лет лучше усваивают информацию, если она подаётся от лица анимированного животного или любого другого существа [13]. Авторы утверждают, что переводчик сталкивается с особыми трудностями, когда возникает необходимость осуществлять перевод глуттонима, интегрированного в адресованный детям текст [12]. Отсутствие должного внимания к роли исходного текста способно значительным образом затруднить подбор подходящего эквивалента во вторичном тексте [10].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В силу бесчисленного количества показываемого в кинотеатрах, на детских телеканалах и стриминговых платформах аудиовизуального контента для детей оказывается невозможным дать полное описание как основным внутриязыковым, так и внешнеязыковым характеристикам антропонима, поэтому на основании анализа более 50 популярных, с высоким рейтингом, детских англоязычных фильмов, мультфильмов и мультсериалов было выделено для переводческого анализа 103 примера антропонимов, содержащих глуттонический компонент. На основе семантико-стилистических и компонентных характеристик антропонима с глуттонической метафорической составляющей в детском речевом аудиовизуальном дискурсе проводится сопоставительный анализ его межкультурной передачи при пере-

воде с английского языка на русский. Особое внимание уделяется переводческим сложностям в аспекте межъязыковой и межкультурной передачи антропонима.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЛЮТТОНИЧЕСКОГО АНТРОПНИМА В ДЕТСКОМ МУЛЬТФИЛЬМЕ

Анализ исследуемого языкового материала выявил не только высокую степень метафоричности антропонима, но и выполнение ряда стилистико-прагматических функций:

1) Метафора с положительной коннотацией (в 78 случаях из 103), когда через содержащийся в имени глюттоним передаётся любовь и нежность в отношении персонажа: *Peach, Jasmine, Cherry Blossom, Cupcake* и т. д.

2) Ирония и сарказм (7 случаев): *Happy Meal* (обращение к маленькому ребёнку), *Marshmallow* (об огромном снежном гиганте), *Mr. Light Beer*¹ (дразнилка игрушки-астронавта, имя которого *Mr. Lightyear*), *Carrots* (об ответственно выполняющем работу зайце-полицейском) и др.; самоирония (4 случая): *My name is Blu. You know, like the cheese with the mold on it, that smells really bad* (попугай-мальчик знакомится с девушкой-попугаем); *I'm just a Spring Roll here*² (говорит о себе заблудившийся в джунглях испуганный попугай); *Donut Lord* (инопланетянин Соник объявляет о своём выходе перед публикой).

3) Абсурдизм (1 случай), когда имя создано и используется без понимания персонажами каких-либо причинно-следственных связей: *The mouse's name is Cheese? – We don't know but it always comes when we yell it*³.

4) Эвфемизм (1 случай), когда камуфлируется табуированное слово: *Holy Sherbet*!⁴

5) Восклицания (2 случая), при выражении крайнего удивления: *Santa Mozzarella! Santa Pecorino*!⁵ (ожидаемо от верующих

¹ IMDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0114709/quotes> (дата обращения: 10.02.2025).

² IMDB [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/title/tt1436562/quotes/?ref_=tt_dyk_qu (дата обращения: 10.02.2025).

³ IMDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0823671/quotes/?item=qt0513417> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴ IMDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt12412888/characters/nm2355635#quotes> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ IMDB [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/title/tt12801262/quotes/?ref_=tt_dyk_qu (дата обращения: 10.02.2025).

католиков в минуту отчаяния обращаться к святым угодникам, в данной сцене мультфильма референтом становится итальянский сыр).

6) Аллюзия на литературное произведение: *Huckleberry Pie*⁶. В данном примере первая часть имени образована с отсылкой на свободолюбивого и независимого персонажа, а также преданного и заботливого друга в повестях М. Твена о приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна. Именно его образ положил начало понятию *huckleberry friend* / «закадычный друг», о котором поёт песню американская артистка О. Хепбёрн в фильме «Завтрак у Тиффани»⁷, став в англосаксонской лингвокультуре именем нарицательным. Историко-культурный опыт, передаваемый от литературного художественного произведения к фильму, говорит о важной роли интертекстуальных включений [3], играет высокую миромоделирующую роль в онтогенезе речи.

7) Иноязычное включение (5 случаев): *I'm just an Hors D'oeuvre!*⁸ (попугай испугался в лесу); русский пёс Борис обращается к американской собаке Леди «Бублички»⁹. Заметим, что на сегодняшний день существует большое количество билингвальных текстов, в том числе и кинотекстов, которые являются объектом пристального изучения лингвистов и переводчиков, анализируются в соответствии с принципом дополнительности, предложенным Н. Бором [7, с. 18]. Глуттоническая лексика, являясь транслатном иноязычной культуры, часто актуализируется в детских фильмах в виде заимствования, что с ранних лет готовит зрителя к переключению кода. Детские фильмы вряд ли можно назвать билингвальными, однако для целевой аудитории иноязычные включения наделяют произведение новыми смыслами.

8) Междометия (2 случая): *Om Nom*¹⁰, *Yum-Yum*¹¹, – где содержится семантика как процесса поедания (*Om Nom*) пищи, так и

⁶ IMDB [Электронный ресурс]. URL: https://m.imdb.com/title/tt0365798/?ref_=ttqu_ov (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Audrey Hepburn – Moon River (Breakfast at Tiffany's) // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/5657763571276200311> (дата обращения: 10.02.2025).

⁸ RIO Quotes [Электронный ресурс]. URL: https://www.quotesoup.com/quotes/movie_tv/rio/?page=4 (дата обращения: 10.02.2025).

⁹ IMDB [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/title/tt0048280/quotes/?ref_=tt_dyk_qu (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁰ IMDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt4643420> (дата обращения: 10.02.2025).

¹¹ Ям-ям и ты (сериал 2012–2013) [Электронный ресурс]. URL: https://kino.mail.ru/series_904763_yam_yam_i_ti (дата обращения: 10.02.2025).

удовольствие от вкуса (*Yum-Yum*). Для самых маленьких зрителей первыми и часто запоминающимися словами являются междометия, перевод которых требует особого внимания, т. к. часто они не имеют полного эквивалентного соответствия в языке оригинала и перевода [2, с. 150], а в аспекте онтолингвистики междометия обладают высоким коммуникативным и лингвокультурным потенциалом детской импрессивной и экспрессивной речи.

Графически распределение прагматико-стилистических компонентов глуттонима в составе антропонима в детском фильме отражено в приведённой ниже таблице 1:

Таблица 1 / Table 1

Прагматико-стилистические функции антропонимов из детских игровых и анимационных фильмов, содержащих в своей основе глуттонический компонент / Pragmatic and stylistic functions of the anthronyms from children's movies containing a glutton component

Прагматико-стилистические функции антропонима с глуттоническим компонентом	Количество примеров	Процентная доля
Метафора с положительной коннотацией	78	75,73
Самоирония	4	3,88
Ирония, переходящая в сарказм	7	6,80
Абсурдизм	1	0,97
Эвфимизм	1	0,97
Восклицания	2	1,94
Аллюзия на литературное произведение	3	2,91
Иноязычное включение	5	4,85
Междометие	2	1,94
Итого	103	100

Источник: данные автора.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АНТРОПНИМА С ГЛЮТТОНИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ДЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

Ономастическая сфера глуттонимов предполагает продуманный подход к применяемым переводческим стратегиям. Выходя далеко за рамки национально-культурной картины мира, глуттоним начинает интегрироваться в антропонимику, обладая высокой силой воздействия на адресата, что требует продуманного подбора эквивалента при переносе в принимающую культуру.

При анализе исследуемых лексических единиц были выявлены следующие способы перевода антропонимов в детском фильме:

1) Гомофонический метод: *Nanny Plum* – Няня Плам, *Strawberry*¹² – Строберри¹³. Этот метод позволяет выдвинуть на первый план демонстративную и образовательную функцию антропонима с высоким культурным компонентом (дети, если свяжут сему и иконический образ, смогут выучить, как будут по-английски слова «слива» и «клубника»), однако такой перевод лишает имя положительных коннотаций, для детей это будет лишь обычным иностранным именем положительного персонажа. Особого внимания заслуживает перевод дразнилок как продукта фольклорно-игровой практики, нередко представляющего собой традиции «дворового детства» [8, с. 36, 42]. В сцене мультфильма, где злодей грубо говорит маленькой девочке *'Shut up, Happy Meal!*', вариант «Закрой рот, Хэппи Мил!» недостаточно передаёт иронию, т. к. продукт *Happy Meal*, представляющий собой набор детского фастфуда, у нас не популярен так, как в США, и не в полной мере передаёт сарказм. Использование популярного бренда детского питания привело бы к меньшим коммуникативным потерям при передаче сарказма, например: «Фрутоняня, молчать!» или «Закрой рот, Агуша» (однако вариант «Агуша» по своему названию слишком антропоцентричен, т. к. передаёт первый речевой продукт малыша, а в оригинале адресата сообщения лишают человеческих коннотаций в используемом антропониме).

¹² Ben and Holly Little Kingdom [Электронный ресурс]. URL: <https://benhollyslittlekingdom.fandom.com/wiki/Category:Characters> (дата обращения: 10.02.2025).

¹³ Маленькое королевство Бена и Холли [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/6625280086202989021> (дата обращения: 10.02.2025).

Нередко перевод удачно добавляет озорную коннотацию при передаче дразнилок: Анна-Банана¹⁴, Лиза-Пицца¹⁵. Перевод глуттонимических междометий в мультфильмах для самых маленьких зрителей осуществляется по-разному: *Om Nom* – Ам Ням¹⁶, а персонаж *Yum-Yum* – Ям-Ям¹⁷, что, на наш взгляд, не совсем адекватно, так как в русской традиции выражать удовольствие от еды принято междометием «ням-ням». Из 103 примеров мы выявили 43 случая использования данного приёма.

2) Семантический метод – калька. Данный приём составил 6 случаев из 103. Он удачно сочетается с каноничным переводом, например, *Gingerbread Man*¹⁸ – Пряничный человечек, *Muffin Man* – Булочник. В мультфильме «Ледниковый период-4» дочку мамонта зовут *Peaches / Peach*¹⁹ – Персик²⁰, что адекватно передаёт любовь и трепетное отношение к дочери. Однако может возникнуть абсурдная ситуация в случае несовпадения лингвокультурных традиций, например, восклицание '*Holy Sherbet!*' представляет собой маскировку обценной лексики (слова на *sh-*), а при переводе «Святой Щербет!»²¹ звучит именно как обращение к святому с абсурдным именем. В русскоязычной культуре это высказывание ближе к «Блин горелый!», или, если необходимо сохранить контраст сочетания обращения к святому и замаскированного ругательства, возможны варианты «Святой / Священный / Пасхальный Блин!».

3) Семантический метод – функциональная замена. Этот приём показал самую высокую распространённость и использовался в 60 случаях из 100 примеров. Например, в сцене, где дети играют в снежки, в девочку попадают снежком и боятся,

¹⁴ Чумовая пятница // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2914300495854192106> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁵ Вельветик // КиноПоиск: [сайт]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/412142> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁶ Приключения Ам Няма // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12833550248998970935> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁷ Ям-Ям и ты // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/5090185230764042034> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁸ IMDB [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/title/tt0126029/quotes/?ref=tt_dyk_qu (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁹ IMDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1667889> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁰ Ледниковый период – 4 // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8978322078734464957> (дата обращения: 10.02.2025).

²¹ Соник в кино // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/13332742007275073476> (дата обращения: 10.02.2025).

т. к. она может изрядно разозлиться: *Crud! I hit Cupcake!*²² – «За-сада! Я попала в Куколку!»²³. Здесь не совсем понятен выбор переводчика: девочка, о которой идёт речь, крупновата и полновата по сравнению с другими детьми. Судя по английскому имени, её очень любят и поэтому называли как десерт. В русскоязычной культуре таких деток называют Пышечками, Булочками, Пирожками, Пончиками. Здесь можно было бы передать высказывание более по-детски и с положительной коннотацией: «...Я в Пышечку / Пышку угодила / попала!» Антропонимы из мультсериала *Strawberry Shortcake* передаются через функциональный аналог, поскольку большинство используемых в составе антропонима глуттонимов переводятся описательно либо транслитерируются, а поскольку фильм рассчитан на совсем маленьких зрителей, то и перевод осуществляется через функциональную замену в сторону упрощения: *Strawberry Shortcake* – Шарлотта Земляничка (в данном примере пирожное заменено на шарлотку, что лучше передаёт образ девочки, несмотря на семантическое противоречие в том, что шарлотка – это яблочный десерт, а не клубничный), *Angel Cake* – Бисквит (здесь наблюдается коммуникативная потеря коннотации слова «ангел»), *Huckleberry Pie / Huck* – Гекльберри, Гек (слово «пирог» опускается, т. к. переводчик считает более важным уложиться в аудиовизуальный поток и сосредоточиться на передаче аллюзии на персонажа историй Марка Твена)^{24, 25}. Иногда лексическая трансформация не оправдывает себя в переводе: в мультфильме «Холодное сердце» еле убежавший от гигантского снежного атакующего монстра персонаж восклицает: *Where'd you guys go? We totally lost Marshmallow back there!*²⁶. В дубляже это «Где вы? Снежок-переросток давно отстал!»²⁷. На наш взгляд, такой вариант не передаёт иронии в переводе. В данном случае калька была бы более уместной, например: «Куда вы подевались?

²² IMDb [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1446192> (дата обращения: 10.02.2025).

²³ Хранители снов // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/10135587154148986925> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁴ IMDb [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1190823> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁵ Шарлотта – Земляничка // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9502912573681580051> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁶ IMDb [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/title/tt2294629/quotes/?ref=tt_dyk_qu (дата обращения: 10.02.2025).

²⁷ Холодное сердце // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3931557286666517001> (дата обращения: 10.02.2025).

Наш Зефирчик давно отстал!». В мультфильме «Чип и Дейл спешат на помощь» персонажа-крысу зовут *Monterey Jack / Monty*²⁸. Поскольку данный сорт сыра оказался для российских детей слишком диковинным, его заменили на более привычно звучащий, но не менее солидный сыр Рокфор, что в дальнейшем в динамике сокращалось до Роки²⁹. Для более эффективного использования приёма функциональной замены необходимо определить значимость глуттонического компонента как в рамках образа персонажа, так и в рамках переводимой сцены.

4) Семантический метод – транспозиция. Этот приём тоже очень популярен при переводе, особенно в контексте перевода детского мультфильма, в ситуации передачи многокомпонетного имени персонажа. Дело в том, что для русскоязычной культуры не характерны многосоставные имена у детей, например, Анна-Мария, что часто встречается в американской и европейской культуре, поэтому для более полного восприятия образа маленьким зрителем переводчики часто прибегают к уменьшению компонентов в составе имени. Например, *Apple Dumpling* – не «Пирожок с Яблоком», а «Яблочко», *Raspberry Tart* – Малинка, *Blueberry Muffin* – Черничка, *Lime Chiffon* – Лимона, *Orange Blossom* – Апельсинка, *Plum Puddin'* – Сливка^{30 31}, и др. Сложными для межкультурной передачи являются имена, которые по мере развития сюжета меняют форму, например, в ситуации дразнилки или игры слов. В мультфильме «История игрушек» в ходе спора о том, умеет ли персонаж по имени *Buzz Lightyear* летать, его конкурент говорит: *Okay, Mr. Light Beer, prove it*³² / ... Ладно, мистер Лайтер, докажи³³. В данной сцене антропоним транслитерировали и не стали предпринимать попытку передать дразнилку. На наш взгляд, дразнилку передать глуттонимом может и не получиться, но исказить фамилию для того, чтобы передать недоверие и абсурд, можно, напри-

²⁸ IMDb [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt3513500> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁹ Чип и Дейл спешат на помощь // Яндекс: [сайт]. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/95231/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 10.02.2025).

³⁰ IMDb [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1190823> (дата обращения: 10.02.2025).

³¹ Шарлотта-Земляничка // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9502912573681580051> (дата обращения: 10.02.2025).

³² IMDb [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/title/tt0114709/quotes/?ref=tt_dyk_qu (дата обращения: 10.02.2025).

³³ История Игрушек // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11579379110369664194> (дата обращения: 10.02.2025).

мер: «Ну ладно, мистер Лай-терьер, докажи». Случаев использования данного метода было 60 из 103 проанализированных. Ниже графически представлено распределение выявленных нами переводческих приёмов, используемых при межкультурной передаче исследуемой лексики.

Таблица 2 / Table 2

Способы перевода антропонимов в детском фильме с глуттоническим компонентом / Ways to translate anthroponyms with a gluttonic component in children's movies

Способы перевода антропонима с глуттоническим компонентом		Количество примеров	Процентная доля
Гомофонический метод		43	41,74
Семантический метод	Калька	6	5,82
	Функциональная замена	60	58,25
	Транспозиция	60	58,25
Итого		103	100

Источник: данные автора.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРЕДАЧЕ СЕМАНТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОГО АНТРОПОНИМА

При переводе значимого антропонима переводчик сталкивается с дилеммой: перевести или всё-таки транскрибировать? Это может быть вызвано особенностью развития сюжета, в динамике которого антропоним играет большую роль. Умение считывать имплицативные конструкции, выступающие как логически мотивированное «умолчание в тексте» [1, с. 381], требуют от переводчика привлечения как можно более широкого инструмента анализа, чтобы перенести в контекст другой культуры все скрытые смыслы. В фильме «Вонка» (2024 г.) одну из главных героинь зовут *Noodle*, что переводится как «лапша». Несмотря на шутку А. П. Чехова «Нет такого предмета, который

не подошёл бы еврею для фамилии»³⁴, здесь *Noodle* – совсем не имя или фамилия, а уничижительное прозвище. В одной из сцен девочка рассказывает другу о том, что её в младенчестве подбросили в прачечную, и среди всех вещей, что у неё были, оказалось кольцо с буквой *N*: *This. It's all I have of my real parents. See? "N" for Noodle. Or Nora, or Nina, or nothing at all* / «Вот это всё, что у меня осталось от родителей. *N* – Нудл или Нора, или Нина, или вообще Ничего». Далее Вонка пытается помочь подруге, развеселив её рифмовками, но сталкивается с языковой проблемой: *nothing rhymes with Noodle...* / «ничего не рифмуется с Нудл». В этот момент начинается языковая игра с надъязыковыми правилами. Вонка сочиняет песню, чтобы поднять подруге настроение: *Noodle, Noodle! / Apple Strudel! / Some people don't and / Some people doodle! / Snakes, Flamings, / Bears and Poodles! / Singing this song will / Improve your moodle!* Для поддержания образа главной героини её имя можно было бы перевести как «Лапша», чтобы подчеркнуть её худощавость, хрупкость и что у неё нет ничего, даже настоящего имени, только инициал. Дальше имя можно было бы развить через букву «Л»: «...Л – Лапша или Лора, или Лина, или вообще ложь какая-то». Но это ограничивает дальнейшую языковую игру, где Вонка поёт песню. Однако можно заметить, что песня по большей части – абсурдного содержания и затеяна просто вокруг игры со словом *noodle*, к которому он просто пытается – и не всегда успешно, что приводит к морфологическим искажениям, – подобрать рифму. Первая строчка *Noodle, Noodle! Apple Strudel!* – известная дразнилка, которую произносит Дейл в мультфильме «Чип и Дейл спешат на помощь». Это даёт основание для использования популярной фразы из детского дискурса, при этом не теряя главной прагматической цели: поднять настроение девочке. Например: «Рости большой, не будь лапшой, / Наш мир не хмурый, он цветной. / Лапша, левша, лови ерша, / Пусть веселей поёт душа!». Однако сюжет фильма динамично развивается, и в конце фильма появляются новые вводные: Вонка догадывается, что его подруга – племянница криминального авторитета по имени *Zebedee*, а в прачечной не сообразили повернуть кольцо, и решили, что первая буква – «*N*», поэтому назвали девочку *Noodle*: *She saw the ring, thought it was an 'N' and called me Noodle.*

³⁴ Wonka-Read-The-Screenplay [Электронный ресурс]. URL: <https://deadline.com/wp-content/uploads/2023/12/Wonka-Read-The-Screenplay-Redacted.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

*But it wasn't. It was 'Z' for 'Zebedee'*³⁵. И вот эта кульминационная сцена представляет собой серьёзную проблему для переводчика: либо он изобретает, какую букву можно придумать, перевернув букву «Л» (это может быть латинская «V»), и тогда её фамилия будет изменена на *Vebedee*, что для русскоязычной аудитории не столь существенно, т. к. фамилия не является говорящей. Либо он отказывается от переноса семантики антропонима в русский язык, в результате чего пострадает только глуттонический компонент, и у девочки будет чудное, но всё-таки нормальное иностранное имя, что и сделал переводчик в дубляже. Русскоязычные дети наслаждаются талантливым переводом, адекватной языковой игрой, но девочка там уже не в таком уж и безымянном положении: «Нудл, Нудл, Штрудель-пудель! / Есть друг весёлый, а есть занудл. / Эту песню петь я будл / Чтоб наконец-то ты улыбнудл»³⁶.

Анализ перевода вышеописанных сцен фильмов показывает, что перевод аудиовизуального художественного произведения для ребёнка накладывает свои условия и правила перевода антропонима, для которого характерно динамическое развитие через изменение внутренних компонентов (например, дразнилка). На переводческое решение может оказать влияние дальнейшее развитие сюжета с появлением новых вводных о персонаже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование воплощения глуттонимов в бытовых действиях в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах, наполняющих игровое пространство и формирующих мировоззрение юных зрителей, показывает выразительность и креативность в процессе организации бытия ребёнка. Глуттонический дискурс, лежащий в основе антропонима, обладает яркими стилистической, прагматической и культурологической характеристиками. Учитывая условия детских жанров с нестандартной моделью мира и законами языка, переводчику следует быть готовым к использованию онтолингвистических трансформаций, предполагающих изменение формы слова

³⁵ Wonka-Read-The-Screenplay [Электронный ресурс]. URL: <https://deadline.com/wp-content/uploads/2023/12/Wonka-Read-The-Screenplay-Redacted.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

³⁶ Вонка // Яндекс: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/6065555629688679043> (дата обращения: 10.02.2025).

под особенности восприятия детской аудиторией. Анализ перевода глуттонима в детском фильме, принимающий во внимание особенности переплетения всех аудиовизуальных потоков информации, а также кругозор, возможности восприятия исследуемой лексики юным зрителем, позволяет признать важность описания переводческих подходов средствами контекстуального, лингвостилистического, онтолингвистического и культурологического анализа переводимых единиц, интегрированных в контекст детского фильма. Несмотря на выявленные самые популярные переводческие инструменты, необходимо взвешенно подходить к вопросам межкультурной передачи антропонима, т. к. понимание коммуникативной и компонентной значимости антропонима может привести к более полной и качественной передаче сообщения всего художественного аудиовизуального произведения для ребёнка-зрителя. Результаты проведённого анализа позволяют расширить представления о теоретических и практических подходах в переводоведении при решении задач не только аудиовизуального, но и художественного перевода литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гашарова А. Р. Жанровое и художественное своеобразие детской сатиры в лезгинском фольклоре // Мир науки, культуры, образования. 2024. №4. С. 380–382. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-380-382
2. Зиньковская А. В., Спачиль О. В. Проблема перевода междометий в англоязычных версиях пьес А. П. Чехова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. №5. С. 149–155.
3. Лубкина О. А. Типология и стилистические функции интертекстуальных включений в русской детской повести 1920-х гг. (на материале произведения Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика Шкид») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. №9. С. 2931–2941.
4. Лукин Д. С., Носова В. Д. Особенности передачи глуттонических прагматонимов на русский язык в европейском ономасическом пространстве // Современное педагогическое образование. 2022. №7. С. 148–153.
5. Марданова М. А. Перевод онимов в кинотексте мультипликации (на материале перевода мультсериала 'Paw Patrol' на русский язык) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №9. С. 1–4. DOI: 10.18454/RULB.2023.45.22

6. Олянич А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики // Массовая культура на рубеже XX–XXI века: человек и его дискурс: сборник научных трудов. М.: Азбуковник, 2003. С. 167–201.
7. Разумовская В. А. Полилингвальный художественный текст: отстранение и перевод // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. №1. С. 17–29. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29
8. Сухова М. В. «Немцы в городе»: образ врага в детских игровых практиках (последняя четверть XX – начало XI вв.) // Ученичество. 2023. №1. С. 35–46.
9. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
10. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И., Осипова А. А. Может ли воля заказчика являться «категорическим императивом» при переводе? [Электронный ресурс] // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №2. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-2-1437
11. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2017. 240 с.
12. Alborghetti C. Gianni Rodari's grammar of food: Translating Italian food language into English in children's literature in the UK and the US [Электронный ресурс] // Mediazioni. 2017. №22. URL: <https://mediazioni.sitlec.unibo.it> (дата обращения: 28.02.2025).
13. Lovato S., Piper A. M., Wartella E. A. Hey Google, Do Unicorns Exist? Conversational Agents as a Path to Answers to Children's Questions // Proceedings of the 18th ACM International Conference on Interaction Design and Children (IDC'19). New York, 2019. P. 301–313. DOI: 10.1145/3311927.3323150

ARTICLE INFORMATION

Author

Valentina S. Lukyanova

- e-mail: v.lukyanova@odin.mgimo.ru,
Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English language,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo branch)
ul. Novosportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow Region, Russian
Federation

For citation

Lukyanova, V. S. (2025). Verbalization of Anthroponyms with Gluttonic Components in Children's Audiovisual Texts and Their Russian Translation. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study scientific and practical approaches to the translation of anthroponyms which form is based on gluttonic lexis in the system of ontolinguistic discourse.

Methodology. The proposed research uses stylistic, linguocultural, contextual, comparative, component, ontolinguistic and translational analysis of the originals of anthroponyms in children's audiovisual text. The interdisciplinary approach used in the work is implemented at the intersection of linguistic, psycholinguistic and cognitive paradigms.

Results. The study revealed the following features of the lexical unit under study and its translation: gluttonic vocabulary is an important component of children's speech discourse, which explains its recurrence in anthroponyms (For example, the name Peaches or the teasers Anna-Banana, Lisa-Pizza). The gluttonic component of an anthroponym has an important meaning in conveying the image of a character, but it is asymmetrically verbalized in the original and translated languages, leading to communicative losses in conveying the image of a character. To achieve a more accurate and complete transmission of the anthroponym, methods of usage an interdisciplinary approach are proposed and described.

Research implications. The results of the study make it possible to contribute to the study of the phenomenon of anthroponymy at the junction

of ontolinguistic, audiovisual and gluttonic discourses in the aspect of translation studies, as well as to more fully and accurately deal with practical challenges during the anthroponym translation.

Keywords

translation studies, ontolinguistics, impressive speech, expressive speech, ontolinguistic transformation

References

1. Gasharova, A. R. (2024). Genre and Artistic Originality of Children's Satire in Lezgin Folklore. In: *World of Science, Culture, Education*, 4, 380–382. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-380-382 (in Russ.).
2. Zinkovskaya, A. V. & Spachil, O. V. (2022). The Problem of Translating Interjections in English Versions of A. P. Chekhov's Plays. In: *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*, 5, 149–155 (in Russ.).
3. Lubkina, O. A. (2023). Typology and Stylistic Functions of Intertextual Inclusions in a Russian Children's Story of the 1920s (Based on the Work of L. Panteleev and G. Belykh "The Republic of Shkid"). In: *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 16 (9), 2931–2941 (in Russ.).
4. Lukin, D. S. & Nosova, V. D. (2022). Features of the Transfer of Gluttonic Pragmatonyms into Russian in the European Onomastic Space. In: *Modern Pedagogical Education*, 7, 148–153 (in Russ.).
5. Mardanova, M. A. (2023). Translation of Onyms in the Film Text of Animation (Based on the Translation of the Animated series 'Paw Patrol' into Russian). In: *Russian Linguistic Bulletin*, 9, 1–4. DOI: 10.18454/RULB.2023.45.22 (in Russ.).
6. Olyanich, A. V. (2003). Gastronomic Discourse in the System of Mass Communication: Semantic-Semiotic. Characteristics. In: *Mass Culture at the Turn of the XX-XXI centuries: Man and His Discourse*. Moscow: Azbukovnik publ., pp. 167–201 (in Russ.).
7. Razumovskaya, V. A. (2023). Polylingual Fiction Text: Distancing and Translation. In: *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1), 17–29. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29 (in Russ.).
8. Sukhova, M. V. (2023). "Germans in the City": the Image of the Enemy in Children's Play Practices (last quarter of the 20th – early 11th centuries). In: *Apprenticeship*, 1, 35–46 (in Russ.).
9. Tomakhin, G. D. (1988). *Realities-Americanisms*. Moscow: Vyshaya shkola publ. (in Russ.).
10. Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. & Osipova, A. A. (2024). Can the Customer's Will be a "Categorical Imperative" in Translation? In: *Russian*

Social and Humanitarian Journal, 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-2-1437 (accessed: 28.02.2025) (in Russ.).

11. Zeitlin, S. N. (2017). *Language and Child: Linguistics of Children's Speech*. Moscow: Vlado's publ. (in Russ.).
12. Alborghetti, C. (2017). Gianni Rodari's Grammar of Food: Translating Italian Food Language into English in Children's Literature in the UK and the US. In: *Mediazioni*, 22. URL: <https://mediazioni.sitlec.unibo.it> (accessed: 28.02.2025).
13. Lovato, S., Piper, A. M. & Wartella, E. A. (2019). Hey Google, Do Unicorns Exist? Conversational Agents as a Path to Answers to Children's Questions. In: *Proceedings of the 18th ACM International Conference on Interaction Design and Children (IDC'19)*. New York, pp. 301–313. DOI: 10.1145/3311927.3323150

ИМПЛИЦИТНОСТЬ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «СЕРДЦЕ», «CŒUR», «CUORE», «HEART» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Овчинникова Галина Витальевна

- e-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru;
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
германской и романской филологии
факультета романо-германских языков;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Федченко Валерия Сергеевна

- e-mail: lera.s.1312@gmail.com;
аспирант кафедры германской и романской филологии
факультета романо-германских языков;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Погольша Анжела Дмитриевна

- e-mail: pogolsha_angela@mail.ru;
соискатель кафедры германской и романской филологии
факультета романо-германских языков;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Овчинникова Г. В., Федченко В. С., Погольша А. Д. Имплицитность семантики фразеологизмов с компонентами «сердце», «cŒur», «cuore», «heart» во французской, итальянской, английской и русской лингвокультурах // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 19.05.2025
- Статья размещена на сайте 15.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Семантические связи фразеологического компонента «сердце», «сœur», «cuore», «heart» с компонентами других лексико-семантических полей

Вариантность лексем во фразеоконтексте

Заключение

Литература

АННОТАЦИЯ

Цель. Уточнение понятий имплицитности и эксплицитности семного состава компонентов «сердце», «сœur», «cuore», «heart» во фразеологических оборотах. Выявление и сопоставление семантических связей компонентов «сердце», «сœur», «cuore», «heart» с другими лексемами во французском, итальянском, английском и русском языках, рассмотрение фразеологизма как лингвокультуры.

Процедура и методы. С помощью комплекса применённых методов, включающих метод анализа словарных дефиниций, синергетический подход, семный анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод, устанавливаются сходства, в результате чего делается вывод об универсальности соматической фразеологии, а также различия, обусловленные факторами национальной специфики, которые также освещаются в исследовании с применением диахронно-синхронного подхода.

Результаты. Уточнены понятия имплицитности и эксплицитности семного состава компонентов «сердце», «сœur», «cuore», «heart», входящих во фразеологические обороты и идиомы. Установлены лексико-семантические закономерности, такие как полисемия и вариантность в рамках фразеологизмов, отмечены семантическая консервация, характерная для французского языка, частичная деактуализация в итальянском и английском языках и семантическая редукция в русском языке на примере исследуемых фразеологизмов с компонентом

сердце. Установлена культурно-историческая специфика, выраженная как в сохранении, так и в утрате архаичных значений для каждой лингвокультуры.

Теоретическая значимость и практическая ценность. Данный научный поиск дополняет существующие исследования соматической фразеологии, рассматриваются частные случаи её проявления на уровне сопоставления языков, что позволяет внести вклад в том числе и в лингвокультурологию. Результаты предложенного в статье исследования имеют практическую ценность, которая заключается в обогащении лексикографических ресурсов, их использовании в преподавании иностранных языков и переводоведения для акцентирования внимания на лингвокультурных особенностях, так как понимание семантических различий и сходств может способствовать более эффективному взаимодействию между носителями разных культур, а также более точному переводу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лингвокультура, семантика, сердце, соматизм, фразеология

ВВЕДЕНИЕ

Компонентный состав фразеологических единиц (далее – ФЕ) находится во взаимосвязи с окружающим миром, стремясь его отразить с присущей каждому народу аутентичностью. Наиболее многочисленную группу фразеологического фонда любого языка составляют фразеологизмы с компонентом-соматизмом, поскольку посредством частей тела человек воспринимает мир, познаёт и изменяет его. Значимость исследований в области фразеологии на сопоставительном уровне обуславливается тем, что результат таких исследований «позволяет определить единые черты культуры, быта, психологии и истории народов, а также способствует пониманию менталитета представителей той или иной лингвокультуры» [6]. Исследования фразеологических единиц до настоящего времени остаются актуальными, поскольку «фразеологические единицы играют огромную роль в языке, так как выполняют множество разных функций, начиная с номинативной, экспрессивной и коммуникативной, и заканчивая прагматической функцией» [10].

Благодаря многофункциональности, позволяющей применить фразеологические единицы в качестве иллюстративного материала для доказательства существующих гипотез, фразеология не перестаёт быть фокусом научного интереса. Выбор исследования соматизма «сердце» в составе ФЕ обусловлен тем, что ФЕ с этим компонентом довольно многочисленны и обладают высокой частотностью употребления во всех четырёх языках, поскольку сердце – основной жизненно важный орган. Как указывает Г. В. Овчинникова, «путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у народов, что обусловлено различиями истории и условий их жизни, спецификой развития их общественного сознания» [14]. Фразеологизмы имеют особую значимость для лингвокультурологических исследований, что было акцентировано В. Н. Телия [16], так как «генетически фразеология любого языка имеет отношение к видению человеком окружающей действительности» [7].

В данной статье предлагается рассмотреть исследуемые фразеологизмы как лингвокультуры. Лексема «сердце» характеризуется высокой частотностью в языковом фонде каждого народа. Во фразеологическом фонде французского языка согласно французско-русскому фразеологическому словарю под редакцией Я. И. Рецкера¹ насчитывается 146 ФЕ с компонентом «*cœur*», по количеству уступая только ФЕ с компонентами «*main*» (261), «*œil*» (240), «*tête*» (206), «*piéd*» (171). Согласно данным фразеологического словаря А. В. Кунина² насчитывается 68 ФЕ с компонентом «*heart*», численно уступая по количеству лишь «*hand*» (154), «*eye*» (122), «*head*» (95). В русском языке во фразеологическом словаре А. И. Фёдорова³ фразеологизмы с компонентом «сердце» составляют 63 единицы.

По А. Г. Назаряну, фразеологическим единицам также «приписаны определённые закономерности развития как в диахронии, так и в синхронии, свидетельствующие о системности фразеологических явлений» [12].

¹ Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев и др.; под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963. С. 237–244, 628–639, 753–761, 1024–1036, 828–836.

² Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / под ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. С. 372–377, 249–256, 365–372.

³ Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / под ред. А. И. Фёдорова. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 609–613.

Семантические сдвиги являют собой научный интерес для лингвокультурологии в связи с тем, что «изучение метафоризации в диахронии позволяет исследовать становление и развитие языковой картины мира» [3].

Как отмечает И. В. Арнольд, «большие возможности семантического варьирования, а следовательно, и импликации, представляют слова широкой семантики» [2].

Имплицитная информация возникает «вследствие актуализации потенциальных компонентов лексического значения» [4]. Т. В. Первак в исследовании аллюзии и образного сравнения в рамках стилистической конвергенции отмечает гармоничное дополнение данных явлений «присущими им имплицитностью и эксплицитностью» [15]. Как известно, фразеологические единицы являются исторически укоренившимися в языке выражениями, значения которых не выводятся из значений их составных компонентов, таким образом, учитывая многозначность лексемы «сердце», зафиксированную в словарях четырёх исследуемых языков, можно предположить наличие демонстрирующей лингвокультурный потенциал фразеологизма имплицитной информации.

Вслед за Н. Ф. Алефиренко под фразеологическими вариантами понимаются «такие изменения фраземы, которые характеризуются относительным тождеством фразеологического значения и близостью этимологического образа, различаются отдельными компонентами означающего» [1].

По замечанию Ф. П. Филина, «вариантность – одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами ... происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях» [17].

В данном исследовании вариантность во фразеологии понимается как существование различных форм одной и той же фразеологической единицы, обусловленных языковыми, культурными или историческими факторами. Особенно интересны и важны для лингвокультурологии те случаи вариантности, в которых вариантами выступают на первый взгляд семантически несхожие лексемы. В данной работе вариантность рассматривается как маркер лингвокультурной специфики, позволяющий установить семантические связи вариантов и обозначить причину их взаимозаменяемости.

Новизна обуславливается тем, что в данном исследовании применяется комплексный анализ фразеологических единиц

для глубинного исследования их семантических взаимосвязей с семей «желудок», установления особенностей развития и функционирования в языке с акцентом на их лингвокультурологическую специфику. Впервые анализируется семантическая связь соматизмов, их полисемия и вариантность во фразеоконтексте на материале лексикографических источников языков четырёх разноструктурных языков. Выявляются причины семантических сдвигов с привлечением элементов этимологического анализа и учётом культурно-исторической специфики. Выдвигается предположение о неравномерном закреплении в современном языке соматических ФЕ в их первичном, вторичном и лингвокультурном значениях, предпринимаются попытки выявления асимметрии семного состава фразеологизмов с компонентом «сердце».

Цель данного исследования заключается в установке связей компонента «сердце» с другими соматизмами в четырёх лингвокультурах для обнаружения их лексико-семантических вариантов во фразеоконтексте, установке сходных и различных явлений.

В задачи данного исследования входят:

- 1) определение фразеологизма как лингвокультураны;
- 2) анализ ФЕ с компонентом «сердце» в четырёх языках во взаимосвязи с другими соматизмами во фразеоконтексте;
- 3) сопоставление их семантической структуры и потенциальности;

Иллюстративным материалом исследования являются ФЕ, извлечённые приёмом сплошной выборки из словарей *Le Trésor de la langue française*⁴, из материалов «*Le russe en un clin d'oeil*» М. Папо и Г. В. Овчинниковой⁵, а также из Французско-русского фразеологического словаря под редакцией Я. И. Рецкера⁶, Англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина⁷ и Фразеологического словаря русского литературного языка

⁴ *Le Trésor de la langue française* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.les-tresor-de-la-langue.fr> (дата обращения: 19.01.2025).

⁵ Papot M., Ovchinnikova G. *Le russe en un clin d'oeil*. Paris: Ellipses, 2005. 144 p.

⁶ Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев и др.; под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963. 1111 с.

⁷ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / под ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

А. И. Фёдорова⁸, Толкового словаря С. И. Ожегова⁹, Толкового словаря В. Даля¹⁰, словаря Oxford English Dictionary¹¹, Словаря употребительных фразеологизмов и идиом в речи М. Куарту и Э. Росси¹².

В данном исследовании применена комплексная методика, включающая методы лексикографического анализа, словарных дефиниций, компонентного анализа, синергетический метод, этимологического анализа, а также в широком применении сравнительно-сопоставительный метод. Важность применения подобной комплексной методики отмечается Г. В. Овчинниковой, поскольку «применение комплекса методов этимологического и семного анализа, а также в ряде случаев лингвокультурологического анализа позволяет сравнить и сопоставить семантические потенциалы слов, словосочетаний, фразеологизмов, крылатых выражений» [13].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА «СЕРДЦЕ», «CŒUR», «CUORE», «HEART» С КОМПОНЕНТАМИ ДРУГИХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Семантическая аттракция сем соматизмов «сердце», «cuore», «cœur», «heart» непосредственно связана с понятиями эксплицитности и имплицитности семного состава во фразеологических оборотах и идиомах разноструктурных языков.

В данной статье эксплицитными семами исследуемых компонентов являются ядерные и дифференциальные семы лексико-семантических вариантов «сердце», «cuore», «cœur», «heart», выступающие в их прямом значении. Например: «золотое сердце», «cœur d'or», «cuore d'oro», «heart of gold». Именные

⁸ Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / под ред. А. И. Федорова. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.

⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / науч. ред. Л. В. Беловинский. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.

¹¹ Oxford English Dictionary, "heart (n., int., & adv.)" [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/heart_n?tl=true (дата обращения: 19.01.2025).

¹² Quartu M., Rossi E. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana. Hoepli, 2012. 528 p.

компоненты в четырёх сопоставляемых языках выступают в своих прямых значениях, а фразеологичность обусловлена сочетаемостью с прилагательным «золотое» в русском языке и синтаксической конструкцией «предлог + существительное» в функции эпитета во французском, итальянском и английском языках.

Реализация приращённых сем, не принадлежащих денотативным значениям компонентов, входящих во фразеологические сочетания, свидетельствует о наличии имплицитности сем и о возможности актуализации в вариантных формах фразеологических оборотов. Именно имплицитность семного состава соматизмов «сердце», «cœur», «cuore», «heart» представляет наибольший интерес для исследователей фразеологии в лингвокультурологическом плане.

Нарушение семантической связи между отдельными лексическими компонентами и порождение разных образов, соответствующих лингвокультурному коду носителей разноструктурных языков, позволяет считать данные фразеологизмы лингвокультурами.

В рамках данной статьи предлагается проанализировать следующие фразеологизмы-лингвокультуры во французском языке:

Словарь «CNRTL»¹³ даёт толкование ФЕ *tourner le cœur / les cœurs* – *soulever le cœur, écoeurer* (раздражать кого-то; вызывать тошноту у кого-то). Этот фразеологизм восходит к устаревшему выражению 1790 г. «*tourner les sangs*» со значением «*une personne bouleversée*» (взволнованный человек), т. е. реализуется имплицитная сема «кровь», которая коррелирует с семой усиленного сердечного ритма (сердечная мышца выталкивает кровь, направляющуюся к другим мышцам человеческого организма, что влияет на физическое и эмоциональное состояние человека).

le cœur tourne à qqn – *avoir la nausée* (испытывать тошноту).

Данное фразеологическое толкование обусловлено этимологическим фактором, так как среднефранцузское «cœur» восходит к старофранцузскому «*cuier, coier, squier, quoir*» от латинского «*cor*» (*cordis* в родительном падеже) с лексико-семантическими вариантами 1) *cœur*, 2) *estomac*; фразеологизм получает приращённую сему «*se sentir mal*».

¹³ Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 09.03.2025).

Вариантами данного фразеологического значения во французском языке являются:

«*avoir le cœur à l'envers*» («signifie généralement ressentir une profonde tristesse, un chagrin, ou être dans un état d'âme où le cœur ne bat plus dans le sens normal. Elle évoque une situation où les sentiments sont inversés, où la joie a disparu et où la peine est omniprésente») – 1) быть расстроенным; 2) испытывать сильную тошноту.

Ещё одним вариантом выражения вышеуказанных фразеологических оборотов является «*avoir mal au cœur*» («signifie généralement ressentir une profonde tristesse, un chagrin, ou être dans un état d'âme où le cœur ne bat plus dans le sens normal. Elle évoque une situation où les sentiments sont inversés, où la joie a disparu et où la peine est omniprésente») 1) испытывать страдания; 2) испытывать тошноту, а также: «avoir le cœur barbouillé, le cœur au bord des lèvres».

«Donner la nausée, des nausées à qqn. Synon. lever le cœur».

Словарём «CNTRL»¹⁴ даётся объяснение подобному семантическому сдвигу: «La médecine grecque appelait kardia le cœur et l'entrée de l'estomac, ce qui explique des expressions telles que «mal au cœur»».

Этимологическая справка к выражению *avoir mal au coeur* на интернет-ресурсе «Expressions Francaises»¹⁵ подтверждает наличие ложной этимологии, запускающей процесс семантического сдвига: «le terme «cœur» viendrait du latin cor, cordis et la locution cardia serait issue du grec Kardia. Ce serait donc cette différence d'écriture que serait issue «avoir mal au coeur» qui signifie «avoir mal au ventre» car les grecs qualifien de cardia l'orifice de l'estomac utilisé encore de nos jours dans le vocabulaire médical et ce serait de cette confusion anatomique que nait cette expression au XIIIème siècle»

Обращение к словарю «Le Trésor de la Langue Française»¹⁶ даёт возможность утверждать, что лексема *cœur* в одном из лексико-семантических вариантов реализует сему, вступающую во взаимодействие с семой «estomac», которые нередко в лексикографическом описании трактуются как квазисино-

¹⁴ Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁵ Expressions Francaises [Электронный ресурс]. URL: <https://www.expressions-francaises.fr/avoir-mal-au-coeur> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁶ Le Trésor de la langue française [Электронный ресурс]. URL: <https://www.le-trésor-de-la-langue.fr> (дата обращения: 19.01.2025).

нимы: «(Quasi-) *synon. estomac*». Подтверждение этому также находится в словаре «CNTRL», где также приведены ФЕ, соответствующие данному толкованию: «[Sans doute p. réf. au cardia] (Quasi-) *synon. estomac*: ... SYNT. Avoir le cœur barbouillé / noyé / soulevé; avoir le cœur bien accroché; avoir le cœur sur les lèvres; retourner le cœur; avoir / faire mal au cœur. Jeter / mettre du cœur sur le carreau (arg.). Vomir».

Согласно А. В. Кунину¹⁷, «семы можно определить как микроэлементы значения, обозначающие реальные или воображаемые признаки денотатов» [10]. Денотат именно физического ощущения тошноты появляется как результат семной аттракции отдельных элементов фразеологических единиц, в данных примерах выступают: *tourner, à l'envers, mal*. Далее предлагается семный анализ ФЕ *tourner sur le cœur à qn; avoir le cœur à l'envers; avoir mal au cœur*.

Понимаемое в рассматриваемых ФЕ *cœur* как: «(Quasi-) *synon. estomac*», – в первом случае при помощи глагола *tourner* в значении «mettre quelque chose dans la position inverse de celle occupée auparavant», который отвечает за приращение семы «перемещение», получает своё переносное значение (пищевод + перемещение) «вызывать тошноту у кого-то».

Во втором случае наречие *à l'envers*, понимаемое как «en sens inverse, dans un sens contraire à la norme, à la perspective naturelle ou habituelle; dans le mauvais sens», сообщает выражению сему «обратное направление», что наделяет выражение эвфемистическим значением (желудок + наизнанку) «испытывать сильную тошноту».

В третьем случае существительное *mal*, имеющее дефиницию: «D'une façon anormale, éloignée du modèle, de la norme», – также сообщает о неправильной работе органа (желудок + ненормальное состояние), выраженной в значении «испытывать тошноту».

Первое значение «соеур» в приведённых трёх фразеологических единствах («*tourner sur le cœur à qn*», «*avoir le cœur à l'envers*», «*avoir mal au cœur*»), данное во фразеологическом словаре под редакцией Я. И. Рецкера¹⁸, включает сему «ensemble des sentiments», в то время как второе значение включается в сем-

¹⁷ Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

¹⁸ Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев и др.; под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963. 1111 с.

ную аттракцию дифференциальной семьи *cœur* и ядерной семьи «*estomac*», оба образа зафиксированы в словарных дефинициях лексемы. Семный анализ словарной дефиниции *cœur* с дифференциальной семьей «*ensemble des sentiments*» приводит к выявлению потенциальных сем переживания, отрицательных эмоций во всех анализируемых ФЕ: ФЕ *tourner sur le cœur à qn* имеет семы «чувства» + «перемещение», дающие метафорическое толкование ФЕ: «раздражать кого-то»; в «*avoir le cœur à l'envers*» семы «чувства» + «наизнанку» порождают фразеологическое значение «быть расстроенным», ФЕ «*avoir mal au cœur*» имеет имплицитную сему в лексеме *cœur* «чувства» + эксплицитную сему в наречии *mal* «ненормальное состояние», которые имеют фразеологическое значение «испытывать страдания».

Изменение значения при сохранении лексического наполнения ФЕ свидетельствует о полисемии и культурной значимости лексемы *cœur*, что позволяет употреблять относительно неё термин «лингвокультурема» [5].

Кроме того, во французском языке можно встретить ряд фразеологизмов с компонентом «*cœur*», в которых внутренняя форма ощущения в желудке является единственной и не связана с чувственной составляющей межкультурного образа сердца: «*bondissement de cœur*», «*soulèvement de cœur*», «*demeurer sur le cœur*», «*chavirer le cœur*», «*jeter du cœur sur le carreau*», «*avoir le cœur bon*», «*avoir le cœur noyé*», «*avoir le cœur délicat*», «*avoir le cœur au bord des lèvres*». Всего, учитывая данные всех используемых при анализе словарей, удалось насчитать 14 ФЕ, где компонент *cœur* рассматривается как квазисиноним *estomac*.

Выяснив причину подобного семантического сдвига, кроющуюся в ложной этимологии в связи с заблуждением, берущим начало ещё в греческой медицине, стоит учесть, что ФЕ с их вторым значением употребляемы и не являются архаичными. Это является отличительной чертой во французском языке.

Обнаружение данной черты послужило отправной точкой для дальнейшего исследования в других языках на сопоставительном уровне.

В итальянском языке компонент «*cuore*» реализует свою семантическую аттракцию с семьей желудочно-кишечного тракта, как и во французском языке: *avere male al cuore*. Метод словарных дефиниций даёт возможность обнаружить, что семантическое взаимодействие лексем «*cuore*» и «*stomaco*» происходит

только в 4 и 5 лексико-семантических вариантах словарной статьи¹⁹ «cuore»:

4) In alcuni contesti, “avere mal al cuore” può essere usato per indicare disturbi digestivi, come indigestione o nausea.

5) Nausea: può essere utilizzato anche per indicare la sensazione di nausea o vomito.

При рассмотрении словарных дефиниций лексемы *heart* в «Oxford English Dictionary»²⁰ обнаруживается устаревшее значение «желудок»:

«The stomach (chiefly metonymically in phrases). See also next one's heart at Phrases P.1g, heart-pit n.. Scottish and English regional (chiefly northern) in later use. a pain at the heart: stomach ache (cf. heartache n. 1, heartburn n. 2)».

Подтверждается это примерами из словаря регионализмов «Vocabulary of East Anglia»²¹: «Heart, the stomach. 'A pain at the heart' means the stomach-ache» – и словаря просторечных выражений «Rustic speech and folk-lore»²²: «To have a pain at the heart (Yks. Lan. e.An.) is to have the stomach-ache, ср. Fr. avoir mal au cœur». Примечательно, что в словаре предлагается сравнить выражение *to have a pain at the heart* с французским *avoir mal au cœur*, что предполагает калькирование выражения в английский язык.

Словарь «Oxford» ссылается на словарь диалектов «English dialect dictionary»²³ при упоминании устаревшего значения лексемы *heart*: «next one's (formerly «the») heart: on an empty stomach, while fasting; immediately or very soon after waking in the morning, before breakfast (obsolete). Now rare (English regional in later use)».

¹⁹ Quartu M., Rossi E. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana. Hoepli, 2012. 528 p.

²⁰ Oxford English Dictionary, “heart (n., int., & adv.)” [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/heart_n?tl=true (дата обращения: 19.01.2025).

²¹ Forby R. Vocabulary of East Anglia: 3 vols. / ed. G. Turner. 1st ed. 1830–1858; Cooper T., Haigh J. Oxford Dictionary of National Biography [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-9850> (дата обращения: 03.03.2025).

²² Wright M. E. Rustic Speech and Folk-Lore, 1913 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/heart_n?tl=true (дата обращения: 03.03.2025).

²³ Wright J. The English Dialect Dictionary: 6 vols. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/heart_n?tl=true (дата обращения: 03.03.2025).

Таким образом, были обнаружены две устаревшие фразеологические единицы, денотат которых связан с семьей «желудок»: *a pain at the heart* и *next one's heart*.

В современном употреблении данное значение сохранено в составе сложного слова, означающего тривиальное название желудочного заболевания – *heartburn* (noun) – *a burning feeling in the chest caused by indigestion* (букв. *жжение сердца*) – изжогу. Выражение не является фразеологизмом, однако является образным метафорическим отражением видения сердца, связанной с ним физической стороны проявления англичанами.

В русском языке подобное заблуждение также существовало, о чём свидетельствуют материалы из книги Г. И. Попова «Русская народно-бытовая медицина»²⁴:

«сердце болит, нарывається, с души рвёт, сердце ... жжёт, горит, щемит, колет, ноет» – так описывались различные желудочные ощущения в простонародье.

По мнению Г. И. Попова, «сердце является излюбленным органом, к которому относятся всевозможные ненормальные ощущения: тоска на сердце, сердце схватило, под сердце подкатывает, сердце оторвалось». Подтверждением этому выступает одна из дефиниций сердца в словаре В. Даля²⁵: «Народ нередко сердцем зовёт ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка, где брюшной мозг, большое сплетенье нервов». Данное явление можно охарактеризовать как народную или ложную этимологию.

Отголоски подобного видения можно найти также и в художественной литературе, например, в рассказе «После бала» Л. Н. Толстого примечательна цитата, где сердце связано с желудком. Данный пример иллюстрирует связь сердца и желудка, отвечающего за ощущение тошноты: «А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил»²⁶. Этот пример иллюстрирует сохранившуюся связь сердца и желудка в мировидении русского народа.

²⁴ Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина (по материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева). СПб., 1903. 404 с.

²⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / науч. ред. Л. В. Беловинский. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.

²⁶ Толстой Л. Н. После бала // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в

В толковом словаре С. И. Ожегова²⁷ *сердце* с лексико-семантическим вариантом «желудок» не обнаружено, как и фразеологических единиц, денотатом которых бы выступали желудочные ощущения. Вышеприведённые примеры в современном русском языке понимаются лишь в смысле «тревоги», «волнения», «переживаний».

Таким образом, на данный момент развития языка выражения, ранее значившие болезненные состояния желудка, потеряли своё былое просторечное значение, что является их отличительной чертой от французских ФЕ в синхроническом плане.

Таким образом, ФЕ французского языка не лишились одного из переносных значений, связанного с семами ощущения в желудке, утратившего свою анатомическую актуальность с развитием медицины, оставляя во фразеологическом фонде полисемичные выражения, в то время как ФЕ русского языка данное значение полностью утратили – оно не фиксируется в словарях даже с пометами архаизмов или устаревших слов. Так, среди 63 ФЕ с компонентом «*сердце*» во «Фразеологическом словаре русского литературного языка А. И. Фёдорова»²⁸ обнаруживаются лишь образные состояния волнения, тревоги, тоски, радости.

Взяв во внимание особенности развития фразеологизмов в синхронном аспекте, можно говорить о том, что на период времени употребления сердца как квазисинонима желудка в русском языке выражение не являлось фразеологическим. Минувя закрепление в языке как ФЕ со значением «желудок», оно функционировало в метафорическом значении вместилища чувств.

Схематично подобный семантический сдвиг можно представить как $ФС_1 \rightarrow ФС_2$, где $ФС_1$ – первичная фразеологическая единица, а $ФС_2$ – вторичная, не изменившая форму, но изменившая содержание. Ф и С – соответственно форма и содержание. Для французского языка характерно сосуществование этих ФЕ, выражаемых в моделях $ФС_1$ и $ФС_2$, в то время как для ан-

90 т. Т. 34. Произведения 1900–1903 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 116–125.

²⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.

²⁸ Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / под ред. А. И. Федорова. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.

глийского – только в ФС₁, русского – только в ФС₂. Для наглядности результаты представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1 / Table 1

Семантические сдвиги / Semantic shifts

Французский	Английский	Итальянский	Русский
ФС ₁	ФС ₁	ФС ₁	ФС ₂
<i>avoir mal au cœur</i> – испытывать тошноту	<i>to have a pain at the heart</i> – испытывать тошноту	<i>avere male al cuore</i> – испытывать тошноту	<i>сердце болит, (жжёт, горит, щемит, ноет)</i> – испытывать страдания
<i>avoir le cœur à l'envers</i> – испытывать сильную тошноту	<i>next one's heart</i> – на пустой желудок		
<i>tourner sur le cœur à qn</i> – вызывать тошноту у кого-то			

Таким образом, анализ демонстрирует разную степень сохранности данной семантической связи и подтверждает, что французские ФЕ с компонентом *cœur* представляют собой своего рода семантическую консервацию относительно русского, итальянского и английского языков, в которых состав сем лексемы «сердце» не включает семы квазисинонима «желудок», подобное отсутствие отмечено в современных словарях. Английские выражения, на данный момент признанные устаревшими, не совершили семантической трансформации, т. е. не употребляются в сохранном виде, но в ином значении. Можно судить об исчезновении семы желудочных ощущений из семантики *heart* во фразеоконтексте в диахронии. Русский язык демонстрирует отсутствие какого-либо закрепления данной семы во фразеологизмах с компонентом *сердце*, поскольку приведённые ранее примеры имели буквальное значение

в связи с неосведомлённостью о строении человеческого организма и, закрепляясь во фразеологическом фонде лишь в значении эмоциональной стороны, миновали закрепление с «желудочной» семьей, как это происходило во французском, итальянском и английском.

ВАРИАНТНОСТЬ ЛЕКСЕМ ВО ФРАЗЕОКОНТЕКСТЕ

Далее предлагаются к рассмотрению примеры ФЕ из фразеологического словаря под редакцией Я. И. Рецкера²⁹, где наблюдается взаимозаменяемость компонентов «*cœur*» и «*estomac*» по схеме $\Phi_1 C_1 = \Phi_2 C_1$:

«*avoir de l'estomac = avoir du cœur*» – быть смелым,

«*avoir le cœur au bord des lèvres = avoir l'estomac au bord des lèvres*» – испытывать тошноту,

«*demeurer sur l'estomac = demeurer sur le cœur*» – 1. Чувствовать тяжесть в желудке; 2. Помнить долго о чем-либо».

Согласно данному фразеологическому словарю эти компоненты взаимозаменяемы и не меняют значения ФЕ, не внося дополнительных семантических оттенков. Это в очередной раз подтверждает наличие во французской картине мира сильных семантических связей между *cœur* и *estomac*, не обнаруженных в английском и русском языках.

В итальянском языке является частотной идиома «*avere il cuore di fare...*» – *иметь смелость что-либо сделать, отважиться на что-либо*.

Так, устанавливаются дополнительные связующие *cœur* и *estomac* семы «смелость» и «память». Сема «память» во французском языке реализуется в том числе и во ФЕ «*par cœur*» – на память, наизусть. В английском языке существует аналогичное выражение *by heart*. *Наизусть* является калькой греческого *apostatos* (*apo* – «из», *stoma, stomatos* – «рот, уста» в родительном падеже³⁰). Французский и английский языки тоже калькировали греческое выражение, однако в качестве единицы перевода «*stomatos*» была взята лексема «*cœur*» и «*heart*» соответственно, что ещё раз доказывает сильную семантическую связь сердца и желудка в ходе семантической эволюции лексем. Однако в итальянском языке, как и в русском языке, со-

²⁹ Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев и др.; под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963. 1111 с.

³⁰ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфус-луги, 2005. 432 с.

хранилось застывшее выражение *a memoria* (на память) [18]. Такая семантическая аттракция объясняется древнегреческим понятием о сердце, которое по представлениям являлось органом, ответственным за мышление и память.

Таким образом, сосуществование в современном французском языке ФЕ с *cœur* и *estomac* отражает архаичные анатомические представления, где эти органы воспринимались как функционально близкие. В итальянском и английском языках подобное явление также было зафиксировано, однако французских ФЕ численно больше, что позволяет судить о значимости и закреплённости образа сердца как вместилища воспоминаний во французской лингвокультуре. Русский язык демонстрирует утрату подобной связи, несмотря на пересечения в семантике при этимологическом анализе. Уникальной чертой французской фразеологии представляется возможным считать закрепление «телесной» составляющей понятия.

Таким образом, отмечается семантическая связь компонентов-соматизмов как в русском, так и во французском, итальянском языках в виду семиотической концептуализации тела [8], прослеживающейся в культурах народов неблизкородственных языков. В ходе исследования были описаны неочевидные особенности семиотических концептуализаций в области фразеологии [9]. Установлено, что во фразеоконтексте компоненты-соматизмы могут заменяться другими компонентами-соматизмами, что говорит об общности их образов. Отмечается, что сердце во всех четырёх лингвокультурах в частотности употребления во фразеоконтексте означает вместилище чувств и эмоций, однако носит уникальные черты от культуры к культуре, выявляемые при сопоставлении. Вслед за О. В. Ломакиной и Г. В. Овчинниковой делается вывод об универсальности элементов фразеологии и её антропоцентрическом характере [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, делается вывод, что имплицитность и вариантность фразеологических единиц позволяют раскрыть их лингвокультурный потенциал. В данном исследовании фразеологические единицы рассмотрены с точки зрения понятия лингвокультуремы, о чём свидетельствуют учёт культурно-национальной специфики при анализе, а также важность её роли в возникновении семантических сдвигов и формировании кар-

тины мира. Диахронно-синхронный подход к исследованию показывает эволюцию семантики данных ФЕ от прямого обозначения физиологических ощущений к метафорическому выражению эмоциональных состояний.

Французский язык демонстрирует семантическую консервацию, и на данном этапе развития языка лингвокультурема *cœur* находит в нём телесное отражение своей сущности, как ни в одном другом анализируемом языке, поскольку русский язык демонстрирует исторически существовавшую связь «сердце – желудок» в просторечии, но не в закреплении во фразеологии. Английский язык, в свою очередь, также демонстрирует связь с соматической стороной понимания лексемы *heart*, однако она представляется слабой в сопоставлении с результатами, полученными при анализе французской *cœur*.

Кроме этого, французский язык демонстрирует полисемию фразеологических единиц наряду с полисемией лексемы *cœur*, в то время как в английском и итальянском языках при не менее богатой лексической полисемии соматизмов «*cuore*» и «*heart*» не выявляется полисемия фразеологических единиц с данным компонентом, что справедливо отметить и в отношении русского языка.

Исследование подтверждает гипотезу о неравномерном закреплении в современном языке соматических ФЕ в их первичном и вторичном значении в разноструктурных языках: французский язык сохраняет диахроническую полисемию в большей степени, чем русский, итальянский и английский языки. Полученные результаты позволяют заполнить лакуну теоретических исследований, направленных на сопоставление фразеологизмов с соматическим компонентом, поскольку впервые проведён компонентный анализ соматизма «сердце», позволивший выявить эксплицитные и имплицитные семы лексем «сердце», «*cœur*», «*cuore*», «*heart*» и обнаружить их реализацию во фразеологических значениях соответствующих ФЕ разноструктурных языков. Теоретическая значимость проведённого исследования заключается также в лингвокультурологическом подходе к фразеологизмам с уточнением понятия «фразеологизм-лингвокультурема» с опорой на выявление глубинного культурного кода французских, итальянских, английских и русских фразеологизмов. Практическая ценность данной работы обусловлена широкими возможностями применения лингвокультурологического подхода к сопоставитель-

ному и сравнительному анализу на материале других языков, а также представляется перспективным дальнейшее выявление факторов, обуславливающих утрату денотативных значений отдельных компонентов-соматизмов, и поиск сходств и различий семантической аттракции имплицитных сем одного компонента с эксплицитными / имплицитными семами других компонентов фразеологизмов, принадлежащих родственным и неродственным семьям языков. Материалы статьи могут быть использованы при подготовке к занятиям по теоретической и практической сопоставительно-сравнительной фразеологии, при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и диссертационных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 147 с.
2. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. №4. С. 83–91.
3. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
4. Барышева А. И. Имплицитность как свойство языковых единиц и категорий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №4. С. 38–40.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология (Теория и методы). М.: Издательство РУДН, 1997. 331 с.
6. Гусева А. Е., Мальцев М. А., Шабанова В. П. Антонимические отношения фразеологических соматизмов английского и немецкого языков (на примере фразеологизмов с семантикой «речевая деятельность») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22. №2. С. 87–95.
7. Кравцов С. М., Прохорова А. П. Лингвопрагматический потенциал фразеологии: на материале русского и французского семантического поля «Говорение». Ростов-н/Д.: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2022. 156 с.
8. Крейдлин Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. №4-3. С. 338–347.

9. Крейдлин Г. Е., Летучий А. Б. Концептуализация частей тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // Русский язык в научном освещении. 2006. №2. С. 80–115.
10. Левченко М. Н. Когерентные характеристики фразеологизмов (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. №1. С. 94–105.
11. Ломакина О. В., Овчинникова Г. В. Фразеобразующий потенциал соматизма сердце / cœur / Herz в русском, французском и немецком языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. №1. С. 19–28.
12. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1976. 318 с.
13. Овчинникова Г. В. Особенности структуры и семантики артем во французских включениях произведений Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №3. С. 155–161.
14. Овчинникова Г. В. Этнокультурная специфика французских и русских фразеологизмов с компонентом «части тела» // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского, Тула, 08–11 июня 2015 г. Тула: С-Принт, 2015. С. 392–395.
15. Первак Т. В. Стилистическая конвергенция аллюзии и образного сравнения в аспекте языковой игры (на материале немецкого комедийного телесериала «Штримберг») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. №3. С. 53–63.
16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
17. Филин Ф. П. О слове и варианте слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 118–128.
18. Fanfani M. Fraseologia e dizionario // Fraseologia, paremiologia e lessicografia: III Convegno dell'Associazione italiana di fraseologia e paremiologia Phrasis. Firenze: Aracne editrice, 2018. P. 27–56.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Galina V. Ovchinnikova

- e-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru,
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Germanic and Romance
Philology, Faculty of Romance and Germanic Languages,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

Valeria S. Fedchenko

- e-mail: lera.s.1312@gmail.com,
Postgraduate Student, Department of Germanic and Romance Philology,
Faculty of Romance and Germanic Languages,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

Angela D. Pogolsha

- e-mail: pogolsha_angela@mail.ru,
External Postgraduate Student, Department of Germanic and Romance
Philology, Faculty of Romance and Germanic Languages,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Ovchinnikova, G. V., Fedchenko, V. S. & Pogolsha, A. D. (2025). Semantic Implicitity of Phraseological Units Containing Components "Serdtsse", "Cœur", "Cuore", "Heart" in the French, Italian, English, and Russian Linguocultures. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To clarify the implicit and explicit concepts of the seminal composition containing components "cœur", "cuore", "heart", "сердце" in phraseological units. To identify and compare semantic connections which components like "serdtse", "cœur", "cuore", "heart" create with other lexemes in French, Italian, English and Russian; to consider phraseology as a linguocultureme.

Methodology. Using a set of applied methods, including the method of analyzing dictionary definitions, a synergetic approach, a seminal analysis,

and a comparative method, similarities are established; it was concluded that there are both universality of somatic phraseology and differences due to factors of national specificity, which are also highlighted in the study using a diachronic-synchronous approach.

Results. The implicit and explicit concepts of the seminal composition of the components *serdtse*, “cœur”, “cuore”, “heart” included in phraseological phrases and idioms are clarified. Lexico-semantic patterns such as polysemy and variation within phraseological units are established, semantic conservation characteristic of the French language, partial deactualization in Italian and English and semantic reduction in Russian are noted using the example of the studied phraseological units with the “heart” component. Cultural and historical specifics have been established, expressed both in the preservation and in the loss of archaic meanings for each linguistic culture.

Research implications. This scientific search complements the existing research on somatic phraseology, and special cases of its manifestation at the level of language comparison are considered, which makes it possible to contribute the results to linguo-culturology. The results of the research proposed in the article have practical value, which consists in enriching lexicographic resources, their use in teaching foreign languages and translation studies to focus on linguistic and cultural features, since understanding semantic differences and similarities can contribute to more effective interaction between speakers of different cultures, as well as more accurate translation.

Keywords

heart, linguocultureme, phraseology, semantics, somatism

References

1. Alefirenko, N. F. (1993). *Phraseology in the System of the Modern Russian Language*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).
2. Arnold, I. V. (1982). Implication as a Text Construction Technique and a Subject of Philological Study. In: *Topics in the Study of Language*, 4, 83–91 (in Russ.).
3. Balashova, L. V. (2014). *Russian Metaphor: Past, Present, Future*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ. (in Russ.).
4. Barysheva, A. I. (2014). Implicitness as a Property of Linguistic Units and Categories. In: *Philology. Theory & Practice*, 4, 38–40 (in Russ.).
5. Vorobyov, V. V. (1997). *Lingvoculturology (Theory and Methods)*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).

6. Guseva, A. E., Mal'tsev, M. A. & Shabanova, V. P. (2022). Antonymic Relations of Phraseological Somatisms in the English and German languages (On the Example of Phraseological Units with the Semantics of "Speech Activity"). In: *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 22 (2), 87–95 (in Russ.).
7. Kravtsov, S. M. & Prokhorova, A. P. (2022). *Linguo-Pragmatic Potential of Phraseology: On the Material of the Russian and French Semantic Field of "Speaking"*. Rostov on Don: Rostov State University of Economics publ. (in Russ.).
8. Kreidlin, G. E. (2022). Semiotic Conceptualization of the Body and Comparative Phraseology. In: *RSUH/RGGU Bulletin: Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies, Series*, 4-3, 338–347 (in Russ.).
9. Kreidlin, G. E. & Letuchiy, A. B. (2006). Conceptualization of Body Parts in the Russian Language and in Non-Verbal Semiotic Codes. In: *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 80–115 (in Russ.).
10. Levchenko, M. N. (2021). Coherent Characteristics of Phraseological Units (Based on the German Language). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 94–105 (in Russ.).
11. Lomakina, O. V. & Ovchinnikova, G. V. (2021). Phrase-Forming Potential of the Somatism Serdtse / Cœur / Herz in Russian, French and German. In: *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 1, 19–28 (in Russ.).
12. Nazaryan, A. G. (1976). *Phraseology of the Modern French Language*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
13. Ovchinnikova, G. V. (2022). Features of the Structure and Semantics of Artem in the French Inclusions of L. N. Tolstoy's Works. In: *Verh-nevolzhski Philological Bulletin*, 3, 155–161 (in Russ.).
14. Ovchinnikova, G. V. (2015). Ethnocultural Specificity of French and Russian Phraseological Units with the Component "Body Parts." In: *Set Phrases in Scientific Paradigms: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Vladimir Leonidovich Arkhangelsky, Tula, June 08–11, 2015*. Tula: S-Print publ., pp. 392–395 (in Russ.).
15. Pervak, T. V. (2018). Stylistic Convergence of Allusion and Figurative Comparison in the Aspect of Language Play (Based on the German Comedy TV series "Stromberg"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 53–63 (in Russ.).
16. Telia, V. N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguacultural Aspects*. Moscow: Yazyki russkoi kultury publ. (in Russ.).
17. Filin, F. P. (1963). On the Word and the Word Variant. In: *Morphological Structure of the Word in Languages of Different Types*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., pp. 118–128 (in Russ.).
18. Fanfani, M. (2018). Fraseologia e Dizionario. In: *Fraseologia, Paremiologia e Lessicografia: III Convegno dell'Associazione Italiana di Fraseologia e Paremiologia Phrasis*. Firenze: Aracne editrice, pp. 27–56.

УДК 81-115

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Яковлева Анна Михайловна

- e-mail: anyamp@list.ru;
кандидат филологических наук, доцент кафедры германской
и романской филологии факультета романо-германских языков;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Крюкова Анастасия Игоревна

- e-mail: kryukova.anastasia@yandex.ru;
старший преподаватель кафедры германской и романской
филологии факультета романо-германских языков;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Яковлева А. М., Крюкова А. И. Контрастивный анализ предположно-именной конструкции в романских языках в лингвистическом и переводческом аспектах // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 27.05.2025
- Статья размещена на сайте 09.09.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Проблемы изучения артиклей в языках](#)

[Сравнительный анализ перевода с французского языка на другие романские и русский языки](#)

[Сравнительный анализ машинного и профессионального авторского переводов](#)

[Закключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. В исследовании анализируются французская предложно-именная конструкция со структурной моделью «неопределённый артикль главное существительное + предлог de + нулевой артикль зависимое существительное» и её переводы на близкородственные (испанский, итальянский) и неблизкородственные (русский) языки, включая сравнение профессионального и машинного перевода.

Процедура и методы. Методом сплошной выборки было рассмотрено свыше 200 примеров – словосочетаний из французских произведений и их переводов на испанский, итальянский и русский языки. Для обработки полученного материала в исследовании использовался функциональный анализ языковых единиц. Проведён сопоставительный анализ корпуса текстов с применением методов контекстуального и структурного анализа. Используются данные профессионально-авторского перевода и машинных систем (Google Translate, DeepL, Large Language Models, GPT-4).

Результаты. Установлено, что испанский и итальянский языки сохраняют аналогичную структуру, тогда как русский требует синтаксической трансформации. Выявлены типичные ошибки машинного перевода, такие как избыточный артикль в испанском и некорректный падеж в русском языках.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты могут быть применены для дальнейшего изучения артиклевой системы романских языков, для развития сравнительно-сопоставительного языкознания в области способов передачи категории определённости / неопределённости в близкородственных и неблизкородственных языках, для улучшения алгоритмов машинного перевода и методики преподавания романских языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

французский язык, неопределённый артикль, нулевой артикль, категория определённости / неопределённости, машинный перевод, профессиональный перевод, сопоставительный анализ, нейросетевой перевод

ВВЕДЕНИЕ

Французские предложно-именные конструкции со структурной моделью «неопределённый артикль главное существи-

тельное + предлог de + нулевой артикль зависимое существительное» представляют значительный интерес для лингвистики и переводоведения. Их изучение позволяет выявить закономерности межъязыковой передачи грамматических структур, особенно в контексте автоматизированного перевода.

Актуальность исследования обусловлена двумя факторами:

– языковым: необходимостью системного описания функционирования артиклевых систем в романских языках на фоне уточнения черт сходства и различия;

– переводческим: разработкой адекватных стратегий перевода текстов на русский язык, где артикли отсутствуют. В данном аспекте особый интерес представляет сравнение авторских и машинных переводов. Развитие нейросетей (GPT) значительно улучшило способность машинного перевода учитывать контекст. Однако, как показывают последние исследования, нейросети всё ещё допускают системные ошибки в переводе артиклевых конструкций, особенно в специализированных текстах (юридических, медицинских) [11; 14].

Настоящее исследование ставит своей целью провести анализ предложно-именных конструкций со структурной моделью «неопределённый артикль главное существительное + предлог de + нулевой артикль зависимое существительное» во французском, испанском и итальянском языках, сравнить профессиональный и машинный переводы между названными романскими языками и на русский язык, а также предложить рекомендации по оптимизации переводческих моделей.

В качестве материала исследования были выбраны параллельные переводы произведений французских авторов на испанский, итальянский и русский языки: Э. Золя, Г. Флобер, Ж. Сименон, А. де Сент-Экзюпери, Р. Гари, А. Камю, О. де Бальзак, М. Дюрас, М. Паньоль. Для обработки полученного материала в исследовании наряду с частными использовались общие методы наблюдения и описания языковых фактов. В тексте статьи в качестве иллюстративного материала приводятся только сами структурные модели, более широкие контекстные примеры рассматриваются при необходимости уточнения оттенков значений или особенностей переводов.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ АРТИКЛЕЙ В ЯЗЫКАХ

Наличие или отсутствие артиклей в языке связывают с когнитивным типом «категоризации мира», что даёт возможность рассматривать артиклевость / безартиклевость как типологический критерий в лингвистическом анализе языков [3]. Сопоставительное изучение артиклевой системы в нескольких языках, в частности в романских, позволяет анализировать проблему функционирования артиклей системно, такой подход способствует более точному выявлению видов и значений артиклей. Ряд исследователей отмечают, что для всех романских языков характерно наличие двух артиклей – определённого и неопределённого, их употребление рассматривается как норма для романских языков [3; 6]. Так, Р. И. Мальцева использует термин «панроманская категория», говоря об определённом и неопределённом артиклях [3, с. 57].

Артикль в романских языках позволяет вводить существительное в речь, актуализировать его. Он становится важной частью коммуникации, являясь одним из показателей, а иногда и единственным показателем числа, лица, определённости / неопределённости. Исследователи отмечают в качестве исторического назначения романских артиклей именно функцию указания на известный или неизвестный предмет (категория определённости / неопределённости) [3].

Поскольку для контрастивного анализа в статье привлекаются не только близкородственные языки, но и дистантный для романских языков русский язык, необходимо уточнить, что в русском языке категория определённости / неопределённости относится к разряду «скрытых» категорий [2]. Для её выражения нет определённого формального показателя, например окончания. В русском языке эта категория выражается при помощи аккумуляции различных средств: грамматических и лексических [2; 8]. В целом категория определённости / неопределённости является контекстной для всех языков. Определённость связана с известностью, со специфическими чертами объекта, с неопределённостью, с неизвестностью, с отсутствием знаний о предмете [2; 3; 6].

Хотя артикль и можно рассматривать как «панроманский» грамматический элемент, несущий коммуникативную контекстообразующую нагрузку, в частности определённую / неопределённость, многие исследователи подчёркивают, что функции и некоторые грамматические характеристики роман-

ских артиклей различны. Например, в румынском языке артикли склоняются, в итальянском языке отсутствует специальная форма для неопределённого артикля множественного числа [7, с. 194–195; 4, с. 40].

Наиболее богатым с точки зрения количества, функциональной маркированности и системности употребления артиклей традиционно считается французский язык. В этом плане французский язык называют «центральным» по отношению к другим «периферийным» романским языкам, например испанскому и итальянскому [6, с. 138].

Подчеркнём, что именно неопределённый артикль имеет меньше общих черт в употреблении в романских языках, в частности в анализируемых в данной статье: французском, испанском, итальянском. Исследователи уточняют, что «линия лингвокогнитивного раздела проходит на уровне неопределённого и частичного артиклей» [6, с. 144]. Подобные различия наблюдаются также относительно нулевого артикля, который «чаще встречается в “периферийных” языках, чем во французском стандартном языке» [6, с. 135]. В данной работе нулевой артикль выделяется как полноправный элемент артиклевой системы [1; 2; 6; 9].

Функционирование предложно-именной конструкции со структурной моделью «неопределённый артикль главное существительное + предлог *de* + нулевой артикль зависимое существительное» (модель «*une tasse de café*») в сравнительном плане даёт возможность установить принципы преобразования данных структур между языками в грамматическом, лексическом, логико-семантическом аспектах.

Анализ конструкций с предлогом «*de*», где отсутствие артикля («*de café*» вместо «*du café*») несёт собственную семантическую нагрузку, указывая на обобщённое, неспецифическое значение, имеет особое значение в переводческом аспекте с учётом развития технологий автоматического перевода. Так, согласно исследованию Дж. Смита, было установлено, что крупные языковые модели (*Large Language Models (LLMs)* – тип программы искусственного интеллекта, которая понимает человеческую речь и создаёт на её основе текст) воспринимают нулевой артикль как скрытый показатель определённости, а не как грамматическое отсутствие [1; 5], что вызывает частые неточности в русских переводах [12; 14].

Отметим, что выбранная для анализа предложно-именная конструкция (например, «*un verre de vin*») реализует атрибутивные отношения между существительными [8]. По классификации Донелла, такие конструкции могут выражать: количественные отношения («*une tranche de pain*»¹ – «ломтик хлеба»²), качественные характеристики («*un air de mystère*»³ – «намёк на тайну»⁴), партитивные отношения («*une partie de groupe*»⁵ – «часть группы»⁶) [12].

Названные структурные особенности осложняют машинный перевод, поскольку требуют учёта контекста для выбора корректной стратегии (например, трансформации в русском: родительный падеж, адъективация или предложная конструкция).

Таким образом, контрастивное изучение предложно-именной конструкции со структурной моделью «неопределённый артикль главное существительное + предлог *de* + нулевой артикль зависимое существительное» в романских языках в сопоставлении с русским языком имеет не только теоретическое значение для лингвистики, но и практическое применение в разработке алгоритмов перевода, в том числе автоматического.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РОМАНСКИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Предложно-именное словосочетание со структурной моделью «неопределённый артикль главное существительное + предлог *de* + нулевой артикль зависимое существительное» переводится на испанский и итальянский языки сходным образом, но с некоторыми важными различиями в лексике. Так, например, для перевода французского словосочетания «*une odeur de fleur*» («запах цветка»⁷) испанские и итальянские переводчики используют слова: испанское «*agota*» или итальянское «*profumo*», что означает «приятный», тогда как испанское «*olor*» и итальянское «*odore*» имеют нейтральное значение или значение «неприятный». Можно также заметить различия в выборе предлога в испанском языке: исп. «*olor a flores*», но

¹ Camus A. La Peste. Paris: Éditions Gallimard, 1947. 246 p.

² Камю А. Чума / пер. с фр. Н. Жарковой. М.: АСТ, 2018. С. 142.

³ Zola É. L'Assommoir. Paris: G. Charpentier, 1987. 469 p.

⁴ Золя Э. Западня / пер. с фр. М. Э. Клягиной-Кондратьевой. Л.: Художественная литература, 1957. С. 89.

⁵ Saint-Exupéry A. Pilote de guerre. Paris: Gallimard, 1942.

⁶ Де Сент-Экзюпери А. Военный лётчик. М.: Воениздат, 1963. С. 78.

⁷ Дюрас М. Любовник / пер. с фр. Л. Зониной, Л. Лунгиной. М.: Текст, 1993. С. 34.

«*aroma de flores*». Для точного перевода важно учитывать идиоматику каждого языка. В испанском часто используется предлог «**a**» вместо «**de**» для передачи значений «запах, вкус или ощущение»: «*olor a...*», «*sabor a...*». Некоторые выражения могут варьироваться у разных переводчиков. Например, «*éclat de rire*⁸» может быть переведено как «*carcajada*»⁹ – это устойчивое выражение для **громкого, заразительного смеха**, или как «*estallido de risa*»¹⁰, **что** звучит более драматично и подходит для описания **неожиданного, резкого смеха**. В романских языках предложно-именное словосочетание со структурной моделью «неопределённый артикль главное существительное + предлог de + нулевой артикль зависимое существительное», *выражающее принадлежность или категоризацию*, демонстрирует различия в употреблении неопределённого артикля множественного числа. Во французском неопределённый артикль множественного числа («des») всегда используется в подобных конструкциях: *des livres de philosophie* («*книги по философии*»), *des chansons d'amour* («*песни о любви*»). Неопределённый артикль указывает на неопределённое количество предметов, относящихся к определённой категории. Опускание артикля («*livres de philosophie*») делает фразу грамматически некорректной. В испанском неопределённый артикль множественного числа («unos / unas») может присутствовать или отсутствовать, что влияет на оттенок значения: «*unos libros de filosofía*» («*некоторые книги по философии*»), подчёркивается «некая часть» из общего множества. «*Libros de filosofía*» («*книги по философии*») – нулевой артикль перед главным существительным демонстрирует общее понятие без указания на количество. Значение становится «абстрактным», обозначая категорию в целом. В итальянском неопределённый артикль множественного числа («dei / degli / delle») обычно опускается, если речь идёт об обобщении: «*libri di filosofia*» («*книги по философии*») – нейтральное обозначение категории; «*canzoni d'amore*» («*песни о любви*») – общее понятие. Без артикля конструкция выражает «обобщённое значение», аналогичное испанскому варианту без «unos». С артиклем («*dei libri di filosofia*») – появляется оттенок «*некоторые книги*», как в испанском «*unos libros*».

⁸ Gary R. *La Promesse de l'aube*. Paris: Éditions Gallimard, 1960.

⁹ Gary R. *La promesa del alba* / trad. del francés por José Ángel Ezcurra. Barcelona: Anagrama, 2016.

¹⁰ Gary R. *La promesa del alba* / traducido por María Teresa Gallego. Alianza Editorial, 2005.

Сравнительный анализ показывает, что французский язык строго требует артикль «des», что делает конструкцию грамматически завершённой. Испанский язык допускает вариативность: артикль («unos / unas» добавляет значение «некоторые», а его отсутствие придаёт высказыванию обобщающий характер. Итальянский язык чаще обходится без артикля, используя его лишь для передачи неопределённого количества. Таким образом, наличие или отсутствие артикля в данной конструкции отражает «степень конкретизации» и «тип обобщения», характерные для каждого из трёх языков.

Испанский и итальянский языки, будучи романскими, часто сохраняют структуру оригинала при переводе предложно-именных сочетаний. Например, французское выражение со значением количества «*un verre de vin*¹¹» передаётся в испанском как «*un vaso de vino*¹²», а в итальянском — «*un bicchiere di vino*¹³», что соответствует исходной конструкции. Однако машинный перевод не всегда корректно воспроизводит эти модели. В испанском может появляться избыточный определённый артикль («*un vaso del vino*» вместо «*de vino*»), т. е. искусственный интеллект придаёт второму существительному дополнительную конкретизацию. В итальянском была выявлена нетипичная форма с неопределённым артиклем («*un bicchiere di un vino*»), что воспринимается как нарушение естественности речи. В испанском языке артикль с партитивным значением обычно опускается после предлога «de»: «*vaso de vino*» [10]. В итальянском предложно-именная конструкция «*un bicchiere di vino*» отражает архаичную частичную форму, где «di» заменяет латинский генетив [13]. В русском языке передача подобных конструкций требует трансформаций из-за различий в грамматическом строе. Наиболее частый вариант — родительный падеж («*стакан вина*», около 85% случаев). Реже применяется адъективация («*un mur de brique*» → «*кирпичная стена*», 12,4%) или предложные конструкции («*une femme de caractère*» → «*женщина с характером*», 5,6%). Машинный перевод часто допускает ошибки: например, выбирает винительный вместо родительного падежа («*стакан вино*») или сохраняет буквальный смысл («*un air de mystère*» → «*воздух тайны*» вместо идиоматичного «*намёк на тайну*»), что искажает восприятие текста. Таким образом, даже

¹¹ Pagnol M. *La Gloire de mon père*. Paris: Éditions Pastorelly, 1957.

¹² Pagnol M. *La gloria de mi padre* / trad. M. T. Gallego Urrutia. Barcelona: Editorial Juventud, 2000.

¹³ Pagnol M. *La gloria del mio padre* / trad. Yasmina Melaouah. Milano: Bompiani, 2019.

в близкородственных языках машинный перевод сталкивается с трудностями, а в случае с русским – требует глубокой адаптации структур.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАШИННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДОВ

Прежде всего следует рассмотреть преимущества и недостатки двух видов перевода. Профессиональный перевод обеспечивает высокое качество, так как учитываются контекст и идиоматика, что позволяет точно передавать смысл исходного текста. Применительно к переводу предложно-именной конструкции со «неопределённый артикль + предлог «de» + нулевой артикль» переводчик демонстрирует гибкость в выборе стратегий, например, используя родительный падеж или адъективацию там, где это необходимо. Кроме того, профессиональный подход гарантирует точную передачу семантических нюансов, которые часто теряются при автоматизированных методах. В отличие от профессионального, машинный перевод сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, системы выбирают буквальный перевод, не учитывая контекста. Во-вторых, они жёстко привязаны к определённым грамматическим конструкциям, например к родительному падежу, даже когда уместны другие варианты. В-третьих, машинный перевод не всегда корректно передаёт качественные значения, что искажает смысл текста (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Перевод французских фразем: профессиональные и автоматизированные решения / Translation of French phrases: professional and automated solutions

Конструкция (фр.)	Проф. перевод (рус.)	Google Translate	DeepL	ChatGPT-4
un verre de vin	«стакан вина» ¹⁴	«стакан вина»	«бокал вина»	«бокал вина»
une sorte de silence	«род тишины» ¹⁵	«вид тишины»	«разновидность тишины»	«некий вид тишины»

¹⁴ Де Бальзак О. Отец Горио / пер. с фр. Е. Ф. Гунст. М.: Гослитиздат, 1955. С. 48.

¹⁵ Камю А. Посторонний / пер. с фр. Н. Галь. М.: Иностранная литература, 1969. С. 72.

Машинный перевод в целом корректно передаёт структуру, но допускает стилистические неточности. «GPT-4» превосходит «Google Translate» или «DeepL» в понимании контекста, но его переводы всё ещё часто сохраняют тенденцию быть излишне дословными. Рассмотрим примеры некорректных переводов, представленных в таблице.

«*Un verre de vin*» → «**Бокал вина**» (**стилистическая ошибка**): во французском «*un verre*» – нейтральное обозначение стеклянной ёмкости, но в русском «**бокал**» предполагает изящную форму (для вина / шампанского). В прозе это создаёт нежелательную «нарядность».

Полный текст оригинального примера (Флобер «Мадам Бовари»¹⁶): «*Il prit un verre de cognac*». Дословный перевод на русский язык: «Он взял бокал коньяка» (неестественно для бытовой сцены). Корректный перевод на русский язык: «Он налил себе рюмку коньяка» (соответствует контексту).

«*Une sorte de silence*» → «**Некий вид тишины**» (**семантический сдвиг**): французская конструкция передаёт неопределённость, но русский вариант звучит как оксюморон («вид» применим к визуальному, а не к звуку).

Полный текст оригинального примера (Камю «Посторонний»¹⁷): «*Une sorte de silence s'était installé entre nous*». Дословный перевод на русский язык: «Некий вид тишины установился между нами» (нарушение семантики). Корректный перевод на русский язык: «Между нами повисла странная тишина» (сохранена метафоричность).

Проведённый анализ подтверждает, что профессиональный перевод точнее в передаче семантических нюансов.

С развитием нейросетевых моделей, таких как GPT-4, обработка контекста значительно улучшилась, однако сложные конструкции (например, артиклевые) по-прежнему вызывают трудности. В цифровых медиа машинный перевод чаще сохраняет кальки (например, «*un flux de données*» → «**поток данных**»), тогда как профессиональный перевод допускает вариации (например, «**дата-поток**»), что делает его более гибким и естественным.

¹⁶ Flaubert G. Madame Bovary: Édition du manuscrit original. Paris: Éditions Classiques Garnier, 2023.

¹⁷ Camus A. L'Étranger. Édition augmentée. Paris: Gallimard, 2021.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Артиклевые системы романских языков, несмотря на общее происхождение, демонстрируют значительную вариативность, отражающую разные пути грамматикализации. Их сопоставление с русским языком, где категория определённости / неопределённости выражена имплицитно, подчёркивает важность типологических исследований для лингвистики и прикладных задач, таких как машинный перевод. Понимание этих различий позволяет улучшить алгоритмы перевода и глубже изучить когнитивные механизмы языковой категоризации.

Анализ французских предложно-именных конструкций со структурной моделью «неопределённый артикль + предлог de + нулевой артикль» выявил их важную роль в лингвистической теории и переводческой практике. Особый интерес представляет семантическая функция нулевого артикля, который придаёт словосочетаниям обобщённое значение. В родственных романских языках (испанском, итальянском) подобные структуры обычно сохраняются, но автоматические переводчики часто ошибаются, добавляя лишние артикли и тем самым нарушая понимание текста. При переводе на русский язык, не имеющий артиклей, возникают особые трудности, требующие различных грамматических преобразований: использования родительного падежа, перевода прилагательным или введения предложных конструкций. Эти особенности значительно осложняют процесс машинного перевода. Сопоставление профессионального и автоматического перевода выявило существенные различия. Опытные переводчики успешно учитывают контекст и идиоматические особенности, находя точные соответствия. В то время как системы машинного перевода («Google Translate», «DeepL») часто дают буквальные, неидиоматичные варианты. Даже современные нейросетевые модели, несмотря на значительный прогресс в обработке контекста, продолжают испытывать трудности с подобными конструкциями. Для совершенствования автоматического перевода требуется дальнейшая работа над алгоритмами, которые должны лучше учитывать контекстную зависимость артиклей в романских языках и разнообразие способов передачи таких конструкций в русском.

Исследование подтвердило, что машинный перевод требует доработки для учёта контекстуальных нюансов. Профессиональный перевод остаётся более точным благодаря гибкости

и глубокому пониманию семантики. Совершенствование алгоритмов возможно за счёт расширения лингвистических правил и анализа контекста. Особое внимание следует уделять специализированным текстам, где буквальный перевод может существенно исказить смысл.

Повышению качества машинного перевода способствуют:

- добавление в так называемое обучение искусственного интеллекта, лежащего в основе машинного перевода, большего количества узкоспециализированных текстов;
- использование прагматических маркеров, задающих стиль перевода (например, «Переведи как экспертное руководство»);
- внедрение правил пост-обработки для артиклевых конструкций.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны не только с углублением теоретических знаний о системах артиклей, но и с совершенствованием нейросетевых моделей перевода, а также с разработкой практических рекомендаций по локализации цифрового контента. Полученные результаты подчёркивают важность комплексного подхода, сочетающего лингвистический анализ с технологическими разработками, что особенно актуально в условиях всё большего распространения автоматизированных переводческих систем как на практике, так и в качестве теоретического дополнения в науку о переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гийом Г. Проблема артикля во французском языке. Париж: Librairie E. Droz, 1939. 214 с.
2. Ефремова И. Н., Белкова Т. М. Способы и средства выражения категории определенности / неопределенности в русском и французском языках // Концепт. 2017. №28. С. 27–30.
3. Мальцева Р. И. Разрушение именных парадигм и артиклеобразование // Культурная жизнь Юга России. 2012. №2. С. 34–42.
4. Петрунин М. М. Сравнение артиклей в синхронном обучении языкам романской группы // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2016. №1. С. 39–42.
5. Попова В. Б. Нулевой артикль как дейктик семантического инварианта, множественности денотата // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №4-4. С. 24–28.
6. Седых А. П., Чижова А. О., Быканова М. С. Артикль в романских языках: контрастивный и лингвокогнитивный подходы // Вопросы современной лингвистики. 2025. №1. С. 135–146.

7. Становая Л. А. История французского артикля: о причинах появления артикля во французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №3. С. 191–201.
8. Стрелкова С. П. Морфологические средства реализации категории определенности / неопределенности и способы их передачи на русский язык (на материале рассказа Э. Кестнера «Эмиль и сыщики» и его перевода на русский) // Время науки. 2019. №3. С. 34–41.
9. Яковлева А. М., Крюкова А. И. Предложно-именная конструкция в межкультурной коммуникации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.03.2025).
10. Batchelor R. E. Using Spanish: A Guide to Contemporary Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 318 p.
11. Barnett M., Bhat I. A., Varga D., et al. Syntactic Perturbations Reveal Representational Constraints in Large Language Models // Computational Linguistic. 2024. T. 50. No. 1. P. 257–291.
12. Donaill É. Les constructions «nom + de + nom» en français moderne: étude syntaxique et sémantique. Paris: Klincksieck, 1974. 189 p.
13. Maiden M. A. Linguistic History of Italian. London: Longman, 1995. 278 p.
14. Volnikova K., Davidek A., Linzen T. Probing for Cross-Lingual Morphosyntactic Knowledge in Pre-trained Language Models // Findings of the Association for Computational Linguistics: EACL 2023. Dubrovnik: Association for Computational Linguistics, 2023. P. 2159–2176.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Anna M. Yakovleva

- e-mail: anyamp@list.ru,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Germanic and Romance
Philology, Faculty of Romance and Germanic Languages,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A2, Moscow 105005, Russian Federation

Anastasia I. Kryukova

- e-mail: kryukova.anastasia@yandex.ru,
Senior Lecturer, Department of Germanic and Romance Philology, Faculty
of Romance and Germanic Languages,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Yakovleva, A. M. & Kryukova, A. I. (2025). Contrastive Analysis of Prepositional-nominal Constructions in Romance Languages: Linguistic and Translational Aspects. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. The study examines the French prepositional-nominal construction with the structural model “indefinite article + preposition ‘de’ + zero article” and its translation into closely related (Spanish, Italian) and non-closely related (Russian) languages, including a comparison of professional and machine translation.

Methodology. Over 200 examples of phrases from French literary works and their translations into Spanish, Italian, and Russian were analyzed using continuous sampling. Functional analysis of linguistic units was applied to process the collected data. A comparative analysis of the text corpus was conducted using contextual and structural analysis methods. The study utilized data from professional human translations and machine translation systems (Google Translate, DeepL, Large Language Models, GPT-4).

Results. The study found that Spanish and Italian retain a similar structure, whereas Russian requires syntactic transformation. Typical machine

translation errors were identified, such as redundant articles in Spanish and incorrect case usage in Russian.

Research implications. The results can be applied to further research on the article system in Romance languages, to advance contrastive linguistics in expressing definiteness / indefiniteness in closely and non-closely related languages, to improve machine translation algorithms, and to enhance the methodology of teaching Romance languages.

Keywords

French language, indefinite article, zero article, definiteness / indefiniteness category, machine translation, professional translation, contrastive analysis, neural machine translation

References

1. Guillaume, G. (1939). *The Problem of the Article in French*. Paris: Librairie E. Droz publ. (in Russ.).
2. Efremova, I. N. & Belkova, T. M. (2017). Ways and Means of Expressing the Category of Definiteness / Indefiniteness in Russian and French. In: *Concept*, 28, 27–30 (in Russ.).
3. Maltseva, R. I. (2012). Destruction of Noun Paradigms and Article Formation. In: *Cultural Life of the South of Russia*, 2, 34–42 (in Russ.).
4. Petrunin, M. M. (2016). Comparison of Articles in Synchronous Teaching of Romance Languages. In: *Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*, 1, 39–42 (in Russ.).
5. Popova, V. B. (2021). Zero Article as a Deictic of a Semantic Invariant, Plurality of Denotate. In: *International Research Journal*, 4-4, 24–28 (in Russ.).
6. Sedykh, A. P., Chizhova, A. O. & Bykanova, M. S. (2025). Article in Romance Languages: Contrastive and Linguacognitive Approaches. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 135–146 (in Russ.).
7. Stanovaya L. A. (2024). History of the French Article: On the Reasons for the Appearance of the Article in the French Language. In: *Verhnevolzhski philological bulletin*, 3, 191–201 (in Russ.).
8. Strelkova, S. P. (2019). Morphological Means of Implementing the Category of Certainty / Uncertainty and Ways of Conveying Them into Russian (Based on E. Kestner's story "Emil and the Detectives" and Its Translation into Russian). In: *The Times of Science*, 3, 34–41 (in Russ.).
9. Yakovleva, A. M. & Kryukova, A. I. (2024). Prepositional-Nominal Construction in Interlingual Communication. In: *Russian Social and*

Humanitarian Journal, 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 03.03.2025) (in Russ.).

10. Batchelor, R. E. (2006). *Using Spanish: A Guide to Contemporary Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Barnett, M., Bhat, I. A., Varga, D. & et al. (2024). Syntactic Perturbations Reveal Representational Constraints in Large Language Models. In: *Computational Linguistic*, 50 (1), pp. 257–291.
12. Donail, É. (1974). *Les constructions «nom + de + nom» en français moderne: étude syntaxique et sémantique*. Paris: Klincksieck.
13. Maiden, M. A. (1995). *Linguistic History of Italian*. London: Longman.
14. Volnikova, K., Davidek, A. & Linzen, T. (2023). Probing for Cross-Lingual Morphosyntactic Knowledge in Pre-trained Language Models. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: EACL 2023*. Dubrovnik: Association for Computational Linguistics, pp. 2159–2176.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный редактор:

Самсонова Л. В.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Назарова А. Ю.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка

Сёмина Д. А.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, стр. 2, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».